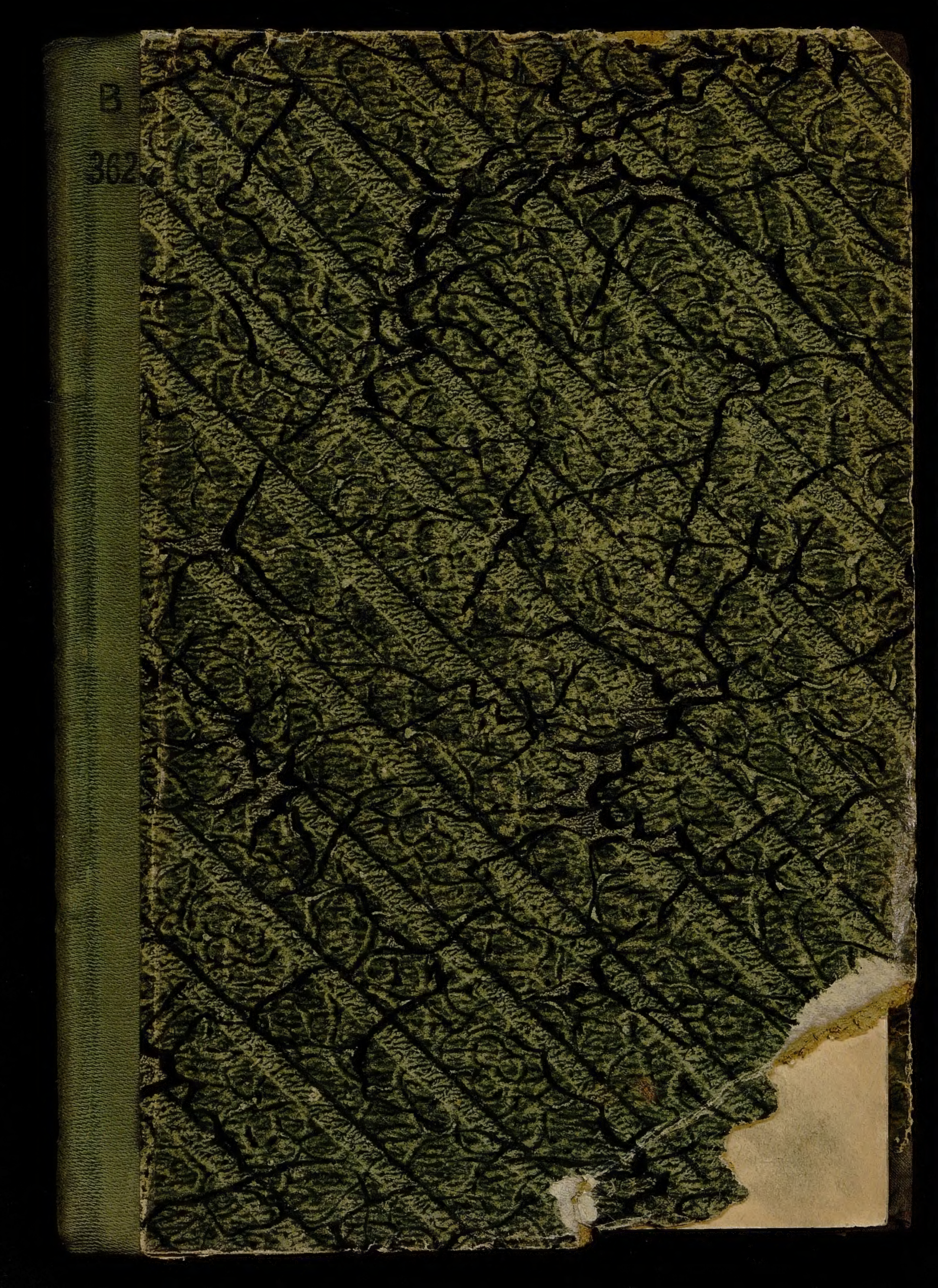
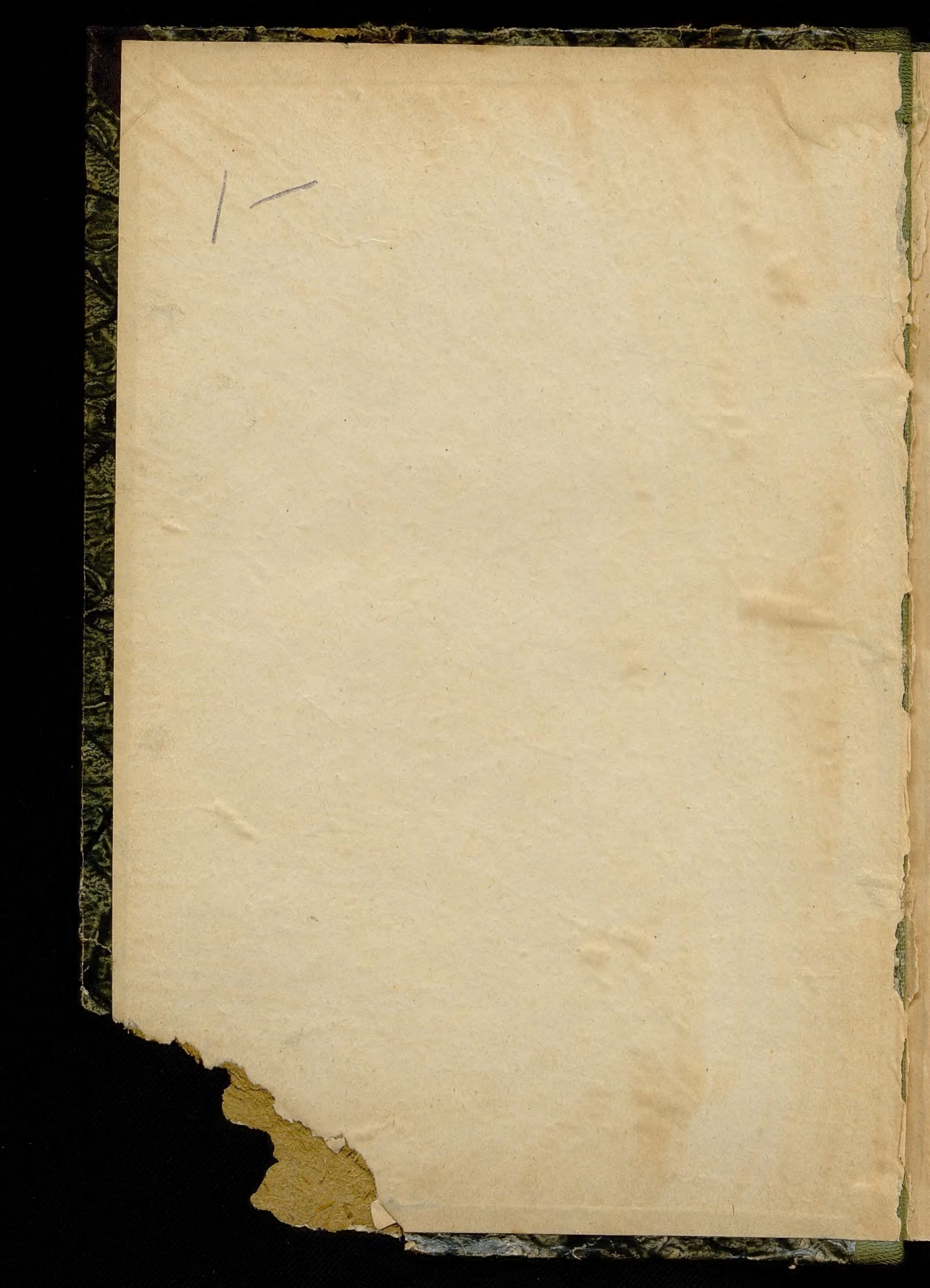
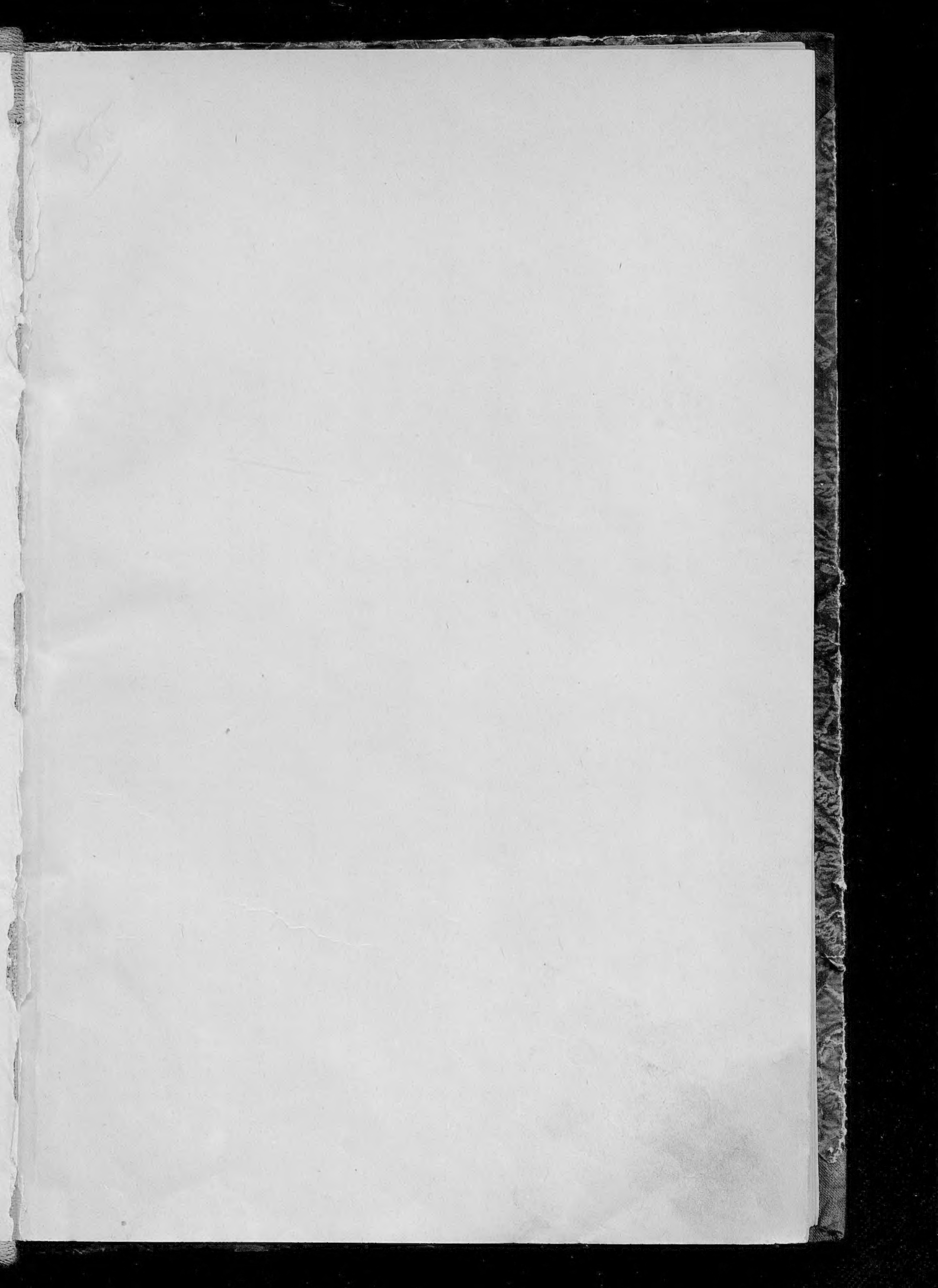






АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

под редакцией Юлия Гессена.

6—7.

ПЕТРОГРАД — 1923.

Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Несколько слов об арестантском труде.

Официальным исследованием, произведенным в начале шестидесятых годов 19 века, было обнаружено весьма печальное состояние тюрем: «сырость и гнилой воздух в помещениях при тесноте их, полнейшая праздность арестантов и совместное содержание их без разделения по роду преступления, а иногда и по возрасту»[1]). Несмотря на детально разработанную «Инструкцию», предусматривавшую множество разнообразных работ, заключенные прозябали в праздности, выходя из этой «академии порока» вполне законченными преступниками. Несколько иным было положение в арестантских ротах, так как они по самой идее своей предназначались для работ. Учреждение арестатских рот находилось в связи с сокращением сибирской ссылки в начале царствования Николая I. Роты предполагалось устроить во всех губернских городах, чем, по мысли Николая, был бы достигнут дешевейший способ к устройству губернских городов и к производству разных городских работ. По уложению 1845 года арестантские роты заняли в лестнице наказаний место исправительной кары для лиц непривиллегированного состояния[2]).

Работы, производившиеся арестантами рот, подразделялись на казенные, общественные, частные и работы по обслуживанию самих рот. Все они, за исключением последних, подлежали оплате. Однако, оплата эта гораздо меньше имела в виду интересы самих арестантов или поднятие производительности их труда, чем облегчение государству содержание рот. Арестантский труд рассматривался в то время, как источник дохода, могущий до известной степени окупить расходы по тюремному ведомству. Такая точка зрения господствовала тогда не только в России, но и в некоторых передовых государствах Запада. В американских тюрьмах весь заработок заключенных поступал в пользу тюрьмы, в Англии—это

[1]) Фойницкий. Учение о наказании (Спб. 1889 г.), стр. 318.
[2]) Там же, стр. 290.

положение смягчалось тем, что при освобождении заключенный мог получить небольшое пособие, выдача которого, впрочем, не была обязательна и зависела от усмотрения тюремного начальства. Иной взгляд проводился в тюрьмах Франции и некоторых других государств, где часть заработанных арестантом денег поступала в его пользу либо по освобождении его из тюрьмы, либо отчасти уже в стенах тюрьмы для поощрения к труду. При этом количество отчисляемой в пользу арестанта платы возрастало по мере его исправления [3]). Размер заработной платы арестантов всегда и везде был ниже оплаты вольнонаемного труда, во избежание конкуренции с последним.

Вопрос об отчислении части заработка в пользу арестантов и о выдаче небольшого количества денег на руки разрешался у нас не совсем одинаково для тюрем и арестантских рот. В начале 60-х годов 19 века положение в арестантских ротах было таково. Содержание их отнесено было за счет земского сбора, но для усиления ег средств употреблялась часть заработанных арестантами денег. Поденная плата за различные работы устанавливалась по соображению с местной средней ценой рабочего дня, с понижением последней на 30—40 процентов. Из всей заработанной ротой суммы две трети обращались на пополнение земского сбора, а одна треть оставалась в роте для улучшения содержания арестантов, исправляющихся в поведении, и на пособия выбывающим из рот. Исключение составлял заработок арестантов, приговоренных к вознаграждению причиненного их преступлением убытка и впавших в неоплатные недоимки, который шел в двух третях на покрытие долга и в одной трети на пополнение земского сбора [4]).

Подобные постановления способствовали крайне низкой производительности арестантского труда. Правда, к тому же вело и множество других причин, кроющихся в самой психике подневольного труда вообще, в его обстановке и атмосфере в русских условиях, в частности, но помимо того и в самом законе заключалось препятствие к развитию производительности труда. Прежде всего, значительная часть работ совершенно не вознаграждалась. Сюда относились все работы по обслуживанию арестантских рот, включая в это понятие и все население последних, значит не только уборка помещений, колка дров, приготовление пищи и проч., но и шитье и починка для заключенных одежды и обуви и другие работы в том же роде. Большая экономия, достигавшаяся благодаря выполнению этих работ арестантами, а также отсутствие всякого поощрения для их труда, вызывали в некоторых случаях ходатай-

[3]) Там же, стр. 372.
[4]) Свод законов, изд. 1857 г. т. XIV. Уст. о сод. под стражей, ст.ст. 1012—1015.

ства губернаторов о выдаче, вопреки закону, небольшого вознаграждения арестантам за подобные работы [5]).

Вторым моментом, понижавшим производительность труда, была крайне низкая заработная плата, которая по закону должна была отличаться от платы вольнонаемных рабочих на 30—40 процентов. Однако, эта разница соблюдалась очень редко. Фактически экономия от употребления арестантского труда вместо вольнонаемного была сплошь и рядом несравненно больше. Из ряда отчетов о работе арестантских рот по губерниям видно, что она часто достигала 200, 300 процентов и больше, нормально же была почти всегда значительно выше 30—40 процентов. Из этих же отчетов можно убедиться, что даже и те ничтожные суммы, которые полагались за работы, выполненные арестантскими ротами, выплачивались крайне неохотно. Как города, так и частные лица, на которых работали арестанты, оказывались весьма неисправными должниками. Что касается абсолютного размера заработной платы арестанотв, то он сильно колебался по губерниям. Так, например, в 1864 году чернорабочие арестанты получали в разных губерниях следующую поденную плату: 13,5 к., 15 к., 20 к., 25 к., 27 к., а мастеровые: 20 к., 23 к., 28,5 к., 30 — 40 к. в день [6]).

Но абсолютный размер заработной платы и значительное отличие его от платы вольнонаемных рабочих сами по себе не играли особенно большой роли. Гораздо важнее был способ употребления арестантских заработков. Заключенные не видели выработанных ими денег, не могли истратить их или распорядиться ими по своему желанию, больше того, они не знали своих заработков, которые вливались в общую сумму вырученного всей ротой. Только при выходе им выдавалась небольшая часть из заработанных во время пребывания в роте денег. При таких условиях у них отнимался всякий стимул к труду, и работа теряла для них смысл и интерес. А между тем вопрос о поднятии производительности арестантского труда не был вопросом «сантиментальности» и забот о «нравственном состоянии арестантов». Это был вопрос о доходности роты, крайне существенный для нее, в виду скудости земских средств. Свой главный доход рота могла получать только от работы на частных лиц, потому что работы казенные и городские оплачивались слишком низко. Получить же заказы от частных лиц при столь низкой производительности арестантского труда было очень трудно. Такое положение побудило некоторых губернаторов поднять вопрос о поощрении арестантского

[5]) Архив мин. внутр. дел. Деп. полиции исполнительной. Дело о разрешении арестантам Владимирского тюремного замка производства работ без конвоя, о выдаче им половины заработной платы и об улучшении их быта, 1867 г. № 547.

[6]) Тот же архив: Дело о работах арестантских рот гражданского ведомства и о вырученной за оные сумме в 1864 г. № 151.

труда путем выдачи арестантам ничтожной части их заработка на руки, так как даже самая незначительная сумма денег, но зарабатываемая арестантом для себя, могла повысить их энергию и возбудить интерес к работе.

Поводом к этому послужил отчасти циркуляр министра внутренних дел от 22 марта 1864 года, имевший, правда, в виду только польских политических преступников, которым разрешалось обращать в свою пользу выручку, полученную за вещи, сделанные ими в свободное от казенных работ время и своими средствами. Циркуляром этим воспользовалось особое попечительство над харьковской арестантской ротой, которое, протестуя против ограниченности циркуляра и указывая на нежизненность его, в силу отсутствия у арестантов собственных средств, возбудило через губернатора общий вопрос о поощрении арестантского труда путем выдачи части заработка им на руки[7]). При этом попечительство ссылалось на опыт в указанном направлении. По мнению попечительства «успех в производстве работ, скорое и правильное выполнение их арестантами могут быть достигнуты единственно только при известном вознаграждении арестантов за их труд, что показал на деле и опыт харьковского тюремного комитета, который, увеличив прежнюю плату арестантам тюремного замка, достиг этим полного успеха, так что то самое число вещей, которое в прежнее время производилось арестантами в течение шести месяцев, в текущем году окончено ими в два месяца, и кроме сего на эту работу явились и те арестанты, которые до сего скрывали свои познания в мастерствах». Исходя из этого, попечительство признало справедливым увеличить задельную плату арестантов рот, составлявшую в то время за городские работы 8—10 коп. в день как в летнее, так и в зимнее время, на 3 коп., т.-е. до 11—13 коп. в день, с тем, чтобы из выработанной на городских работах суммы отделять в собственную пользу арестантов эти 3 копейки, а из платы за работы в мастерских—$^1/_3$ из цены за вещь на всех, ее делавших, и деньги эти, не присоединяя к экономической сумме роты, записывать на каждого арестанта, принимавшего участие в работе, и хранить затем при роте; в бытность же арестанта в роте выдавать ему из заработанных таким образом денег часть на его надобности, а по выбытии из роты, отдавать остальные деньги. Харьковский губернатор, соглашаясь с мнением попечительства, предлагал распространить эту льготу на всех отбывающих наказание в арестантских ротах, и в заключение констатировал, что арестанты никакого вознаграждения за свой труд не получают и

[7]) Тот же архив. Дело о выдаче арестантам арестантских рот части заработка в поощрение трудов. 1865 г. № 5416.

потому «работы, выполняемые ими, идут чрезвычайно вяло и неуспешно».

Почти одновременно с аналогичным предложением обратился в министерство и псковский губернатор. «Следя постоянно за ходом работ, производимых арестантами псковской арестантской роты доносит он, я заметил, что вообще работы, на них возлагаемые, приводятся к окончанию весьма медленно, так как арестанты отправляют эти работы без всякой охоты и даже те из них, кои знают хорошо какие либо мастерства, не прилагают никакого старания к успешному окончанию предложенных им занятий. Причина такого отношения арестантов к работам лежит главнейше в том, что за свой труд люди сии не имеют права получить никакого вознаграждения на руки и, хотя они и знают, что работают за поденную плату, тем не менее, так как им вместе с тем известно, что из зарабатываемых денег они по смыслу закона или не получат ничего, или же весьма малую часть, и то в будущем, то они и не видят никакого поощрения трудам своим». Частные лица, на которых работают арестанты, очень ясно сознали, что без немедленного, даже самого незначительного поощрения, работы будут идти крайне вяло и потому «почти каждый частный наниматель старается тайком передать работающим или несколько копеек, или чарку водки». Отвратить такие явления невозможно, а между тем и сами частные наниматели, не желая подвергать себя ответственности за незаконные действия, при всей выгоде арестантского труда, поощряемого таким образом, весьма редко берут арестантов для работ. Из этого происходит, что «находящиеся в псковской роте 240 рабочих, несмотря на имеющиеся по городу частные и общественные работы, по большей части остаются без дела». Такое положение побудило губернатора убедиться на опыте, «в какой мере поощрение арестантов самым незначительным вознаграждением может иметь влияние на степень их труда». Он разрешил выдавать на руки тем из арестантов, которые обратили его внимание своим хорошим поведением и усердием в работе, самую незначительную часть сверх причитавшейся за них заработной платы и пришел к заключению, что «мера сия есть надежнейшее средство побуждения арестантов к исправной работе». Работа шла так успешно, что в течение двух летних месяцев в городе проложено исключительно трудами арестантов до 320 саж. подземных труб, срубленных ими же, причем работа эта обошлась не более 50 руб. серебром, тогда как исполненная наемными поденщиками, она стоила бы не менее 150 руб. сер. Из вышеизложенных фактов, заключает губернатор, видно, что труд арестантов, обыкновенно медленный и непроизводительный, может изменить свой характер, но при условии его поощрения путем выдачи небольших сумм на

руки лучшим из арестантов. В виду этого губернатор просил разрешить ему в дальнейшем право производства таких выдач по его усмотрению при выполнении арестантами как казенных и общественных, так и частных работ.

Министр внутренних дел пошел навстречу предложениям губернаторов и возбудил вопрос в общей форме в Комитете министров. При этом он руководствовался тем соображением, что дурное состояние арестантских рот невыгодно для земства, которое, затрачивая суммы на содержание рот, не получает вознаграждения в возврат этих затрат и, кроме того, не достигается цель учреждения рот—беспрерывное занятие арестантов принудительными работами, признаваемыми важнейшим средством нравственного их исправления. Комитет министров, соответственно с этим, постановил ввести временно, в виде опыта, чтобы из одной трети поденной платы, выручаемой арестантами и остающейся в роте для улучшения содержания арестантов и на пособия выбывающим из роты, выдавалась некоторая часть, не более однакоже половины помянутой одной трети, на руки арестантам, отличившимся хорошим поведением и усердием к работе (не распространяя этой меры на арестантов, отрабатывающих причиненные ими убытки или недоимки), с тем, чтобы эта мера не отменяла пособий, установленных законом для выбывающих из рот арестантов.

Губернаторам был разослан (23 августа 1866 г.) циркуляр с изложением приведенного постановления, предлагающий им представить свое заключение о последствиях выдачи денег на руки арестантам, «дабы эти сведения можно было принять к соображению при рассмотрении общего вопроса о преобразовании у нас тюремной системы и назначения, между прочим, вознаграждения за арестантский труд». Интересно отметить, что способ выдачи части заработной платы арестантам, установленный циркуляром, в большой степени ослаблял значение нововведения: вместо заведения индивидуальных счетов каждого арестанта в отдельности, продолжал существовать один общий счет всей роты в целом, из ⅙ части которого делались выдачи. При таких условиях выдачи утрачивали характер заработка данного лица и, скорее походили на наградные за хорошее поведение и усердную работу. Пособия выбывающим из роты продолжали выдаваться попрежнему всем арестантам, но уже не из ⅓, а из ⅙ общего заработка роты.

С 1867 по 1869 год поступил ряд ответов от губернаторов, из которых видно, что, несмотря на всю ограниченность и боязливую осторожность, рекомендовавшуюся при проведении в жизнь нового принципа, значение его, как фактора повышения производительности арестантского труда, успело сказаться. За исключением одного воронежского губернатора, сообщившего, что «мера

эта не принесла собой пользы в нравственном отношении, а напротив с получением арестантами на руки денег, замечена в них наклонность к горячим напиткам», губернаторы высказались в положительном смысле. Смоленский губернатор сообщил, что выдача части заработка «побуждает арестантов к труду и дает им возможность приобресть законом невоспрещенные предметы, которые облегчают их участь, приучает их к бережливости, а некоторые даже помогают родным своим, а потому мера эта весьма благодетельно действует на нравственность арестантов; со времени ее введения, мастера отчетливее и успешнее выполняют заказные работы, а чернорабочие стали трудолюбивее, вследствие чего жители города Смоленска охотнее требуют их на работы, и заработанная сумма в минувшие 7 месяцев втрое более самой высшей заработной суммы, поступавшей в этот период времени в прошлые года». Тульский губернатор убежден, что поощрение арестантов денежными наградами может принести пользу, и если не послужит к исправлению нравственности их, то без сомнения увеличит усердие их к работам. По наблюдениям в одесской арестантской роте оказалось, что «поощрение за труд побуждало арестантов к соревнованию с теми из них, которые удостоились денежной награды и что, при возбужденном таким образом усердии к труду замечалось вообще и лучшее поведение арестантов». По мнению архангельского губернатора, опыт подтвердил несомненную пользу выдачи денег на руки арестантам, так как поощряет их к труду и улучшает их поведение; «они стараются вести себя безукоризненно для скорейшего поступления в разряд исправляющихся, дабы воспользоваться предоставленным только этому разряду правом получения части заработок, получающие же их ведут себя лучше прежнего из опасения не быть исключенными из разряда исправляющихся и тем не лишиться права пользоваться деньгами». В таком же роде ответы остальных губернаторов, в общем дающие полное основание для превращения временной меры в постоянную и для более смелого и решительного ее применения.

Несколько иначе обстояло дело в тюремных замках. Как уже было сказано, организация внутритюремных работ в эту эпоху почти отсутствовала. Ревизия тюрем Вятской и Казанской губерний, произведенная в 1866 г., показала, что «при весьма немногих из тюрем устроены рабочие камеры, причем некоторые из них не снабжены инструментами, арестанты же в местах заключения, как с рабочими камерами, так и без таковых, ничем постоянно не

¹) Архив мин. внутр. дел. Деп. пол. исп. Дело об устройстве мастерских при тюремном замке Вятской и Казанской губ. 1866 г. № 476.

нятты, а проводят время в праздности, порождающей всевозможные пороки» [8]). В таком же приблизительно положении было и большинство остальных провинциальных, особенно уездных, тюрем, что дало повод министру внутренних дел в 1863 году сделать обобщение о «крайне неудовлетворительном состоянии нашей тюремной системы, главная причина чего заключается в отсутствии в тюрьмах каких-либо занятий: арестанты целые годы сидят в общих камерах в совершенной праздности, впадают в апатию, от скуки играют в азартные игры и предаются всякого рода разврату» [9]). Лучше обстояло, повидимому, дело в С.-Петербурге, где в 1868 г. была открыта на Выборгской стороне тюрьма для срочных арестантов.

В правилах, преподанных начальнику этой тюрьмы, детально разработан вопрос о тюремных работах и о вознаграждении заключенных за труд [10]). В тюрьму принимаются только лица, присужденные к срочному содержанию, и все они обязаны работать. Работы разделяются на черные, серые и белые. Черные работы, состоящие в обслуживании тюрьмы, пилке дров и в земляных и огородных работах, безвозмездны и обязательны до 10 часов в день для всех, незанятых иными работами. Для последних они тоже обязательны, но в течение 2 часов в день. Серые работы состоят в стирке белья, в щипаньи пеньки, витье веревок и т. п. и вознаграждаются в количестве ⅓ заработанного каждым арестантом. Белые работы, состоящие в разного рода мастерствах и ремеслах и в изготовлении пищи, оплачиваются в размере ½ заработка данного лица. Заработная плата определяется по таксе, применительно к вольным рабочим ценам. Деньги заработанные арестантом, отмечаются в рабочей тетрадке, выдаваемой каждому отдельно, и хранятся в казенном сундуке в пакетах на имя каждого арестанта. Ключ вручается выборному от арестантов. Частью заработка (до ½ причитающегося арестанту) он может пользоваться в бытность свою в тюрьме, остальное же выдается ему лишь при выходе. Деньги эти могут быть употреблены только на артельный чай и с особого разрешения на пособие родным заключенного, а также на покупку бумаги и книг. Каждое наказание арестанта влечет понижение заработка на ⅒.

Эти правила выгодно отличаются от законов, регулировавших вознаграждение за труд в арестантских ротах, т. к. создают больше стимулов для поднятия производительности труда. Они не только повышают долю, выдаваемую на руки заключенному, но, что самое главное, делают его заработок индивидуальным, делают более ося-

---

[9]) Тот же архив. Дело по вопросу о дозволении [illegible] тюремных замках заниматься ремеслами и иметь для этого рабочие инструменты. 186? г. № 44.

[10]) Тот же архив. Дело о порядке содержания арестантов в С.-Петербургской исправительной [illegible] 1867 [?] г. № 55 [?].

зательными результаты его труда. Попытка ввести ограничение, установив предел для выдаваемых на руки денег, сделанная в скором времени, оказалась неудачной. Предложено было не выдавать за белые и серые работы более 15 коп. в сутки, однако через 1 года попечительство убедилось в нецелесообразности этой меры и возбудило ходатайство об ее отмене, ибо «такое ограничение, задерживая стремление рабочего к накоплению возможного по его силам и способностям заработка и умаляя, таким образом, общий итог тюремного производства, порождает вместе с тем в арестантах равнодушие к труду и ведет к развитию лености, не заботящейся о заработке, превышающем 15-ти копеечный размер». Что касается безвозмездности черных работ, то она установлена была главным образом с тою целью, чтобы побудить арестантов добровольно обратиться к другой, более квалифицированной работе. Несмотря на это, число чернорабочих превышало половину всех заключенных. В общем, однако, если судить по отчету, представленному за первый год существования тюрьмы, вопрос об арестантском труде был разрешен здесь сравнительно удовлетворительно: в тюрьме было 12 различных мастерских и кроме того арестантами произведено много строительных и земляных работ. Изделия арестантов обратили на себя внимание публики и правительства, которое во время выставки за мочальные и садовые работы наградило их серебряной медалью.

Правила, применявшиеся в петербургской срочной тюрьме, были распространены и на остальные тюрьмы.

Елена Коц.

Заметки по истории труда на Руси 16—17 в.

III. Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве [1].

Необходимость применения наемного рабочего труда в народном хозяйстве, на Руси в 16—17 в. несомненно была, но степень ее была различна в сферах мелкого крестьянского хозяйства с одной стороны и с другой,—в хозяйстве крупном, монастырском, царском и боярско-помещичьем.

В крестьянских, мелких и самообслуживающихся хозяйствах, на которых держалась, главным образом, вся экономика государства 16—17 в., наемный труд по ряду причин не мог получить широкого применения. Основным занятием крестьянина был его труд, прилагаемый им на обработку пашни, всякого же рода промыслы играли у него не видную, чаще же совершенно второстепенную роль. Отсюда понятно правильно сделанное наблюдение иностранцев, что русские не любят своего ремесла, им не гордятся, об его совершенствовании не заботятся, хотя и отличаются врожденною сметливостью, творческой восприимчивостью и большою ловкостью [2]. По своему характеру ремесло в крестьянском хозяйстве всегда оставалось „семейным обычаем, внедряющимся в плоть и кровь известного населения", почему это обстоятельство неблагоприятствовало „найму рабочих, так как этот наем был бы равносилен принятию в семью нескольких посторонних лиц. Вот почему мы в писцовых книгах первой половины 17 века почти вовсе не встречаем местных наймитов, которые могли бы способствовать развитию того или другого промысла. Как семейный обычай, хранимый из рода в род, промысел к тому же становится малоспособным к усовершенствованию" [3]. Кроме того, состояние тогдашнего рынка было таково, что оно не содействовало количественной интенсификации крестьянского ремесленного и промышленного творчества. Спрос на различные изделия был слабым, потому что все, необходимое для обслуживания крестьянского хозяйства, либо изготовлялось внутри его, собственными силами, либо в достаточной мере поставлялось на рынок слоями посадской ремесленной рабочей силы. Уже со второй половины 16 века можно наблюдать различие посада, как торгового и промышленного центра по преимуществу, от уезда, в целом исключительно земледельческого. Окончательное выделение посада из уезда, и их распадение на единицы различные по существу своего экономического производства, можно считать с хронологической даты 1678 г., когда вышел государев указ о платеже стрелецкой подати в натуральном виде, в хлебе—только одними крестьянами, а со всех посадских людей было указано брать деньгами на том осно-

[1] См.: Андр. Введенский. Зам. по истор. труда на Руси 16—17 в. I. Транспортные рабочие-водники. II. Строгановские иконники (Архив истории труда в России, книга третья).
[2] Storch, Handbuch, III, 183; Haxthausen, Studien, I, 113.
[3] А. С. Лаппо-Данилевский, Русская История, II, 175, литогр. СПБ. 1893—94.

вании, „что они—люди торговые, а не пашенные“ [4]). Но окончательно, юридически русский посад выделился из уезда едва ли только не в 18 столетии. Деревня с неразвитым промыслом и ремеслом, прилагавшая к ним свой труд только как к подсобным средствам в ведении своего чисто-земледельческого хозяйства, которое построено было на старине и патриархальном обычае, не могла, таким образом, способствовать развитию наемного труда в промышленно-ремесленной сфере своей повседневной жизни.

Однако в деревне же мы видим иное, в сфере земледельческого труда. Здесь были некоторые предпосылки, при наличии которых мог вырастать наемный труд сторонних и случайных рабочих. В литературе уже рядом исследователей установлено, что земледельцы-колонизаторы „шли семьями задружного типа“ на незаселенные территории, где и оседали хуторами, осваивая земли и владея ими на индивидуальном праве собственности. Только последующее перенаселение, земельная теснота, „юридическое обезземеливание“ крестьян вводили новый, общинный быт [5]). Тяжелая задача труда над поднятием новины, рубка и корчевание лесных площадей под пашню и пр., способствовала возникновению и развитию искусственной семьи, путем ввода в кровную семью свойственников и просто посторонних лиц на всех правах члена семьи, складнического союза, временного артельного или единичного об'единения. Поэтому, не редкость видеть в писцовых книгах случаи, когда в одном дворе, на одном хозяйственном участке, вырастает большая, подчас искусственная семья—так, например, во дворе Галактиона Макова в Тульском уезде по писцовой 1627—1628 г. были: „Андронко да Радивонко Захаровы дѣти, да зять ихъ Кондрашка Яковлевъ, да племянникъ Данилка Парѳеновъ, да Ермолка Харитоновъ, да Филипко, да Филимонко, да Кирейка, да Микитка Ѳедоровы, да братъ ихъ двоюродный Томилка Лукьяновъ, да Томилкин зять Ермачко Мамоновъ“. Всех таких лиц об'единяла не столько, или вернее не только кровная связь, сколько единство экономических интересов и общее хозяйство; взаимоотношения между ними были не взаимоотношениями хозяина и наемного работника а, более или менее,—полноправных членов одного кровного семейства, т. е. отношения строились на старой, патриархальной основе. Здесь еще нет места для понятия о наемном труде и вместо него мы видим любопытные разновидности применения чужого труда человека, стороннего для данной крестьянской семьи, в помощи которого, однако, нуждалась эта семья, не могшая справиться с различными трудностями ведения хозяйства своими только силами. Чужой труд нужен крестьянской семье, но нет возможности его оплатить в условиях натурального способа ведения хозяйства, и вот выход—этот чужак берется в семью, сливается с нею, образуется хозяйственная кооперация из различных кровных и не кровных слоев под крышей одного двора. „За хребтом“ домовитого исправного хозяина-крестьянина живет такой чужак—из бездомного, скитающегося „меж дворы“ люда. Эти работники, принятые в семью и с нею слившиеся, носят особое название—соседей, подсуседников, подворников, захребетников [6]). Источники не сохранили однако для нас

[4]) Акты Археограф. Экспедиции, т. IV, № 18[illegible].

[5]) См. М. Островская, Зем. быт сельск. населения Русского Севера, с. 1[illegible] и сл. (СПБ. 1913); А. Ефименко, Исследов. нар. жизни, сс.190—19[illegible] и сл.; Бл[illegible]менфельд, К вопросу о землевладении в Др. Руси, разд. III, гл. I; Н. Р[illegible], Обзор русской истории, ч. 2, с. 18; М. Богословский, Зем. самоуправление, т. I, 32—33 и др.

[6]) М. Дьяконов различает захребетников от остальных категорий жильцов по чужим дворам; он отмечает, „что подсуседники упоминаются в памятниках очень часто вслед за суседями, а те и другие в составе семей, после детей, братьи, племянников, причем, за подсоседниками иногда упоминаются захребетники, но далеко не всегда“; далее автор говорит, что если соседи и подсоседники всегда жильцы чужих дворов, [illegible]

особых разновидностей [illegible] и порядных, по которым бы эти подворника, живущие [illegible] вступали с последним в точно оговоренные [illegible].

И это [illegible] [illegible] было [illegible] верший захребетник вступал [illegible] её членом. Известен [illegible] только пример [illegible] из беглого только упоминания о [illegible] в духовной [illegible] ноября 1605 г. [illegible] В этой духовной [illegible], между прочим, дает распоряжение [illegible] захребетной [illegible] Алексѣ Ивановѣ сынѣ мужа [illegible] Гаврилѣ [illegible] Патрикіевичу Буковѣ [illegible] дочерю [illegible] трудно [illegible] "захребетная кабала" или два акта: "кабала" и "закладная [illegible]" [illegible] последнее, то странным [illegible], чтобы [illegible] на себя [illegible] письменные обязательства по "захребетній" [illegible] применение им своего труда в пользу семьи. [illegible] как распространенное бытовое явление [illegible] захребетника в семью [illegible] письменного акта. Другое дело [illegible] или [illegible] вление. В этих случаях, устанавливающих [illegible] с семьей связь, заключалось [illegible] "[illegible]", "[illegible]", "подпуской" или "[illegible]" [illegible]. Таким образом, в крестьянском хозяйстве, нуждающемся в [illegible] рабочей силе, было обычным [illegible] менение не наемного труда, а [illegible] рабочей [illegible]. Происходило [illegible] [illegible], но это не столько особое положение [illegible] захребетника, не они [illegible] именованием [illegible] и подворников. Чужанин [illegible] работник, кроме того, и не находит [illegible] связи с семьей, он может [illegible] если представится лучший случай [illegible]. Так было [illegible] в стране, но, когда на [illegible] бытового [illegible] деление [illegible] новые явления. На ряду с трудом захребетным [illegible] является и уже наемный труд в [illegible].

Переходя к изучению [illegible] труда в крестьянских хозяйствах, приходится [illegible] к наблюдению над слоем [illegible] область, хотя вопрос о наемном труде в старой Руси [illegible] исследователями, в частности [illegible] вопросу "[illegible] на [illegible] работу у крестьянина" [illegible]. В 17 веке растущий [illegible] рынок на посадах и сельских [illegible].

захребетника [illegible] 1924 г., № 7, с. [illegible]

Мы [illegible] примеры [illegible] и [illegible] "захребетник" [illegible] С. [illegible]

[illegible] Журнал Минист. Нар. Просвещения [illegible] 17 в.[illegible]

[illegible] См. [illegible] Академии Наук под редакцией [illegible] (Птг. 1923).

[illegible] В. Н. Шляпкин, Акты [illegible], ч. I, с. [illegible] (Б. [illegible], 1912 г.). [illegible] Др. Россия, т. [illegible] № [illegible] [illegible], что [illegible]

[illegible] Устрялова [illegible]

хозяйственной продукции. На этих рынках государственная хлебная монополия производила, например, закупки большими партиями всяких хлебных товаров, гости скупщики, ведя оптовые операции, забирали на рынке лен, пеньку, сало, сено и другие крестьянские продукты, расплачиваясь ходячей московской денежной единицей. Повидимому, это проникновение денег в мелкие крестьянские хозяйства и вызвало к жизни применение наемного рабочего труда, не отменяя прочно вросшего в крестьянский быт бесплатного труда осемьянившегося чужака-захребетника. Показательным в этом смысле явлением было начавшееся применение наемного труда у крестьян-дворохозяев, которые на ряду с основным своим занятием земледелием, занимались и различными промыслами. Именно здесь впервые начинается применение наемного труда. Писцовая книга Кольского уезда 1608 г. нашла в Керетской волости в 36 крестьянских дворах семь наемных рабочих. „Да по тѣх же крестьянскимъ дворамъ", говоритъ книга, „живутъ казачья, а промышляютъ по варницамъ, соль варятъ и дрова сѣкутъ и на пожняхъ сѣно косятъ, наймуючися у тѣхъ же керетскихъ крестьянъ" [10]). Но вольнонаемный труд на севере на лицо и в чисто земледельческих хозяйствах и не только на севере, но и в других хозяйственных районах. В челобитной от 1627 г. Ефимко Селивестрова, белоозерца, мы видим, что он про себя говорит: „а живу я сирота твой в Устьянской волости въ Введенском приходе у крестьянина у Ѳедора Поторочина въ наймѣхъ". Можем привести свидетельство и о применении наемного труда также в Замосковных городах. В „святейшей уставной грамоте" патриарха Иоакима от 5 октября 1687 года игумену Ипполиту домового Боголюбского монастыря, находившегося во Владимирском уезде, и присланной в ответ на челобитие-жалобу игумена на систематическую убавку монастырскими крестьянами размеров запашки десятинной монастырской пашни, среди длинного ряда пунктов уставной грамоты, которые в своей совокупности отныне должны были всесторонне регламентировать отношения крестьян и монастырских властей, мы читаем, между прочим, и такой пункт: „а кто (из монастырских крестьян) наймет на время работника і с того імать явки по двѣ денги ї по наемном человеке имать поруки до сроку, чтоб от него никаково дурна не учинилось" [11]).

Из этих немногих примеров видим, что крестьянское хозяйство в 17 веке уже знает наемный труд пришлого рабочего человека и пользуется им. Если пока неизвестны наемные порядные акты, заключавшиеся между наймитом и крестьянином-дворохозяином, при несомненно установленном факте применения наемного труда в крестьянском хозяйстве, то нет оснований полагать, что таких письменных актов и не существовало. Раз мы знаем, что власти монастыря требуют от своих крестьян, пользовавшихся трудом наймитов, иметь на последних „поруки до сроку, чтоб от него никаково дурна не учинилось", то, очевидно, следствием этого можно ожидать появление и письменного акта поручной, которая, несмотря на свою акцессорность, могла заменять и самый акт поряда наймита с хозяином крестьянином, если только не заключалось особого, отдельного от поручной, порядного договора. Что мы не знаем таких поручных и порядных — это ничего не значит, они должны найтись при дальнейших архивных поисках.

Итак, если ремесла, кустарная мелкая промышленность и промыслы в крестьянских хозяйствах, где земледельческий труд был основным, не мог способствовать возникновению внутри этого хозяйства наемного труда, за исключением тех крестьянских хозяйств на крайнем севере, где земледелие отступало на второй план, а ремесла и промыслы, наоборот, стано-

[10]) М. Богословский, Земское самоуправление, т. [illegible], с. [illegible].

[11]) Пуб. Библиотека, рукописный сборник грамот [illegible] XVII столетия из древнехранилища Погодина № 1847, л. [illegible].

вились основным трудом в крестьянском хозяйстве, то у крестьян-земледельцев, если и приходится наблюдать применение наемного труда, то об'ясняется это, быть может, проникновением в традиционный натуральный быт новой экономики, принесенной за собой денежным хозяйством.

IV. Наемный труд в крупной вотчине

Московское правительство, имея в своем государстве веками сложившийся социальный строй, не особенно склонно было его реформировать или в нем что-либо менять законодательными мероприятиями или административной своей практикой, исходя из каких-либо отвлеченных, теоретических принципов, хотя бы православно-христианских, но всегда, что-либо предпринимая для регулирования социальных отношений, исходило от обыденных, житейских, отдельных случаев и требований, совокупностью своею составлявших отражение действительно необходимых мероприятий, сформулировавшихся в общественном сознании того времени. И только под напором сформулированных жизнью требований правительство, не спеша и стараясь не ломать старины, перестраивало общественные отношения. Поэтому-то до нас и не могли дойти какие-либо сочинения общего характера о социальных взаимоотношениях, и данные об этом мы можем почерпнуть только в конкретном материале либо хозяйственно-вотчинных документов эпохи, либо в приказно-делопроизводственном материале. Только к концу 17 в., когда уже носилась в воздухе настоятельно назревшая реформа Петра, возможно ожидать каких-либо сочинений общего характера, рассуждений и просто исторических справок по социальному вопросу, что могло бы быть взято в соображение при будущих реформах. И, действительно, от 1697 г. сохранилась „выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ со служителями и съ крѣпостными людьми", в которой приводятся не без'интересные сведения о слугах, наемных рабочих и крепостных крестьянах [12]).

Эта справка, составленная каким-либо толмачем или старым под'ячим из посольского приказа по официальной надобности или по заказу частного лица, представляет из себя целую энциклопедию сведений о положении рабочего вопроса в Зап. Европе. Нашла ли эта справка себе применение на деле или только удовлетворяла любознательность отдельных лиц, мы не знаем, но она — характерный документ для пред-Петровской эпохи с ее настроениями. Ранее вряд ли можно ожидать спрос на такого рода сведения и документы, т. к. общественная жизнь на Руси протекала изолированно от Зап. Европы, о чем неусыпно старалось и правительство, и развивалась медленно и органически. Рабочий вопрос в старой Руси в части своей, касающейся крестьянства, крепостного права, в исторической литературе хорошо изучен; в другой же своей части, касающейся труда наемного рабочего, границ применения этого труда вне сферы действия крепостного права, представляется и по настоящее время малоизученным. Здесь можно указать только на первые, робкие шаги, предпринятые экономическим семинарием Киевского профессора М. В. Довнар-Запольского, в выпущенных сборниках статей которого, имеются ряд студенческих работ по интересующей нас теме. Но почти полное отсутствие литературы о наемном труде в Древней Руси восполняется значительным количеством источников.

[12]) Чтения Московского Общества Истории и Древностей, 1905, кн. 3, смесь, стр. 30—31.

уже в достаточной мере опубликованных и, кажется теперь уже возможным, если не начать изучение этого вопроса, то поставить для изучения ряд задач, произвести предварительную группировку материала и описать его.

Прежде всего, следует отметить границы сферы применения наемного труда в 16—17 вв. на Руси. Наемный труд применялся преимущественно и главным образом в крупной вотчине царской, боярской, монастырской, а также в промысловых, транспортных и торговых предприятиях владельцев указанных трех категорий, к которым здесь следует прибавить еще категорию отдельных капиталистов-предпринимателей, туземных гостей, купцов-иноземцев, подрядчиков, предпринимательских артелей и случайных нанимателей рабочей силы, каковыми были, например, члены иноземных посольств, пополнявшие наемной силой свою малочисленную свиту и пр. Маломочные крестьянские хозяйства, как мы видели выше, не прибегали, или почти не прибегали к наемному труду, который здесь, в нужных случаях, замещался „захребетничеством“, „сусѣдством“ и разраставшейся в своем составе искусственной семьей. Массовое применение наемного труда в указанных границах началось едва ли не с первых десятилетий 17 в.

Крупная боярская вотчина в 17 в. в хозяйственном отношении представляет довольно сложное целое. На ряду с земледельческим хозяйством здесь часто встречаем солидно организованное какое-либо промысловое предприятие, вроде поташных, железоделательных, солеваренных, судостроительных и пр. производств. Наличие барщинной пашни и промышленных или заводских предприятий требовало для своего обслуживания привлечения наемной рабочей силы, так как эти разнообразные предприятия и производства, поставленные иногда с широким капиталистическим размахом, не удовлетворялись уже только крепостным трудом крестьян и дворовых людей. Сезонный характер работ сенокосных, хлебоуборочных, заготовочных для поташного, например, промысла, дровяных или золообжигательных работ, требовал в определенные моменты года сосредоточения на этих работах большого числа рабочих, которых невозможно было рекрутировать всецело из состава своего крепостного населения, не рискуя его окончательно разорить, почему и приходилось искать в частичное дополнение к крепостной рабочей силе наймитов из „гулящей“ голытьбы, которой всегда было много из маломочных посадских слоев населения, из „избывающаго тягла“ крестьянства или из среды беглых дворовых и холопов. Наймиты, бравшиеся для работ из кадров своего крепостного населения вотчин, выбирались из беднейших его слоев. Читая переписку Н. И. Одоевского со своими деревенскими приказчиками, мы встречаем в ней множество челобитных от „самых бедных, скудных и обнищавших от хлебныя недороды“ крестьян, просящих боярина освободить их на время от платежа оброка, чтоб „поисправитца“, „в конец на правеже забитым не быть“ и чтоб „в конец им не погибнуть“. В своих резолюциях-ответах рачительный хозяин, боярин дает, например, такие распоряжения: „осмотрѣть, сколь онъ семьянистъ, и сколь велики дѣти, и что у него животовъ лошадей и коровъ, будетъ дѣти велики, а оброка заплатить нѣчемъ, и его прислать к Москвѣ в работники. К сей челобитной князь Никита Ивановичь печать свою приложилъ“ [18]. Чтоб показать, что этот прием выбирания наймитов из своей крепостной массы населения был обычным в боярской вотчине, приведем распоряжения другого крупного дельца и образцового хозяина, боярина Бор. Ив. Морозова, который в это же время (в 1651 г.) писал приказчикам своих Нижегородских вотчин о том же: „ты жъ ко мнѣ писалъ, что указалъ я собрать

[18]) Ю. В. Арсеньев. Ближний боярин князь Ник. Ив. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684) М. 1903. прилож. № 32, стр. 80.

недоборные деньги со крестьянъ прошлыхъ годовъ, и крестьяне де не платятъ,—и тебѣ бъ однолично тѣ деньги со крестьянъ сбирать всѣ сполна безо всякого переводу, а которые бѣдны и взять на нихъ нечего и имъ велѣть работать у будного дѣла (на поташных заводах) и зачитать въ оброкъ или велѣть жечь золу и возить къ будному дѣлу и то же зачитат въ оброкъ" [14]). Так как деревенской бедноты всегда было много в вотчинах у всех крупных владельцев, то имелись готовые кадры, из которых в нужных случаях можно было почерпать необходимую для тех или иных работ наемную рабочую силу за ничтожное, как увидим ниже, сравнительно, вознагражденье. Если же приходилось добирать наймитов со стороны, то вотчинник предпочитал брать нужные для оплаты труда этих наймитов деньги не из своих средств, а перекладывал обычно эти расходы на тех же своих оброчных крестьян: „и какъ к вамъ ся моя грамота придетъ,—пишет своим деревенским приказчикам боярин Одоевский, —и вамъ бы взять Покровскихъ со всехъ крестьянъ и з бобылей сенокоснымъ работникамъ по десяти денегъ з двора, и тѣ деньги прислать ко мнѣ, к Москвѣ тотчасъ, не мѣшкая, потому что у меня сенокосные работники нынѣшняго лѣта будут наемные" [15]). Но потребности боярского хозяйства не удовлетворялись рекрутированием наймитов из среды своих обедневших и захудавших крепостных крестьян, к барскому двору по боярскому указу брались наемные рабочие, путем выделения по принципу принудительной разверстки сельским обществом людей из зажиточных исправных крестьянских семей. Это бывало тогда, когда требовалась не чернорабочая, а квалифицированная рабочая сила. В 1650 г. Одоевский в письме приказчикам говорит именно о таком случае: „писали вы ко мнѣ, что по моему указу Покровские все крестьянѣ выбралі въ подмосковные мои вотчины плотниковъ трехъ человѣкъ, і вы по техъ плотникахъ взялі порушную запись, что имъ до указнова срока, до Филиппова заговенья не збѣжать, і ту порушную запись послали ко мнѣ подъ отпискою своею, а плотниковъ: Ивашка Емельянова, Серешка Наумова, Матюшка Демьянова послали ко мнѣ, къ Москвѣ со всею плотничьею снастью съ Покровскимъ крестьяниномъ съ Васкою Гавриловымъ, а найму імъ дано всего двенатцать рублевъ. И мнѣ по вашей отпискѣ о томъ вѣдомо, плотники, Івашка Емельяновъ съ товарищи къ Москвѣ пришли" [16]). Таким образом мы видим, что в крупной боярской вотчине наемная рабочая сила изыскивается тремя способами: путем 1) добровольного найма сторонних людей из разряда „вольных" и „гулящих", 2) принудительного рекрутирования наймитов из среды охудалых и маломочных крепостных крестьян, у которых часть наемной платы зачитается в оброк, платеж которого помещику является запущенным и 3) также принудительного набора ремесленных людей не только из маломочного, но и зажиточного населения своих вотчин.

Кроме ведения сельского хозяйства хороший хозяин в крупной вотчине, стараясь повысить ее доходность, изыскивал разные выгоды, открывая в самой земле их новые источники, заводя производства и промыслы. Так, например, мы видим, что Б. И. Морозов, Н. И. Одоевский, кн. В. В. Голицын, гость Семен Сверчков [17]) и др. имеют поташные и кабацкие за-

[14]) И. Е. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. „Вест. Европы", 1871 г., т. I, стр. 31.

[15]) Арсеньев. Назв. соч., прилож. № 15, стр. 61.

[16]) Там же, № 6, стр. 52; см. № 7, стр. 53, где дополнительно присылаются еще четыре плотника на тех же основаниях.

[17]) Арсеньев. Назв. сочинения. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его [illegible]ах, т. III, стр. 519—520 (Спб. 1888) и т. IV, стр. 457 (Спб. 1893). — В. И. Савва, [illegible] Приходо-расходные и сметные книги 1679—1680 г. Чт. Моск. Общ. Истории и Древностей, 19[illegible] г., кн. III, стр. 23.

[illegible] на территории своих вотчин, железодутные предприятия, кузнечный [illegible] промысел, организованный широко и с капиталистическим размахом расчитанным на крупный сбыт в казну, если выделываемые товары представляли предмет царской монополии, или на рынок.

Работы на этих предприятиях, естественно, должны были обслуживаться большим количеством рабочей силы, наемным трудом, привлекавшимся со стороны, или трудом крестьян, заработная плата которых зачитывалась им в оброк, чаще всего и тот и другой труд применялись вместе. Оброчный свой труд так описывают крестьяне Б. И. Морозова „мы ...сироты, сверх того твоего государева указу большего оброку служимъ тебѣ в таможнѣ и на кабакахъ по 36 человѣкъ на годъ; да мы жъ сироты работаемъ тебѣ, мельницы строимъ по вся годы, а мельница государь у насъ строится въ мѣсяцъ и больши, а ходитъ насъ на тое мельницу на всякой день работать человѣкъ по 60 и по 70 и по 80; а къ затвору (плотины) ходитъ и по 100 человѣкъ. Да мы жъ сироты [illegible] строимъ твои кабацкие заводы, поварни и выходы и анбары и избы ставимъ; да мы жъ сироты строимъ въ Нижнемъ Новгородѣ твои житницы и въ тѣ житницы лѣтнимъ путемъ въ дѣловую пору, а зимнимъ путемъ по послѣднему пути хлѣбъ возимъ, и въ томъ намъ сиротамъ чинится многое безвременье; да мы жъ сироты чистили на тебя черной лѣсь подъ пашню въ селѣ Богородскомъ 10 дней, а было насъ въ той работѣ 600 человѣкъ“ [18]), кроме этих работ крестьяне готовили на барский стол пастилы и ягоды, собирали орехи и лечебные травы, ловили скворцов, варили пиво, ловили рыбу, разводили плодовые сады и т. д. Вместе с трудом обязанных оброком крестьян в широких размерах применялся и собственно наемный труд. Даже господская „десятинная“ пашня зачастую обрабатывалась „дѣловыми людьми“—вольно-наемными рабочими, относительно которых, например, боярин дает такой приказ, присылая наймитов в числе 49 человек своему приказчику в село Павловское: „если пашня поспѣла, заставить ихъ пахать, а не поспѣла—готовить сохи, бороны; сохъ изготовить 70, также лѣсъ чистить на новую пашню и гдѣ чищено, на сѣчахъ подбирать дрова въ сажени, а дрязгъ въ узлы и велѣть этотъ дрязгъ жечь... а к дѣловымъ приставить приставовъ добрыхъ, чтобъ гулять не давали и чтоб пахали хорошо“. Эти наймиты были не столь безответственным и покорным материалом в руках приказчиков, каким были оброчные крестьяне, безропотно несшие на своих плечах невероятную налоговую тяжесть и непосильную работу. Не раз, вероятно, приказчикам приходилось доносить хозяину, характеризуя работу наймитов: „сѣкли пустошь, пришло болото, въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна и бочаги, вода въ поясъ; какъ пусть станутъ сѣчь, такъ вода и забрызжетъ, а дѣловые говорятъ: мы до нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ, вотъ заработаемъ харчь и пойдемъ“, „такихъ огурщиковъ въ Павловскомъ не бывало,—заключает приказчик,—работать лѣнивы гораздо: работали два дни только до обѣда и у насъ два до обѣдья записаны за одинъ день, а они почитают за два дни; а будить себя до солнечного всхода не велятъ: приставовъ и меня бранятъ и не слушаютъ: таковыхъ озорниковъ въ Павловскомъ никто не запомнитъ: приставовъ бранятъ матерны и обухами бить хотятъ и не отпросясь у пристава съ работы ходятъ рано, а до солнца будить себя не велят, а сказывают, что ряда у нихъ была, что отпущать с работы рано, а будить ихъ какъ солнце взойдетъ“... въ пятницу, дѣловые на работу не пошли озорщики лютые! Мы безпрестанно бьемся съ ними, что съ собаками... пытались съ ними—шумѣли и добротою говорили и они не слушаютъ.

18) Забелин, назв. соч. стр. 29.

Причины возбуждения рабочего люда оказались простыми: при ближайшем и поверхностном расследовании выяснилось, что „пахали дѣловые на сѣчѣ, а приставы у нихъ были Гр. Горюн, да Ст. Внуковъ, да [illegible] Рындинъ, и Горюнъ перебилъ всѣхъ, а бьетъ плетью; а твой государевъ указъ, велѣно бить ихъ батоги, сыскавъ вину предо всѣми дѣловыми; а плеть у него тяжела добре и плетью вышибъ было у дѣлового глазъ; и тотъ дѣловой пошелъ къ тебѣ къ Москвѣ бити челом ото всѣхъ дѣловыхъ, а они наняли въ его мѣсто работника, покамѣстъ онъ сходитъ" [19].

Много рабочих было занято в крупной боярской вотчине по обрабатывающей и добывающей промышленности. Боярин Б. И. Морозов, получивший в 1646 г. Нижегородские вотчины, уже с 1650 годов развернул кипучую организационную деятельность по устройству поташных заводов — „майданов", которых в 1651 г. у него было не менее 12. Первоначально мастера-руководители производства, наемные рабочие „поливачи" присылались боярином из Москвы; к этим мастерам из своих крестьян Морозов приказал „выбрать 10 человѣкъ добрыхъ и умныхъ и отдать къ будному дѣлу въ ученье и сильно приказать чтобы учились не оплошно" [20]). Другой разряд наемной квалифицированной силы состоял из „будников" — устраивавших „буду" — костер из обмазанных золою сосновых или еловых дров, в результате пережигания которых, зола расплавлялась и доставляла ее новый вид — поташ [21]). Поливачи — получали жалованья по 5 руб., будники по 3 руб. на год, при чем шло еще хлебное и из проч. продуктов жалованье, полагалась [illegible] по корове на человека. Чернорабочая же сила, потребная в большом количестве для рубки леса, заготовки дров и их подвоза к промыслам, [illegible] порки и транспорта готового поташа, рекрутировалась способами, [illegible] женными выше, при чем еще практиковалась и отсылка на работы [illegible] промыслам провинившихся крестьян, тюремных сидельцев в кандалах. „посланъ къ тебе будникъ Ѳедька, писал боярин своему приказчику, — и тебѣ его принять и посадить въ кандалы и отдать въ работу к дѣловымъ и беречь крѣпко, чтобы не ушелъ, а желѣза ножные, которые на немъ, прислать къ Москвѣ" [22]). Насильственный наем в работные люди [illegible] крестьян вызывал среди них почти всегда панику и старание как либо отделаться от тяжелых заводских работ, „гораздо ужаснувшись", крестьяне спешили внести все недоимки по оброку, шли на увеличение ставки оброка на чрезмерное напряжение своих платежных средств лишь для того, чтобы не попасть на ненавистный батрацкий труд на заводах.

За смертью боярина Б. И. Морозова в 1661 г. поташное производство мы видим перешедшим в казну, которая продолжает развивать производство в Нижегородских промыслах. Наблюдается и значительное привлечение наемной рабочей силы. Если в пятидесятых годах 17 столетия у Морозова здесь было 5 поливачей и 14 будников, то в 1680 г. мы видим на службе у казны уже 9 поливачей, 171 будника, 53 поштарей (возчиков), 8 бочкарей (бондарей), 4 кузнецов, 7 колесников и 1 конского мастера; всего приходо-расходная книга регистрирует „на арзамасские жъ будные станы нанято было работныхъ людей триста девяносто четыре человѣка, найму имъ дано по уговорной цѣнѣ восемь сотъ семдесятъ два рубли

---

[19]) Там-же, стр. 47—48, 49.

[20]) И. Забелин, назв. соч. „Вест. Европы". 1871, кн. II, стр. 482.

[21]) Там-же, стр. 481; И. А. Ясинский. „Нижегородские будные станы" в Сборнике статей студенч. истор.-этнограф. кружка при у-те св. Владимира, под руковод. М. В. Довнар-Запольского, вып. VII (Киев, 1915 г.) стр. 60—61; Симсон. Поташное дело в Москов. государстве, Журнал Мин. Нар. Просв. 1913 г. кн. V, стр. 126—127. О [illegible] сорте поташа „вайдашъ" см. у Кильбургера по издан. Б. Г. Курца „Сочин. Кильбургера" и пр. (Киев, 1915), стр. 102.

[22]) И. Забелин, стр. 468.

[illegible] алтынь четыре денги" [23]). Таким образом, производство, перейдя в руки казны, расширилось. За 20 лет произошли перемены и в ставках оплаты труда работных людей. Поливачи вместо 5 руб. получают уже от 6 р. до 20 р., будники от 16 алтын до 6 руб., воштари от 1 р. до 3 р., бочкари от 6 р. до 8 р., колесники и кузнецы тоже [24]). Но следует отметить, что всю договоренную плату из работных людей получали далеко не все, так как не все работали „до отстою сполна" —весь уговоренный срок работ, многие не дожив до отстою „бѣгали" и „гуляли", исчезая либо совсем с промыслов, поступая на работы в других местах, либо „бегали" и возвращались. Последняя категория рабочих получала жалование с вычетом за прогульное время. Например, из набранных по указу Великого Государя к промыслу 103 крестьян из Терюшевской волости на началах принудительного найма—84 чел. работали „до отстою сполна", 12 человек сбежали совсем и семь человек, прогуляв некоторое время, вернулись на промыслы. Эти крестьяне набирались в волости с выти и им давалось определенное жалование 194 р. 16 алт. Добровольного найма с свободным [illegible] изволением сторон здесь мы не видим. Правительство приказывает [illegible] выделить в наем работных людей и назначает им по своему усмотрению жалованье. Естественны, при таких условиях, наблюдающиеся тенденции к бегству и уклонению от насильственно навязанного найма и работ. [illegible] Одновременно казна набирала рабочих и другим способом, так, в 1681 г. были „наняты въ Арзамасском уѣзде і въ Терюшевской волости помещиковы и вотчинниковы крестьяне и бортники и мордва", которые [illegible] „найму по уговорной цене", а именно 394 рабочим было дано [illegible] [illegible] алт. 4 ден. [25]). Таким образом практиковался и добровольный наем, в котором возможен был ряд об уговорной цене со стороны обоих контрагентов сделки. Впрочем, вряд ли можно сомневаться, что свободный ряд „об уговорной цене найма" происходил под более или менее сильным давлением как правительственных агентов-вербовщиков рабочей силы, так и агентов административной власти на местах, особенно можно этого ожидать в инородческих поселках, например, в данном случае в мордовских селах. Казенные будные станы ведались в приказе большого дворца, откуда присылалась денежчая казна, получались хлебное жалованье, [illegible]ское сало, шедшее как в кашу работным людям, так и на смазку хомутов и прочих принадлежностей конской сбруи, в редких случаях получались и лакомства для наймитов, ввиде однажды присланных 25 четей орехов. Но деньгами промыслы снабжались и иноземным приказом, через который шла, повидимому, продажа монопольного товара —поташу. Приказ Большого дворца распоряжался наймом рабочей силы, наряжал и промысловую администрацию во главе с особым воеводой, который управлял промыслами в окружении дворян или детей боярских и приказной избы [illegible]ских.

Боярская крупная вотчина, ставшая за смертью владельца крупной царской вотчиной, передала по наследству последней всю свою организацию управления и способы распоряжения наемной рабочей силой, но твердо усвоив эти принципы вотчинных прав, царская вотчина „не связывает себя рамками вотчинных прав, свободно утилизируя в целях расширения

[23]) В. И. Савва. Арзам. и Бармин. будные станы. Приходо-расход. кн. 1679—1680 г. Чт. М. О. И. и Др. 1908 г., кн. III. стр. 2—8, 43.

[24]) Там-же, стр. 2—8, 12—24, 34—46. Кроме денежного жалования, все наемные рабочие получали хлеб, соль, толокно, сухари и пр. Там-же, а также ср. И. А. Ясинского цитиров. работа, стр. 81, 82, 83, 84.

[25]) В. И. Савва, назв. соч., стр. 30—46. См. также подсчеты П. В. Орлова „При[illegible]ные рабочие в Москвѣ въ XVII в. „Сборник стат. студ. ист.-этн. кружка при У-те св. Владимира, вып. 1, стр. 22—23 (Киев, 1913).

рабочих сил и имеющиеся в ее распоряжении средства государственной власти“ [26]), широко используя свои возможности насильственного набора рабочей силы в волостях, прилегающих к данному заводу или промыслу.

Аналогичную картину явлений, очерченных выше, являет собою положение наймитов и работных людей в других царских вотчинах, находившихся под непосредственной хозяйственной юрисдикцией царя Алексея Михайловича и его тайного приказа, в совокупности своей представлявших своеобразное удельное ведомство. В ряде подмосковных и провинциальных сел, из которых каждое представляло из себя хорошо организованное и поставленное хозяйство, мы видим ту же картину положения рабочего наемного класса, обслуживавшего многочисленные нужды этих хозяйств, те же способы рекрутирования наемных рабочих, путем добровольных непосредственно с ними или через особых поставщиков рабочей силы „подрядчиков“ договариваются в форме записей и поручных, где стороны устанавливают точно размер своих обязательств по найму услуг и по вознаграждению этих услуг, определяется неустойка или пени, фиксируется срок и т. д., видим и принудительное собирание рабочей массы по территории всего государства, где правительственная власть насильственно заставляет крестьян итти на наемный труд [27]), видим здесь и широкое применение наемного труда в форме подряда.

Подряд применялся при всякого рода строительных государственных работах, так как при сложных и больших работах проще было иметь дело с подрядчиками, старостами трудовых артелей, чем с массой единичных рабочих. Впрочем, не смотря на неудобства, власть прибегала и к массовому найму единичных рабочих для сооружений на окраинах государства, повидимому, потому, что для далекой окраины не находилось предпринимателей-подрядчиков. Так, например, казна поступает при сооружении „водопроводного дела на Тереке“, когда „к наемнымъ людемъ въ прибавку къ водопроводному дѣлу“ пришлось добавить „дѣлцовъ 600 человѣкъ и наемщиков“ (водопровод на Тереке строился для того, чтобы „Терскимъ служилымъ и всякимъ жилецкимъ людемъ безъ приводные безъ пресные воды отъ солененые воды нужи не было“). На Москве отдается следующее предписание: „написать память, кликать бирючю вездѣ по многіе дни, чтобъ охочіе люди, которые похотятъ наймоватца къ Терскому водопроводному дѣлу, шли сговариватца къ воеводамъ и къ діакомъ, и въ юртахъ велѣть же кликать и въ кирпичахъ. Да выложить, сколько по сей отпискѣ надобно денегъ послать“ [28]). Подрядчики вызывались соответственным приказом на торги и с торгов получали тот или иной подряд. Таким образом, например, перевозился по Волге государев хлеб для стрелецкого гарнизона в Астрахани, а из Астрахани доставлялся в Москву разного рода заповедный товар: икра, поташ, воск и т. д. Среди подрядчиков бывали крупные Московские капиталисты, гости Строгановы, которые уже в 16 в. имеют ряд таких подрядных транспортных работ по С. Двине, гости Воронины, Шиловцевы и просто люди торговые „лодейные хозяева“ и „подрядчики лодейново промыслу“, не в малом числе жившие на конечных пунктах судоходных рек (в Холмогорах, Пустозерске, В. Устюге, Вологде, Нижнем Новгороде и Лыскове и в др.). В их распоряжении имеются кадры наемной рабочей силы, живущей у них во дворах: „Двор осадной посадцкого человѣка Самойла да брата его Богдана Мылников“, читаем мы, например, в Нижегородской писцовой книге за 1621

[26]) А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 269 (Птг. 1917 г.).

[27]) А. И. Заозерский, назв. соч., стр. 196—209.

[28]) Русская Истор. Библиотека, т. II, № 143, стр. 399 — 492. Ср. Акты Историч. т. III, № 156.

1629 годы—„а въ нем живут наймиты ихъ ярыжные" [29]). Перед открытием навигации открывалась горячая борьба между предпринимателями за рабочие руки. Рядили целыми партиями-артелями рабочих на всю летнюю навигацию, и если рабочих было мало, то оплата труда ярыжных поднималась до 12—15 руб. за сезон, при обычной оплате 5—6 руб., на хозяйских харчах. Заключались письменные договоры с рабочими, брались крепкие поруки по наймитам, но ни договор, ни круговая порука часто не помогали: наймиты, получив задаток, бежали вместе с своими поручителями, нанимаясь вторично на уходящее на низ какое либо судно. Предпринимателям приходилось своих наймитов стеречь даже вооруженной силой, для чего некоторые из предпринимателей, умевшие ладить с местным воеводой, брали у него стрельцов. Хозяин судна отдавал его в пользование со своими работными людьми и с распорядительным аппаратом (приказчиком, носовщиком, кормщиком и водоливами) за валовую плату для перевозки казенных или частных грузов учреждениям и отдельным лицам в том случае, если сам не взял с торгов в Московских приказах подряда на перевозку этих грузов или не сговорился с частным предпринимателем на целый ряд лет [30]).

Переходя к наблюдениям над жизнью монастырских хозяйств, представлявших из себя всегда более или менее крупную вотчину, мы увидим тоже разнообразное и массовое применение наемного рабочего труда. Монастырская вотчина с своим населением не только привлекает к себе наемную, часто постороннюю рабочую силу, но иногда и сама является как бы резервуаром готовой рабочей силы, рекрутируемой для обслуживания других не монастырских хозяйств. Например, Большой Тихвинский монастырь из своих слобод и посада выделял ежегодно часть населения, ездившую на отхожие заработки в Новгород [31]). Чернорабочая наемная сила входила обычно в разряд монастырских людей, именовавшихся детенышами, разряд довольно сложный и по своему социальному составу и по различным оттенкам своей экономической и иной зависимости от монастыря. Сюда входили: 1) осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, у „которых отцы и матери посѣчены", „в полон взяты" или просто умерли, 2) обедневшие крестьяне и бобыли (обе эти категории составляли крепостное население монастырской вотчины) и 3) наемные люди—эти последние были или вольные или из своих или чужих крепостных крестьян и бобылей [32]).

Квалифицированный же наемный труд, поскольку это можно видеть из документов, не входил в категорию детенышей, а сохранял за собой обычное профессиональное определение: иконник, часовных дел мастер, рудник, соловаренный мастер и пр. Наймиты, работавшие на монастырской пашне, на монастырских промыслах, требовались и для удовлетворения тех нужд государства, обслуживание которых в соответствующей пропорции ложилось на данный монастырь. Так, например, обязанные выставить со своих вотчин даточных „для государевы службы в полки", монастырские власти часто предпочитали, не трогая своего населения, обращаться к найму услуг сторонних лиц, которые по особому договору—наемной записи—обя-

[29]) Рус. Ист. Библиотека, т. XVI, стр. 55, ср. стр. 45 и 122.

[30]) Когда правительство отправило в ссылку В. В. Голицына, которого сопровождала семья и дворовые люди, то от Холмогор до Пустозерска в Холмогорах было „нанято... подъ нихъ и подъ всякіе ихъ припасы три лодьи добрые съ снастми и съ работными людьми, а найму дано лодейщикомъ по двести по семьдесятъ на лодью... и тѣ деньги подрядчикомъ лодейщикомъ колмогорцомъ Алешкѣ Рюмину с товарищи отданы". (Розыскные дела о Фед. Шакловитове, т. III, стр. 1320-21).

[31]) Б. Д. Греков. „Отчет о командировке Археографической ком. в Тихвинский м-рь". „Летопись занятий Археогр. ком." за 1913 г. в. 26, стр. 17.

[32]) М. А. Дьяконов. Оч. из ист. сельск. насел. в Моск. госуд. (Спб. 1898), стр. 303. Ср. стр. 297, 299.

зывались на определенный срок, обычно годовой, и за определенную наемную плату служить в государевых полках и „государево всякое дѣло дѣлати“, даточные люди обязывались быть на военной службе со своими „съ подводою, съ лошадью и телѣгою и съ хомутомъ, и с топоромъ и съ киркой съ заступомъ, и съ лопатою“[33]).

Кроме боярской, царской и монастырской крупной вотчины, наемный труд, как это мы уже видели, находил свое применение и в предприятиях гостей и отдельных лиц—предпринимателей и промышленников. Добытчики пушного товара, отважные „землепроходцы“ и зверобои, энергично просачивавшиеся в глухие уголки Сибири еще с начала 16 века, организовали нередко крупные промысловые предприятия, обслуживаемые наемной силой „покрученников“, батраков и работных людей. В далекую Мангазею, в ярмарочный период, собиралось торговых и промышленных людей, по их собственному отзыву „человѣкъ по 600 и по 700, и с соболиных промыслов приходило каюков по 100 и по 150... а всяких... людей о с'езде ярмарочном с'езжалось для торгов человек тысячи по две и больше; у многих... у одного человек ужин (т. е. наемных покрученников на промыслах) по 50, а в торгу у одного же тысячи по две (рублей) и по три и по пяти и больше“, наемные покрученники сбивались в ватаги, которые под руководством опытных „передовщиков“ и хозяйских приказчиков рассылались на промыслы; хозяева снабжали покрученника „ужиной“, т. е. охотничьим снаряженьем („соболиной снастью“), продовольствием, одеждою и средствами передвижения, получая за это с него две трети добычи[34]). На соляных промыслах Надеи Светешникова, Строгановых, на рыбных промыслах гостя Гурьева работные люди получали определенную наемную плату деньгами и хлебное жалованье или взамен того и другого месячину из продуктов и одежды. Квалифицированный наемный труд у разных категорий предпринимателей обычно оплачивался деньгами: „дано платяному Насону полтина, что найковалъ суконъ ткать“, „дано Гришѣ часовику полтора рубля, што онъ дѣлалъ у часовъ колоса новые“, „дано иконнику Павлу отъ пяти пядницъ на золоте 8 алтынъ 2 денги“[35]). За высококвалифицированными наемными мастерами хозяева особенно ухаживают: „а ихъ рудниковъ (иноземцев) велѣть поить и кормить, пишет своему приказчику Б. И. Морозов, — чтоб ничѣмъ скудны не были“.

Личный наем известен у нас с очень давней поры. Положением человека, продающего свой личный труд, уже интересуется Русская Правда в статьях о закупах, которых она именует наймитами [36]). О вольном найме мы найдем постановления и в Псковской Судной Грамоте и в Судебнике 1497 г. и Царском Судебнике 1550 г. и Уложении 1649 г. Кроме законодательства, сведения о личном найме мы имеем и в юридических актах - договорах, заключавшихся между хозяином и работником, в большем количестве идущих после Уложения 1649, которое предусматривало возможность „крестьяномъ и бобылемъ у всякихъ чиновъ людей наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей повольно“. Этот материал дает возможность вникнуть в сущность юридического положения наемных рабочих и об'яснить те фактические о них сведения, которые были приведены выше.

---

33) Акты юридические, № 319, I и II.

34) С. В. Бахрушин. Историч. очерк заселения Сибири до пол. 19 в., в „Очерках по истории колонизации Севера и Сибири“ (Птг. 1922), в. 2, стр. 50—52.

35) Русская Истор. Библиотека, т. II, стр. 299, 300, 302 и сл.

36) Различные мнения о природе закупничества см. В. И. Сергеевич. Юр. Др. Т. I, с. 177 (2 изд.), Мейер, „О праве залога“ (Юрид. Сб., Каз. 1855 г.), ст. 225; К. А. Неволин, Ист. Рос. Граж. Зак. (СПБ. 1857, т. V, ст. 147; В. О. Ключевский. Происх. креп. пр. в Рос. (Рус. Мысль 1885 г., т. VIII) с. 14; М. С. Владимирский-Буданов, „Об. ист. рус. пр.“ (К. 1900) с. 389, пр. 1; свод мнений см. у Н. Н. Дебольского, „Гражд. дееспос. по русск. праву“ (СПБ. 1903 г.) стр. 85—86.

Понятие свободной человеческой личности было, в значительной степени, чуждо древности, почему эксплуатация труда вела и к эксплуатации носителя этого труда—человека. Таким образом, современное понятие о личном найме, прошедшее долгий исторический путь в своем развитии, в древности первоначально не было известно, и лишь сравнительно поздно начало отделяться от договоров найма имущества.

И древне-русское право шло от воззрения на наемный труд, как труд рабский, бывший сам по себе источником холопства („по ключу холоп"), к труду свободного наймита [37]). Но разобранные выше примеры, устанавливающие формы применения наемного труда в Московской Руси 16—17 в.в. далеки уже от полного слияния его с трудом раба, как далеки еще и от современных понятий об эквивалентном обмене услугами в определенный срок и за определенное вознаграждение. Здесь мы застаем наемный труд на срединной линии своего развития одинаково далекой от понятий древнейшей и современной Руси. Закон уже расчленяет право на пользование трудом от права на личность трудящегося, берет ее под свою защиту, —„а тѣмъ людемъ, у кого они въ работу наймутся жилыхъ и съсудныхъ записей и служилыхъ кабалъ на нихъ не имать и ни чимъ ихъ себѣ не крѣпити, и какъ оть нихъ тѣ наймиты отработаются и имъ отпущать ихъ отъ себя безо всякого задержанія" [39]). И вместе с тем, сама государственная власть, в лице приказов, ведавших государственными экономическими предприятиями постоянно нарушает эту норму закона: насильственно выбирает рабочую силу из разных уездов, произвольно, без ряда назначает оплату труда и держит на работах неопределенное время. То же и, даже более в болезненных формах для трудящихся, делали частные лица — крупные вотчинники.

Затем, хотя старая норма, говорящая, что всякий наемный труд ведет к рабству или закрепощению трудящегося, к 16—17 вв. являлась уже устаревшей, но ее влияние еще сильно. Человек, отдававший свой труд в наем и в пользование, иногда добровольно, чаще невольно попадал в крепостящую его зависимость к хозяину, переходившую легко в кабальную или холопскую неволю. В случаях же, когда наймит в такую, крепостящую зависимость не попадал, тем не менее он ощущал на себе проявления патримониальной власти предпринимателя. Особенно сказывалось это на сельскохозяйственных работах. И это понятно, т. к. здесь существо юридических договоров, заключавшихся наймитами с хозяевами, различно в зависимости от типа и форм работы. Акты 16 — 17 вв., порядные, наемные, подрядные и т. п. дают возможность установить практику: 1) срочного найма труда, с специфическими оттенками кабального свойства: 2) подряд и 3) урочной работы или заказ. В договорах последних двух видов менее всего заметен холопский элемент. Это понятно, все работы, все предприятие вверяется одному подрядчику единоличному или коллективному, который и является распорядителем этих работ. Подрядчик или мастер, берущий работу на заказ, независим от работодателя, который осуществляет лишь надзор, но не участвует распоряжением или руководством в производстве, всецело вверяемом подрядчику. В иное соотношение попадает рядчик, отдающий свой труд на известный срок и вознаграждение непосредственно хозяина какого либо предприятия. Здесь

[37]). П. И. Беляев. Договор найма в др.-русском праве (Русский Истор. Журнал. 1918; кн. 5, с. 10 и сл.); Р. Дистерло. О найме на сел.-хоз. работы по закону и обыч. пр. России. Журн. Гражд. и Угол. Права. Спб., 1886 г., кн. III, с. 48. ср. 49—67; Potnier. Traité du contrat. de luage, § 1—22. 763, 791; Гуляев. Наем услуг. (Юрьев. 1893), сс. 4—12 и сл.

[38]) Уложение 1649 г. гл. XI. ст. 32.

[39]) Уложение XVI. ст. 38.

мы видим, вопреки законодательству, старающемуся оградить личность рядчика от кабалящих ее явлений, что житейский быт эпохи неуклонно вкрапливает их в договор. Закон, например, в случаях передачи поместья новому помещику предписывает посеянный старым помещиком хлеб жать своими силами, не прибегая к помощи своих крестьян и в случаях, если этот хлеб был посеян трудом наемных людей. Смысл статьи ясен, крестьяне поместья поступают в распоряжение нового помещика но не деловые и наемные люди, которые заключили контракт с старым помещиком, с уходом с земли которого, наемные люди должны только докончить свои работы в пользу старого помещика и по окончании работ уйти. Но следует ожидать, что это веление закона на практике не всегда выполнялось, т. к. работные люди крепостились на месте своей временной работы рядом условий договора и бытовыми традиционными приемами, вследствие чего, после конца работы становились в крепостную зависимость к хозяину, который и мог или увести с собой этих наймитов в качестве своих кабальных или крепостных людей или передать в качестве таковых же новому владельцу поместья. Крепостящими элементами в жизни наймитов были, кроме указанных выше права хозяина на наказание и т. д., обязательство за попорченое „небрежением" хозяйское имущество заслуживать „головой до искупа" нанесенный ущерб, система штрафов и вычетов из заработной платы, принудительная задержка на работах по прошествии договорного срока, наконец, заем денег или материалов — все это создавало благоприятные условия для превращения наймитов в крепостных и кабальных людей, так по словам одной челобитной „иные изъ найма живутъ по году и по два... а которые и есть работники устарѣлые, и тѣ живутъ по своимъ волямъ, не хотятъ жить и прочь итти". Как крестьяне могли „застареть" на месте своего жительства, так и наймиты „устаревали" на своей работе не всегда по своей воле, а по об'ективным причинам, силой быта и традиции, в которой не было еще полного простора для свободного труда. Понятно становится и то, что договор наймита легко вступал в прочное соединение с другими видами сделок, часто уничтожавшим чистоту юридической сути договоров. Известны наемные-заемные, наемные-жилые, наемные-подручные, подрядные-ссудные и др. такие соединения, которые задерживали развитие и на практике и в юридическом сознании эпохи понятия личного найма, как договора об обмене эквивалентными услугами контрагентами на известный срок.

Андрей Введенский

Очерки истории труда в России.

VIII[1]). Хозяйство и труд в вольных городских общинах удельной Руси.

Во всех странах мира тогда, когда существует феодализм обычного типа, обоснованный на господстве крупных землевладельцев при натуральном хозяйстве или при хозяйстве, основанном на узком местном рынке, ощущается некоторая потребность во внешнем обмене. Она невелика для каждой отдельной баронии, но все же эта потребность неустранима. Операцию посредничества между хозяйственно-замкнутыми феодальными владениями, транзитной торговли, берут на себя специальные феодальные общества особого типа — муниципально-феодальные общины или республики, государства-города или, точнее, города-феодальные вотчинники.

Такими феодальными общинами торгового типа на Руси были Новгород и Псков, которые посредничали между севером и северо-востоком удельной Руси и западной Европой через немецкую Ганзу. Будучи формально демократическими, вечевыми, они на деле, фактически являлись олигархиями, организациями аристократической власти. Хозяйственные порядки и отношения вольных городов с железной необходимостью приводили их именно к такому сочетанию общественных сил. Вести обширную транзитную торговлю можно было лишь сообща, коллективно, компаниями. И мы имеем товарищества купцов—полные и коммандитные (товарищества на вере), типическим примером которых может служить новгородское товарищество купцов-торговцев воском[2]). Но и этого было мало: и товарищество не могло поддерживать обороты свои одной складчиной,—оно нуждалось еще в кредите. Отсюда вышли и развитые постановления Псковской судной грамоты о кредитных сделках, и летописные известия о боярах-банкирах и ростовщиках[3]), и даже народные предания о ростовщической деятельности новгородского боярства[4]). Как ростовщики-банкиры, новгородские бояре держали в своих руках купцов, начиная с самых богатых из них—"житых людей",—и городских ремесленников, и даже крестьян. Но крестьян они подчиняли себе еще тем, что владели огромными землями, как и владыка-архиепископ новгородский и монастыри. В этом отношении они были феодалами обычного типа[5]).

Понятно при таких условиях, что, предлагая вечу решение тех или других вопросов, боярский правительственный совет Новгорода был почти всегда уверен, что решение вечевой сходки не разойдется с его мнением[6]). Аристократический па

1) См. Архив истории труда в России, кн. V.

2) Дополнение к Актам Историческим, т. I, № 3.

3) Псковская судная грамота, изд. Археогр. Ком. ст. 14, 15, 19, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 38, 62, 73, 74, 75, 84, 85, 86, 92, 93, 94, 103, 104, 107 Новг. 1—4 летопись под 6717 г.

4) Таково сказание о посаднике Щиле, дававшем деньги в рост: Ключевский. Боярская дума, изд. 1-е, стр. 249.

5) См. Новг. летописи с 6717 г., Новг. писц. книги и т. д.

6) Ключевский. Боярская дума, стр. 265—267; Никитский, Очерки из жизни В. Новгорода: «Жур. Мин. Н. Пр.» за 1869 г., Окт.

отчеству политический строй покоился, таким образом, на экономическом подчинении трудящихся масс боярскому меньшинству. Это уже само собою бросает свет на положение в Новгороде, так называемых, черных людей. Состав этой демократии был чрезвычайно пестр,—к ней принадлежали, прежде всего, те, кто в позднейших писцовых книгах носил название городчан,—городские жители, занимавшиеся мелкой торговлей, ремеслами, может быть также поденной работой по найму; сюда же относились даже своеземцы или земцы, обладатели мелкой земельной собственности в уездах, в Новгородской провинции, смерды, сироты, крестьяне, изорники (пахари), огородники, котечники (рыболовы)—все арендаторы чужой земли для разных хозяйственных целей—наконец поземщики—непашенные люди, сельские поселенники и работники по найму.

Тяжелое материальное положение черных людей, экономически зависимых от крупного землевладения или от крупного капитала, усугублялось теми государственными повинностями и податями, которые лежали исключительно на них. Черные люди платили татарскую дань, ложившуюся, правда, юридически на все население, но фактически перелагавшуюся богачами на бедняков: при ее сборе "вятшие творяхь себе добро, а меньшим зло". Но уже исключительно одни черные люди вносили "черный бор", поступивший новгородскому князю—в 15 веке он собирался по гривне с сохи. Затем на черных людях лежало "поралье посадниче и тысяцкого" особый налог в пользу новгородской выборной администрации; наконец, они же отбывали натуральную повинность городового дела, т. е. постройки и починки городских укреплений 7).

Землевладение в северных владениях Новгорода и в том виде, как о нем сообщают Псковская судная грамота и отчасти—в отношении своеземцев—новгородские писцовые книги конца 15 века, бросает свет на те формы отношения к земле, которые являлись в русской—да и не в одной русской—истории промежуточными между первичным вольным или захватным землепользованием и окняжением и обояриванием земли, образованием крупной светской и духовной землевладельческой вотчины феодального типа. По-видимому, даже эта вотчина долгое время лишь прикрывала собою сверху те поземельные отношения, которые продолжали существовать внизу, в крестьянской среде—не только в 14 и 15 веках, но и в 16—17 и даже отчасти позднее. Русский землероб и на севере, и в ближайших к Новгороду и Пскову их владениях, как и в бассейне Оки и Волги, по старой традиции, ведшей свое начало от вольного землепользования, считал своей собственностью не землю, а труд, в нее вложенный: земля была божья да новгородская, а крестьянским было только "поселье". Но в лесном и болотистом краю это "поселье" давалось нелегко первому поселенцу. Вот почему права на землю его, этого первого поселенца, и его кровных правопреемников считались более прочными, чем права позднейших заимщиков или покупщиков, остававшихся лишь временными держателями земли до появления вотчинника. Естественно, что, продавая землю другим, эти позднейшие заимщики и покупщики земли обязывались в случае, если, "выищетца вотчич", вернуть покупателю деньги, а он в свою очередь должен был отдать "вотчичу" землю. Но этот единственный результат трудности первоначального "посилья" и влияния старых приемов вольного землепользования совершенно заслонялся вновь возникшими землевладельческими отношениями—долевым, соседским, складническим или сябринным владением. Семьи первых поселенцев хозяйствовали сообща, трудились вместе и по смерти отца и по образовании новых семей у его детей. Они жили сначала и на одном дворе, только, по мере умножения населения, в разных избах, и отдельные семьи получали равную с другими долю продукта общего труда, так как каждый сын имел право на равную долю наследства от отца. Но уже тут обнаруживались противоречия интересов: семьи братьев могли быть неравны и потому

7) Новг. 1и 4 летоп. под 6767 г. — Акты Археогр. экспед., т. I. № 32. — Акты Историч., т. I. № 17. — Новг. 1 и 4 лет. под 6938 г.

8) Русская Историческая Библиотека. т. XIV. А. № XX

вносить не одинаковый труд в общее дело, а продукт делился поровну. В третьем и дальнейших поколениях дело еще более осложнялось в этом отношении, и родственники-совладельцы начинали тянуть врозь, стремиться не только к делению продукта, а к раздельному хозяйству, т. е. к разделу земли, сначала временному, предполагавшему новые переделы, так что каждый владелец являлся собственником не конкретного участка земли, а идеальной доли в общей земле. Размер этой доли определялся положением данного совладельца по отношению не к первоначальному поселенцу, основателю хозяйства, а к своему отцу—размер доли зависел от того, сколько братьев имел данный совладелец. Переделяя землю по этим идеальным долям, потомки первоначального поселенца также стали и продавать свои права на эти идеальные доли. Отсюда в кровный родственный союз совладельцев стали проникать чужеродные элементы—сябры или шабры, соседи, складники. Наконец, временные переделы перешли в окончательные разделы.

Наши источники дают ряд фактов, иллюстрирующих ярко отдельные моменты этого процесса. Есть факты, показывающие, что чужеродцы-складники или сябры вступали в соседский дом путем покупки долей даже не земли, а продукта, когда земля еще не была разделена 9). Но были и затем участились случаи продажи земли временно-переделяемой, разделенной, но не "росписанной" окончательно. Наконец, есть много фактов окончательного раздела, причем складники обязуются больше "земли не переделивати". Это крестьянское долевое или складническое, сябринное, соседское владение не только превращалось в подворно-наследственное без переделов, индивидуализировалось путем разделов, но и подвергалось посторонним землевладельческим влияниям двоякого рода: с одной стороны, монастыри и частные владельцы проникали в него путем покупки долей отдельных совладельцев, с другой, так как ведь все же дольщикам в их понимании принадлежало только "владенье", вложенный в землю труд, а самая земля была божья да новгородская, то это высшее, новгородское право собственности могло перейти, главным образом, пожалованием от "государя Великого Новгорода" в руки частных лиц и церковных учреждений, и они становились высшими собственниками крестьянской земли. При этом сначала это не мешало ни переделам долей, ни их отчуждению совладельцами посторонним, с сохранением по прежнему прав высшего собственника. Потом высший собственник постепенно аннулировал право отчуждения.

Таковы были формы землевладения черных людей и их землевладельческие права, постепенно убывавшие. Каковы же были формы отношений труда к капиталу?

В сельском хозяйстве на владельческих землях—боярских, владычных, монастырских—основной формой взаимоотношений крестьян к владельцам была аренда за оброк большею частью натурой—известным количеством мер хлеба и других сельскохозяйственных продуктов или долей урожая—половиной, третью, четвертью, пятиной (это—половничество). Писцовые книги конца 15 века почти каждой своей страницей доказывают это положение. И Псковская судная грамота говорит об изорниках, огородниках и котечниках, отдававших землевладельцам долю продукта. Следует отметить, что та же грамота знает также в качестве обычного явления "покруту"—ссуду, заем, производившийся крестьянином у землевладельца. Эта ссуда была тем более необходима,—что, как показывают вычисления, сделанные на основании писцового материала 11), хозяйство новгородского крестьянина часто сопровождалось весьма значительным дефицитом. — Даже крестьянское, особенно своеземческое, тем более владельческое — боярское, монастырское, владычное хозяйство

9) Русская Историч. Библиотека, т. XVI. А. № [illegible] — [illegible] Архив Мин. Юст., [illegible] [illegible] № 13177.

10) [illegible] Архив [illegible] связка 1. № 1. — См. П. Иванов. Поземельные [illegible] на севере России.

[illegible] Рожков. Русск. история в сравнительно-историч. освещении. т. III. стр. 207—[illegible]

не обходилось без наемного труда. Псковская судная грамота знает наем на сельские работы, упоминает о "скотнике" или наемном пастухе, а также о подсуседнике [12]), который, надо думать, был батраком, работавшим из платы натурой. Владельческую пашню—вообще необширную—обрабатывали также в небольшом сравнительно количестве, как то показывают писцовые книги, холопы. Один акт 15 века знает "страдников", т. е. полных холопов, которые "емлют месячину", пропитание за работу на господской пашне, не имея своего участка. В Псковской судной грамоте встречаем и "закупня"—закупа Русской Правды, полусвободного должника, обеспечившего свой долг самозалогом. Повидимому, он снимал землю из известного дохода, а не работал на барской пашне.

Та же Псковская судная грамота изображает формы обрабатывающей промышленности: она говорит о наемном плотнике, о ремесленном ученичестве [13]). Было, конечно, и домашнее кустарное производство для собственного потребления: писцовые книги упоминают часто о домашней выделке полотна.

Торговля—особенно внешняя—создавала особые виды труда, с нею связанные: таковы были артели лоцманов, сопровождавших суда в волховских порогах, и лодочников, разгружавших суда и перевозивших товары в город [14]).

Уже из предшествующего изложения видно, что в отношении к государству граждане Новгородской республики не были равны; высшие выборные должности замещались боярами, правительственный совет, составлявшийся из бывших должностных лиц, оставивших свои посты, поэтому также состоял только из бояр; подати и повинности главной своей тяжестью ложились также на трудящиеся массы. Единственным государственным правом, каким обладали черные люди, являлось только право участия в вечевой сходке. Но так как вече было юридически носителем верховной власти, а с другой стороны торговля развивала сделки, обязательства всякого рода и, следовательно, гражданское право вообще, то из сочетания этих условий и обстоятельств получилось долгое время державшееся гражданское равноправие. Личные гражданские права всех новгородских и псковских граждан, в том числе и черных людей—их жизнь, здоровье, свобода и честь—ограждались одинаково, без всяких сословных различий. Наймит дворный, наемный плотник могли уйти от нанимателя даже до истечения срока найма. Изорник, огородник и кочетник пользовались правом полной свободы перехода [15]). Личная свобода до такой степени ограждалась, что если кто либо, об'явив другое лицо своим рабом, позволял себе насилие над ним до суда, то он тем самым признавался неправым в своем иске. Честь всех новгородцев и псковичей, в том числе и черных людей, получала одинаковую правовую защиту: за вырывание бороды, "наход" и "наезд", независимо от сословного положения потерпевшего, следовало одинаковое наказание, более тяжелое лишь для богатых и облегченное для менее состоятельных виновных [16]). Равенство всех новгородцев и псковичей в правах имущественных также не подлежит сомнению.

И однако, поскольку речь идет о свободных людях из среды трудящихся, в 14—15 веках стали наблюдаться значительные признаки уменьшения их правоспособности, появились зародыши крепостных связей и отношений. Крестьяне мало по малу сближаются с холопами, становятся с ними в некоторых отношениях на одну доску, в одинаковое положение. Их не прямо, правда, а косвенно, путем договоров с великими князьями московскими, прикрепляют не к владельцам, не к имениям и не к участкам, ими занимаемым, но по крайней мере к новгородским владениям вообще: князья берут на себя обязательство выдавать бежавших к ним из новгородских владений крестьян, как и холопов [17]). Затем, повидимому, землевла-

---

12) Псковская суд. грам., статья 1[illegible], 103.

13) Псков. суд. гр., ст. 41, 102.

14) Никитский. История экономического быта Великого Новгорода.

15) Пск. суд. гр., ст. 40—41.

16) Акты Арх. Эксп., т. I, № 92.

17) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15; Акты Эксп., т. I, № 57

делец имел право присутствовать на суде, если велось дело не только его холопа, но и половника [18]. Наконец, зависимость крестьян от землевладельцев выражалась и в том, что закон налагал на землевладельцев обязанность доставлять на суд по требованию властей не одних лишь их холопов, но и крестьян [19]. Что касается, наконец, холопов, то бывшие полные или обельные холопы носили в Новгороде название одерноватых от символизировавшего факт передачи или продажи в рабство акта вручения покупателю куска дерна. Их положение совершенно соответствовало положению обельных холопов: они отчуждались, как всякая собственность, не имели ни личных, ни имущественных прав, почему не могли выступать на суде ни в качестве истцов ни как свидетели и не платили податей, например, не подлежали черному бору. Впрочем, допускалось свидетельство холопа против другого холопа [20].

Чем дальше шло развитие новгородской олигархии, тем хуже становилось положение трудящейся демократии. Новгородские летописи 15 века неустанно повторяют жалобы на насилия, злоупотребления и беззакония аристократии и властей: они жалуются на то, что "бе, по волости из'ежа велика и боры частые, крич и рыдание и вопль и клятва всеми людми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права", что "посадники и великие бояре насилья держат и никому их судити не мочи" [21]. Этим об'ясняется и победа Ивана III, покорение Новгорода Москвой: новгородская вольность была монополией верхов общества и нимало не обеспечивала интересов широких масс.

IX. Перемены в положении трудящихся масс в эпоху упадка русского феодализма.

Русский, как и всякий другой, феодализм стал клониться к упадку тогда, когда стало делать первые успехи товарное хозяйство с обширным рынком, начали слагаться первые элементы будущего торгового капитализма. В России этот процесс был облегчен не столько равнинностью страны и обилием рек и речек, сходящихся верховьями между собою, сколько продолжительностью зимы и снегового покрова, создающих удобные и относительно-скорые пути сообщения. Здесь поистине не было бы счастья—переходу от натурального хозяйства к торговому капитализму с никованием товарного хозяйства с местным узким рынком,—да несчастье помогло—помогла суровость и продолжительность русской зимы.

Любопытно следить, как сбыт товара на сотни верст проникает отдельными струйками в толщу натурального хозяйства, разлагая последнюю, проводя по ней отдельные трещины и борозды. Когда мы видим, что жители Переяславль-Залесского уезда ездят торговать в Нижний-Новгород, а тверские купцы торгуют с Переяславлем, что туда же тянут в торговом отношении некоторые местности Суздальского уезда, что Рязань и Тверь обеспечивают и регулируют свои коммерческие интересы в Москве, что Калуга торгует с Литвой и другими иностранными соседями, что в Москве постоянно проживают немецкие и армянские купцы [22], то становятся ясными предпосылки грядущего образования не только национального, но и международного рынка. Скупщик начинает вступать в свои права в качестве посредника между мелким производством, эксплуатируемым им хищнически, ростовщически, и обширным рынком: что, как не скупщики сбывали даже и заграницу те "пере-

18) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 15.

19) Акты Археогр. Экспед., т. I, № 9.

20) Акты Юридические, №№ 71, 110 и др. — Акты Арх. Эксп., I, № 32, 57, 92. — Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15.

21) Новг. 4 лет. под 6954 г.; Псковск. 1 лет. под 6984 г.; Никон. лет., VI, стр. 13, 17.

22) Соловьев, История России, т. V, стр. 237—239; Акты Историч., т. I, № 116; Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 36, 65, 76, 77.

ванные кубки, искусно украшенные резьбой, и другие деревянные вещи, необх... мые в домашнем обиходе", о которых говорит в самом начале 16 века посетивший тогда Россию посол германского императора Сигизмунд Герберштейн? Откуда как не от работы на рынок, могли получиться деньги у крестьян имений Троице-Сергиева монастыря в половине 15 в. так что у них явилась возможность платить ... наместнику в денежной, а не в натуральной форме?

Рынок расширяет сбыт сельскохозяйственных и других продуктов и увеличивает барскую запашку, следовательно также и барщину. Конечно, и здесь мы имеются лишь отдельные новообразования, не создающие еще массовой перемены, только частично видоизменяющие зачаточно-феодальную, натурально-хозяйственную старину. Но во всяком случае мы имеем ряд фактов, указывающих на существование барской запашки в первые десятилетия 16 века в уездах Рузском, Коломенском, Дмитровском, Владимирском, Волоколамском, Переяславль-залесском [23].

Для этих зародышей нового хозяйства нужны более постоянные, чем прежде рабочие силы и в большем, чем раньше, количестве. С другой стороны, начинающиеся хозяйственные перемены больнее всего отражаются на малоимущих, трудящихся элементах деревенского населения, на крестьянской массе. Совокупное действие всех этих обстоятельств завязывало туже немногие прежде, слабые еще узлы грядущей крепостной неволи и связывало многие новые явления в том же смысле и направлении.

Конечно, крестьяне не утратили еще старой свободы перехода: она нашла себе точное и ясное законодательное выражение в Судебнике 1497 года [24]. Этот же Судебник установил окончательно и срок перехода—Юрьев день осенний (26 ноября), за неделю до него и неделю спустя после него—и форму "отказа"—заявления крестьянина об уходе. Все это далеко было от каких бы то ни было ограничений свободы крестьянского выхода: тут речь шла не об ограничениях, а только о регулировании, упорядочении сложившихся отношений, совершенно свободных юридически, чисто-договорных. Но, если не юридические ограничения, то фактические, именно экономические затруднения в осуществлении признанного законом права свободного крестьянского перехода вытекали из потребности крестьянина в постройках—доме или избе и надворных хозяйственных строениях. Затруднения постигали здесь крестьянина одинаково в обоих случаях: и тогда, когда он садился на застроенный уже участок, и в том случае, если занимаемый им участок был незастроенный. В первом случае, то есть при поселении на застроенном участке, крестьянин, по Судебнику 1497 г., должен бы заплатить, уходя к другому землевладельцу, "пожилое" за пользование двором и всеми постройками в размере одного рубля в местах полевых и полтины в лесных местностях (около 50—100 р. на наши золотые деньги). Это было нелегко, потому что годовой денежный бюджет крестьянина едва ли многим превышал обычно эту сумму. В случае, когда крестьянин садился на незастроенный участок, положение значительно осложнялось: тут получались не только фактические, но уже отчасти и юридические затруднения в переходе. Садясь на участок без строений, крестьянин обязывался его застроить и за то получал от землевладельца льготу, т. е. известное облегчение в уплате оброка, отбывании издельного и во взносе государственных податей. Льгота давалась на определенный срок [25] и тем самым обязывала крестьянина в этот срок не уходить и выполнить свои обязательства по застройке участка. Это—во-первых. А во-вторых, крестьянин иногда получал "на дворовое строенье и для пашни" также еще "подмогу" натурой или деньгами. Эта подмога, как показывают документы 16 века, тогда не подлежала возврату, как долг, была безвозвратным пособием для кре-

[23]) Рум. Музей, Сборник Беляева № 1620, лл. 250, об. 251, 277; Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 129, 131.

[24]) Акты Историч., т. I, № 105.

[25]) Ключевский. Происхождение крепостного права в России: «Русская Мысль» за 1885 г., № 10, стр. 7.

дения хозяйства в надлежащий порядок. Но эта работа по упорядочению хозяйства, необходимость которой обусловливалась подмогой, привязывала на все время своей продолжительности крестьянина к данному землевладельцу.

Но крестьянин нуждался не только в доме, дворе и хозяйственных постройках: ему нужны были хлеб для посева и пропитания и деньги на живой и мертвый инвентарь и другие нужды. Отсюда вытекали займы крестьянина у землевладельца. В разных актах 15 века много говорится о заемном жите (хлебе), заемном серебре (деньгах), об "издельном серебре", "деньгах в селех в ростех" и "ростовом серебре". Заемное жито и серебро, повидимому, было беспроцентной ссудой и только при просрочке уплаты занятого превращалось в процентный долг. Но и его нелегко было уплатить. Еще труднее было расплатиться с процентным долгом—возвратить "заемное серебро", "деньги в селех в ростех" и "ростовое серебро", бывшее займом под будущую работу (изделье) вместо процентов[26]). Все эти долги привязывали крестьянина к землевладельцу до весьма трудной для него уплаты их, тем более, что неисправность в уплате грозила выдачей головою кредитору до искупа, согласно Судебнику 1497 г.

Но и это еще не все. Жизнь создавала и другие крепостнические тенденции, вытекавшие из "старины" или "старожильства", приписки к тяглу и специальных, частных ограничений и стеснений. Старина или старожильство—давность жительства крестьянина в имении землевладельца, рождение в крестьянстве за кем либо, переход в руки другого человека вместе с землей по какой либо сделке или по наследству [27]). Она стала делаться препятствием к переходу на другие земли только во второй половине 15 века,—в первой же его половине еще можно было перезывать к себе "тутошних старожильцев" [28]). Приписка к тяглу—запись в писцовые книги, превращение в людей "письменных"—также приводила к стеснению свободы перехода: таких людей князья обыкновенно запрещали перезывать из их княжеств. Наконец, иногда встречались частные ограничения, князья давали землевладельцам право не выпускать из за себя крестьян [29]).

X. Интеллигенция древней Руси до половины 16 в.

История труда не есть только история труда физического, трудовая энергия может быть и бывает также нервной, умственной. Те, кто посвящает себя этого рода труду, носят у нас обыкновенно название интеллигенции. Но здесь является вопрос: входит ли история всякой интеллигенции в историю труда? Несомненно, интеллигенцией в смысле людей со способностью сознательного отношения к окружающей действительности являлись в древности князья и другие представители общественных верхов. Но умственный, интеллигентский труд не служил для них источником средств существования, не делая их умственно-трудящимися в собственном смысле этого слова. Поэтому и в истории труда им нет места. Это одна предварительная оговорка. Другая состоит в том, что и трудящаяся, демократическая, живущая своим умственным трудом интеллигенция не вся служит интересам народных масс, интересам трудящихся. Поэтому, изучая историю интеллигентского труда, надо иметь в виду отдельные группы интеллигенции и строго различать тяготение этих отдельных групп к той или другой классовой группировке.

Какие если не представители, то зародыши представителей интеллигенции были в языческой Руси, в древнейшее время—до 10 века? Повидимому, здесь ответ совершенно ясен: таковы были тогда волхвы, гадатели, о которых говорят наши летописные предания, и дружинные певцы, подобные с таким уважением называемому в "Слове о полку Игореве" Бояну.

26) Ключевский, Происхождение крепост. права.
27) Дьяконов, Очерки из истории сельск. нас. в Моск. государстве. стр. 22. 38. 45.
28) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 44.
29) Там-же, т. I, № 64; Акты Историч., т. I, № 59.

Волхвы были, несомненно, не жрецами: жрецами были родовые и племенные старейшины, являвшиеся естественными представителями кровных союзов перед таинственным миром богов и духов, одушевлявших, по старинным верованиям, все существа, предметы, явления и действия в окружающей действительности. Волхвы были специалистами по гаданию и заклинанию, колдунами, шаманами. В кровных союзах, где классовое расчленение еще не зашло далеко, они служили интересам не только старейшин, но и массы. И на этом зиждилась их позднейшая популярность именно в народных массах, которые и во времена христианства прислушивались к голосу волхвов[30]). От волхвов шло, впрочем, не одно гадание, но и лечение—они были врачами, лечившими при помощи "наузов" (талисманов) и посредством заговоров. Заговор—вид устной народной словесности, основанный и развитый волхвами. Волхвы являлись таким образом идеологами того "хаотического конкретизма" в религии и вообще в духовной культуре, который отличал древнейшую Русь, как и другие народы в соответствующую эпоху их исторического существования. Мы не имеем конкретных данных, чтобы судить о способах и размерах вознаграждения волхвов за их труд. Но, повидимому, это вознаграждение состояло в приношениях натурой и в частях от тех жертв, которые делались верующими. Во всяком случае не подлежит сомнению, что труд волхва был по тому времени трудом квалифицированным, эта первая интеллигентская профессия высоко ценилась и уважалась.

То же, по крайней мере до некоторой степени, должно быть повторено и о труде дружинных певцов и сказителей. Это видно по почтительным, даже восторженным отзывам "Слова о полку Игореве" о "вещем Бояне": певец считался недаром вещим, мудрым, и казался не менее, чем волхв, обладателем истины, вдохновляемым божественной силой. Конечно, эти певцы появлялись еще в языческое время: на это указывают уже обильные языческие и в тесном смысле даже анимистические реминисценции того же "Слова о полку Игореве". Дружины первых новгородских и киевских князей-язычников, конечно, имели таких певцов, как имели их скандинавские викинги. Такой певец, быть может, часто соединял в своем лице дружинника и поэта и музыканта и сказителя. Он пел "славу князю", служил интересам власти и ее носителей, верхов общества. Были такие певцы и сказители до призвания варяжских князей? И нельзя-ли поэтому считать их происхождение не только варяжским, но и славянским? Существование народных сказаний о быте первоначальных поселенцев нашей равнины из славян—напр., о Киеве, Щеке, Хориве и Лыбеди, о дулебах и обрах (аварах)—и древность славянских музыкальных инструментов как будто дают основание относить появление певцов и сказителей не только к варяжской, но и к славянской древности. У племенных князей могли быть такие певцы и сказители. Здесь, как и во многом другом, наблюдается сходство обычаев и явлений первоначальной истории разных племен и народов, которые история сводит вместе и соединяет на одинаковой ступени их развития, почему и слияние их в единую народность достигается с большой легкостью, и нельзя определенно различить, какому из них принадлежит тот или другой обычай, то или другое явление? они принадлежат обоим.

Некоторым элементом будущей интеллигенции являлись "кормильцы" и "кормилицы", т.-е. воспитатели и воспитательницы из рабов. Но определенно говорить об их существовании можно уже собственно во второй период русской исторической жизни,—в 10—12 веках. Не раньше 10 века о них говорит летопись: таким "кормильцем", дядькой, воспитателем Владимира был, по ее рассказу, Добрыня сын Малха Любечанина, брат ключницы Малуши, вероятно рабы, следовательно дядя Владимира, который был сыном Святослава и Малуши, и потому назывался "рабичичем", т.-е.—сыном рабы. О "кормильцах" и "кормилицах" из рабов говорит "Русская Правда" 11—12 веков[31]). Конечно, холопы и рабы чаще всего, вероятно, были очень элементарными педагогами, дядьками и кормилицами в собственном,

[30]) См. напр., Начал. летопись под 1073 годом.

[31]) Начал. летопись под 979 г.: Академич. список, ст. 24; Троиц. сп., ст. 14.

ближайшем смысле этих слов, т.-е. физическими руководителями княжеских детей, но тот на ком лежит такой внешний уход за детьми, естественно усваивает и действительно воспитательские функции, и потому первыми педагогами в России приходится считать именно таких "кормильцев" и "кормилиц".

В связи с этим надо поставить появление во второй период учителей грамоты. Исследователи совершенно точно установили, что и в 10 и в 11 веках и даже до 10 в. не может быть речи об училищах, о государственных школах; их не было ни тогда ни долго после. Даже Византия того времени не знала государственных школ. Но отдельные, частные учителя были: так Нестор в житии св. Феодосия печерского свидетельствует, что Феодосий был отдан для обучения "единому от учитель". Начальная летопись рассказывает, что Владимир велел собрать сыновей бояр—"нарочитой чади" для обучения грамоты, очевидно у отдельных учителей, а Ярослав в 1030 г., собрал 300 детей крестьян и священников также для обучения грамоте с целью потом определить в священники. Духовенство христианское и было преемником и заместителем прежних волхвов. Но оно пошло дальше их, стало само обучать грамоте и явилось, что еще важнее, первой и главной литературной силой древней Руси. Вероятнее всего, к числу представителей духовенства принадлежали те писцы, которые, по приказанию Ярослава, переписывали для него готовые болгарские переводы разных книг, и переводчики, делавшие для него же новые переводы греческих произведений на славяно-русский язык [32]. Переводы продолжались и в 12 веке, и их характер и содержание показывают те интересы, которые входили в умственный кругозор интеллигенции того времени.

Религиозный интерес, конечно, был здесь очень важен. Именно поэтому тщательно переписывались старые болгарские переводы византийских проповедей, делались изредка и их новые русские переводы с греческого. Надо однако заметить, что эти переводы удовлетворяли вкусами лишь более образованных верхов общества: византийская риторика была недоступна и ненужна массе. Да и среди общественных верхов и самого духовенства, всей почти интеллигенции того времени они, вероятно, играли роль заморской диковинки, поражавшей хитростью и выдумкой, тешившей слух и воображение громкой и звучной формой, великолепием и пышностью фразы, иногда, может быть, и малопонятной. Уже по этой переводной религиозной литературе видно, что догматика и экзегетика—богословская философия—пока мало интересовала даже и высшую русскую интеллигенцию. Она и читатели ее переводов главный интерес проявили к нравоучительной религиозной литературе. Этим дано было главное содержание и для оригинального русского творчества в данной области. Правда, здесь делались уже попытки экзегетики, толкования св. писания, но это были отдельные исключения,—они к тому же не являлись и оригинальными, отличались чисто подражательным характером. Немногим более видное место в оригинальном религиозно-литературном творчестве занимали хвалебные слова и проповеди, панегирики 11—12 веков. По форме здесь мы видим тоже подражание византийским риторическим образцам, но содержание дано уже реальными условиями русской жизни. Исторический смысл принятия христианства заключался в том, что новая религия организовала расплывавшееся раньше, беспорядочное общество, подчиняла его угрозой кары за грехи и обещанием награды за добродетели княжеской власти, освящала частную земельную собственность. Отсюда вытекала и похвала тому, кто был главным распространителем христианства, организатором распыленного еще, варварского общества, не знавшего долго никакой общественной связи, кроме кровной. Несомненно, эта же реальная потребность создала и нравоучительную оригинальную русскую проповедь. При этом были проповедники, обращавшиеся к знати, к князьям и боярам и украшавшие свои проповеди всеми средствами и способами, рекомендуемыми византийской риторикой, и были такие, которые говорили простому народу простым, безхитростным языком [33].

32) Голубинский, История русской церкви, I, стр. 711, 712, 721, 723, 190.

33) Голубинский, История русской церкви, I, стр. 706, 813, 814, 819, 843 и след.; Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода, стр. 151.

Но интеллигенция из среды духовенства культивировала не только религиозную литературу, а также и литературу историческую. Она переводила частями, не в полном составе Библию, перевела Историческую Палею—византийскую популяризацию библейской истории, предназначенную для широкой читательской массы, сокращения житий греческих святых, известные у нас под названием Прологов, и некоторые византийские хроники. Эта переводная историческая литература обличает вкусы и тенденции переводчиков: они имеют церковный, религиозный характер; даже хроники выбраны для перевода монашеские, аскетические, проникнутые взглядом, что вся история—результат указующего перста Провидения, его высшей воли. И оригинальная историческая литература 11 и 12 веков отличалась такой же окраской: она ведь вышла из той же по преимуществу социальной среды. Так, в житиях святых главным было нравственное назидание, а не историческая истина. Писались они большею частью по византийским образцам. Исторический, фактический материал всего сильнее лишь в одном из житий того времени—"Памяти и похвале св Владимиру" монаха Иакова [34]. И начальный летописный свод, кто бы ни был его составителем, и был ли он первым на Руси таким сводом или ему предшествовали другие,—все равно,—является, при всей его важности и ценности как исторического источника, проникнутым тем же церковным, религиозно-аскетическим духом.

Историческая—именно летописная—литература 12 века важна однако еще тем, что указывает на литературно-историческую деятельность также и светских лиц, интеллигенции не из среды духовенства. Так, рассказ о событиях 1146—1156 годов, занесенный в Южно-русский летописный свод 12 века, написан, несомненно, светским человеком, очевидцем и современником, даже участником событий, княжеским дружинником, соратником князя Изяслава Мстиславича. Это видно из того, что передавая речь Изяслава к его войску в 1151 г., автор говорит: "и рече слово, якоже и прежде с л ы ш а х о м", т.-е. "м ы слышали". Притом все военные события изображены очень ярко и отчетливо [35]. Эта принадлежность автора к особой группе интеллигенции отразилась и на его взглядах: у него династические и местные симпатии, он за отчинность, наследственность княжеской власти; здесь явные зародыши феодальных, удельных воззрений, целой психологии местного, замкнутого мирка, интересов колокольни.

Первенствующее значение духовенства в истории интеллигенции, умственного труда 11 и 12 веков сказывалось также в естественно-научной литературе, в правоведении и в искусстве.

Литература того времени, касающаяся жизни природы, собственно говоря, не заслуживает названия естественно-научной, так как научности в ней не было ни крупицы. Она насквозь проникнута религиозными представлениями и об'яснениями. Источниками знаний о природе были тогда два переводных сочинения—"Шестоднев" Иоанна Экзарха болгарского, передающий библейское повествование о сотворении мира, и составленная еще в 6 в. "Христианская топография" Козьмы Индикоплова, где автор оспаривает шарообразность земли утверждает, что звезды вращаются ангелами и проч. [36]. Памятником правоведения является "Русская Правда", сборник судебных решений, законодательных постановлений и народных юридических обычаев не имеющий оффициального происхождения. Существует ряд признаков, свидетельствующих, что составителем этого сборника было лицо духовное или несколько духовных лиц: "Русская Правда" большею частью дошла до нас в окружении памятников византийского права—Эклоги (8 в.), ее славянской переделки, называемой "Закон судный людям", и Прохирона (9 в.),—причем все эти памятники вместе с пространной редакцией Русской Правды нашли себе место в Кормчей книге—славянском переводе церковного византийского законодательства, канонического

34) Владимиров, Древ. рус. литер., стр. 43, 31—37, 193; Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник; Голубинский, История русской церкви. I, стр. 756—757, 745—746.

35) Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 48.

36) Владимиров, Древ. русск. литер., стр. 46—47.

права Номоканона; затем на содержании Правды отразились правовые понятия духовенства: к числу форм процесса, несомненно существовавших в то время, принадлежало "поле" или судебный поединок; но духовенство не сочувствовало этой форме, и мы напрасно стали бы искать следов ее в Русской Правде; наконец духовенство имевшее свои земли и ведавшее поэтому суд по светским делам — гражданским тяжбам и уголовным преступлениям—в пределах своих земельных владений, нуждалось в подобном Русской Правде юридическом сборнике [37]).

Наконец, все почти виды искусства—архитектура, живопись, пение—в XI—XII в. отчасти или вполне развивались под влиянием интеллигенции из духовенства. Относительно архитектуры это можно сказать лишь отчасти: византийский стиль древнейших русских церквей обязан своим происхождением не только влиянию духовенства, но и работе византийских зодчих, не принадлежавших к духовному сословию; к тому же в этой архитектуре были некоторые частности—например, особые пристройки в виде башень, потом исчезнувшие, которые пошли от русского гражданского деревянного зодчества [38]). Но известно, что русские иконописцы тех времен были духовными лицами и писали, совершенно подчиняясь византийским иконописным традициям. Известно также и то, что церковное, "демественное" пение принесено было к нам из Греции, оттуда заимствованы были и самые напевы—византийское "изрядное осмогласие" [39]).

Вероятнее всего, духовенством же занесен был в древнюю Русь особый вид литературного творчества переходный от богословской литературы к литературе изящной, художественной, расчитанной на фантазию, воображение,—именно апокрифы, рассказы о событиях ветхозаветных, которых нет в св. писании.

За то светская интеллигенция, служившая интересам высших слоев общества и по крайней мере отчасти вышедшая из них самих, создала и художественную литературу, и устную словесность. Ею были сделаны, вероятно, переводы с греческого таких повестей, как "Александрия", "Троянская война" и другие. Из ее же среды вышло "Слово о полку Игореве"—блестящий памятник дружинного поэтического творчества. Прямое преемство "Слова" от дружинной языческой поэзии не подлежит сомнению не только вследствие прямых указаний самого автора, но и по содержанию и форме самого "Слова": дух приключений, удали, молодечества, отзвуки языческих воззрений, даже анимизма, влияние народной поэзии, например, "заплачек"—в "плаче Ярославны", и отдельных народно-поэтических образов—все это делает "Слово о полку Игореве" произведением чрезвычайно характерным для светской интеллигенции того времени. Былины или "старины" владимирова или киевского цикла вышли также из дружинной среды, подчиняясь частичному влиянию совершившихся культурно-религиозных перемен.

Таковы были основные новые явления в истории умственного труда 11 и 12 столетий. Мы должны теперь бросить взгляд на дальнейшие перипетии, пережитые интеллигенцией духовной и светской в удельное время. Интеллигенция удельного времени усваивает типические черты феодальной психологии и феодального мировоззрения. В этом отношении характерны прежде всего, духовные стихи, авторами которых были калики или странники, монахи, вышедшие, главным образом, из дружинников, бояр. Духовные стихи справедливо сближаются теперь с средне-вековой поэзией запада Европы—отчасти паломнической, отчасти рыцарской [40]). Характерно далее, что развивались сильно апокрифы, эта поэзия религии, религиозный эпос: даже создания фантазии в феодальном мире носят религиозную оболочку. Местные летописи, не возвышавшиеся дальше интересов местной колокольни, тоже приобретают феодальный колорит,—они служат интересам местных князей удельных и великих. Феодальная поэзия находит себе выражение в таких произведениях 13 века.

37) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.
38) Голубинский, История русской церкви, I, 2, стр. 65—66.
39) Разумовский, Русское церковное пение.
40) Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 193 и сл.

как "Слово о погибели русской земли" и предания о рязанской княгине Евпраксии и Евпатии Коловрате. Словом, русское духовное творчество 13 века не менее типично феодальное, чем творчество западно-европейских стран. И духовная и светская интеллигенция того времени заплатила дань духу своей эпохи.

Муниципальная форма феодализма, представленная русскими вольными городами, открывала больше простора культурному, интеллигентному творчеству уже в том же 13 веке. Здесь интеллигенция оказывается поэтому подчас гораздо демократичнее, чем в остальной части удельной России. Это сказывается прежде всего в народной поэзии, в былинном творчестве. Уже былина о Садке-богатом госте вскрывает перед нами индивидуалистическую психологию купечества: жажду роскоши, богатства, роскошной обстановки, эстетизм, искание новых впечатлений, разнообразия, приключений. Былины о Василье Буслаевиче, отражая первоначальную буйность, беспорядочность, хаотический конкретизм, вместе с тем звучат и неверием, атеизмом, отказом от всех прежних, установившихся традиций. Наконец, максимальный демократизм отличает былину о Микуле Селяниновиче, в которой старый дружинный быт и его олицетворение—Вольга, отзвук древнего Олега [41],—оказывается посрамленным и бессильным сравнительно с новым земледельческим бытом и новым крестьянином землеробом.

Поэзия былин или "старин", как их называет народ, была чисто-светской, не церковной, не религиозной. Она вышла, следовательно, из кругов не духовной, а светской и притом демократической по составу и психологии интеллигенции. Этот светский и в значительной также мере демократический характер составляет вообще отличительную черту интеллигенции вольных городов. Свидетельствует об этом также и новгородское летописание. В нем на первом плане всегда политический и общественный, светский интерес. Часто проглядывают демократические симпатии и убеждения летописателей. "Меньшие" противополагаются "вятшим", и намерения "вятших" характеризуются иногда, как "совет зол", а дело "меньших" именуется "правдой новгородской". "Старейшинам" ставится в упрек, что "не бе в Новегороде правде и суда" [42].

Почти весь 14 век и уже действительно весь целиком 15—время, когда началось и продолжалось постепенное разложение, падение феодализма в России в обеих его формах—обычной и муниципальной. И, как всегда и везде бывало, этот процесс оживил и отчасти также демократизировал интеллигенцию. И оживление и демократизация вместе выразились прежде всего в еретических учениях. Стригольники, жидовствующие в 14 и 15 веках, Матвей Башкин, Феодосий Косой в 16-м—вот важнейшие проявления еретических движений. У стригольников "нетовщина"—это отрицание традиции, обычное для отчаявшихся в церкви масс, видящих в ней организацию, защищающую тягостный для них существующий строй,—сочеталась с мистицизмом. Демократизм доведен был до последних пределов у Феодосия Косого: он отрицал собственность, власть и государство, войну, высказывался за коммунистический идеал общности имуществ. Жидовствующие и Башкин были умереннее: они отражали в своих воззрениях вкусы, интересы и потребности буржуазии и дворянства, были представителями рационалистического сектантства, критиковали религиозную и общественную традицию с точки зрения разума.

Но народные массы дали и другие религиозные течения, не сходившие с почвы традиции в религиозной философии, но углубившие религиозное чувство и очищавшие мораль. Если жидовствующих, Башкина, стригольников и Косого можно признать соответствующими вальденсам, катарам, арнольдистам, лоллардам и другим сектам европейского средневековья, то параллельно св. Франциску Ассизскому являлся у нас Нил Сорский. Нищенство и труд, отказ от богатства и собственности, отречение от крайностей аскетизма, углубленное понимание религии и морали—"мысленное делание, сердечное и умное хранение"—вот завет этого выходца из народа, из

41) В. Миллер, Очерки русской народной словесности, стр. 168.
42) Новг. 1 и 4 лет. под 6763 г.; 4 лет под 6954 г.

крестьянской массы. Значение его и его последователей—“заволжских старцев” заключается, как известно, не только в их умственных и нравственных приобретениях и в борьбе с обмирщением господствующей церкви и с инквизицией того времени, строго каравшей еретиков, но и в прямом их влиянии на развитие народного труда и хозяйства: “заволжские старцы” колонизовали северные “дебри непроходимые и дрязги великие”. Интеллигенция из среды удельного княжья, не мирившегося с утратой былой власти, “высокоумничавшая”, умело воспользовалась в лице князя Василия Патрикеева—монаха Вассиана движением заволжских старцев для защиты своих социальных интересов и связанных с ними феодальных политических идеалов.

Интеллигенция 14 и 15 веков дала таких же демократических представителей и в области искусства: новгородский живописец 14 в. Дионисий и московский 15 столетия Андрей Рублев были тем же, чем фра Беато Анжелико в Италии: глубокими мистиками, со светлым, ясным и чистым отношением к жизни, изящными выразителями высшей красоты. Они соответствовали Нилу Сорскому.

Новым было, наконец и стремление передовой интеллигенции того времени к более серьезному, чем прежде знанию. Оно выразилось и в “Азбуковниках”—толковых словарях непонятных слов, превратившихся скоро в настоящие энциклопедии знаний о природе, и в переводах греческих и латинских сочинений по естествознанию, и наконец, в статьях по естественным наукам и по обществоведению в разных сборниках, особенно в так называемых “Пчелах” [43]).

Но мало того, что демократически-настроенная часть интеллигенции 14—15 веков внесла в историю умственного труда много новшеств,—даже и другая группа интеллигенции, близкая к правящим классам, защищавшая их интересы, пошла вперед, оказалась во власти новых веяний. Это потому, что на место старых господствовавших классов выдвигались разложением феодального хозяйства и общества новые—и прежде всего дворянство, враг старого боярства, феодальной аристократии. Иосиф Санин, основатель Волоколамского монастыря, вождь целой партии иосифлян, жестокий преследователь еретиков, стоял в сущности сознательно, об'ективно на старой, феодальной точке зрения. Он защищал интересы церковного феодализма и потому отстаивал церковное и монастырское землевладение. Он видел главную задачу монастырей в подготовке князей церкви из среды феодальной аристократии. Выше всего он ставил власть духовную и подчинял ей и церкви светскую власть и государство. Он, наконец, сковывал мысль: из его школы вышло изречение: “всем страстем мати мнение, мнение второе падение”. Но при всем том ему житейски пришлось в защиту своих властных притязаний опереться на “собирателей” Руси, великих князей московских, а его последователи, в особенности, монах псковского Елеазарова монастыря Филофей, явились прямыми идеологами московского единодержавия и православия, проповедниками идеи московского царства как хранителя православия в мире, Москвы как третьего Рима, который никогда не падет, т.-е. не феодальной уже, а дворянской политической идеологии.

Что было ярче по феодальному своему характеру, чем власть московского митрополита? И однако высшие иерархи русской церкви в 15 в. полагают начало об'единению русского феодального летописания, содействуют появлению общерусских летописных сводов [45]), отражают об'единительные, “собирательные” стремления Москвы.

Наконец, и в художественной литературе заметны новшества. Они невелики еще, но характерны, как признак новых вкусов и потребностей: в них сказывается жажда новых и богатых впечатлений, фантастичность, сложность и занимательность

---

43) Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV—XV веков. (СПБ. 1903), стр. 14, 41; Семенов, Древняя русская Пчела: «Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. 54-й.

44) Малинин, Послания старца псковского Елеазарова монастыря Филофея.

45) Шахматов, Общерусские летописные своды XIV и XV веков: «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1900 г., №№ 9 и 11.

завязки, фабулы. Растет и крепнет дух индивидуализации. Отсюда вышли и вторая редакция "Александрии", романа об Александре Великом, богатая фантастическими подробностями, и столь же фантастические по сюжету повести об Индейском царстве и о Соломоне, и повесть о Дракуле [46]).

И в истории труда физического, и умственного с 6 по 15 век—на протяжении целого тысячелетия—мы наблюдали крупные перемены, многие новшества, друг друга сменявшие. И это несмотря на то, что в общем и целом сохранялся при всей глубине внутренних частичных изменений натурально-хозяйственный тип экономических, социальных и политических отношений и культурных связей и достижений. В дальнейшем процесс пошел еще быстрее и гораздо сложнее.

Н. Рожков.

(Продолжение следует).

46) Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских (СПБ. 1857), особ. стр. 45 и след. 86, 111—117, 215.

Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году.

I.

Топальская парусно-полотняная мануфактура (в Топальской сотне Стародубовского полка) -одно из трех предприятий парусинно - полотняного производства в Гетманщине первой половины XVIII столетия. Основателем ее был «иллирический граф» Гаврила Владиславич Рагузинский, крупнейший откупщик и землевладелец Гетманщины, который устроил недалеко от села Великой Топали, подаренного Петром I в 1710 году его дяде, Савве Рагузинскому, „парусинный завод“. Мануфактура заведена была, вероятно, после 1723 года, так как в ревизии этого года она не упоминается [1]). В донесениях коммерц-коллегии сенату в 1724 году говорится о «мануфактуре» Рагузинского, где выделывали поташ [2]). Возможно усмотреть здесь связь новой мануфактуры со старым предприятием поташного производства—будой. «Запретительный указ» относительно поташной промышленности [3]) коснулся и этого предприятия, и оно уступило место иному производству и иной форме его. В 1731 году мануфактура уже работала, причем изделия ее были известны и в южных полках [4]).

Ко времени 50-х годов могут быть отнесены те постройки, в которых происходила основная часть фабричной работы в 1771 году [5]). Румянцевская опись 1767 года отметила, что «при селе Великой Топали при рч. Малой Топалке парусинная фабрика, *при которой живут рабочие люди, которые против своей работы по положенной цене заплату получают*».

---

1) Лазаревский, Описание Старой Малороссии, т. I (полк Стародубовский). стр. 417—418.

2) Кайданов, Систематический каталог делам Государственной Коммерц-Коллегии, 150 (№ 1069).

3) Там-же. № 1068.

4) Ханенко, Дневник, 30, 33, 38.

5) См. описание мануфактуры в „Отдаточной книге волости Великотопальской“ лл. 183—196. См. ниже, подстрочное примечание 9-ое.

Всего рабочих насчитывалось [6]): мужчин—150, женщин—148. Построек для наемных служащих было 14 дв. 5 бездв. хат. Некоторая часть фабрики и ее „фабрикантов“ была удалена на значительное расстояние от „фабричного“ хутора: в Драглевке, ок. 30 верст от Топали, находилась мыларня и несколько построек для сушки пряжи [7]).

В 1770 году совершена была купчая на продажу Топали и других маетностей Рагузинских члену Малороссийской коллегии князю Мещерскому, за которым выступала казна. В том же 1770 году Топальская волость была подарена Румянцеву и Малороссийская Коллегия велела произвести опись этих имений [8]). Организованная для этого «отдаточная волости Топальской Комиссия» начала свои занятия в начале следующего 1771 года, и одним из результатов ее работ явилась «Отдаточная книга... волости Велико-Топальской, со всеми ее принадлежностями», где нашла себе место и «Ведомость парусинной фабрики». К описанию мануфактуры приложен список «работных» людей, с указанием их семей и возраста всех членов семьи, с перечислением их построек и живого инвентаря, с отметкой, живет ли то или иное лицо в «корпусе фабричного строения» или отдельно [9]). Описание 1771 года как бы подводит итоги хозяйству Рагузинских в Топали. Те сведения, которые оно сообщает о „парусинном заводе“,—бесспорно старше 1771 года; они представляют нам топальскую мануфактуру в 50—60-х годах XVIII века. Лишь в конце 1771 года Румянцев, через бунчукового товарища Завадовского, вступил во владение Топалью [10]). Однако, вряд ли до середины 70-х годов он мог серьезно заняться своим Топальским хозяйством, и в частности мануфактурой. Впрочем, некоторые улучшения были им введены и до 1774 года, когда о ней упоминает Гиндельштедт, называя ее первой на Украине и отмечая образцовую постановку дела [11]). Повидимому, в конце 70-х и начале 80-х годов Румянцев внес большие изменения в ее медленную, несколько уже обветшавшую жизнь. Мануфактура была

---

6) Фабричных рабочих, конечно, было меньше. Цыфры обозначают общее количество населения парусинного завода.

7) Обозрение Румянцовской описи, IV, 668—669. Лазаревский, Малороссийские посполитые крестьяне (изд. 1908 г.), 95—96.

8) Отдаточная книга, лл. 5—6, 8—9.

9) „Отдаточная книга Всемилостивейше пожалованной Его Сиятельству Высокоповелительному Господину Генерал фельд-Маршалу, Малороссийскому Генерал-губернатору, президенту Малороссийской Коллегии, и орденов Святых Апостола Андрея, Александра Невского, великомученика и победоносца Георгия и голштинского святыя Анны ковалеру графу Петру Александровичу Румянцеву, волости Великотопальской, со всеми ее принадлежитостями. Сочинена и окончена 1771-го году, октября 21-го дня. На 333 листах“ (Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета, № 263), лл. 183—196.

10) Отдаточная книга, лл. 11—12, 332.

11) Reisen durch Russland, II, 414.

перенесена им на другое место, именно в хутор Драглевку, где и прежде находились некоторые строения мануфактуры [12]). Описание 1781 года говорит нам, что «завод составляется из 6-ти нарочитых корпусов *каменных* и особом о 2-х этажах доме о 13 покоях; в оных корпусах 70 станов, где делается парусина, работы здесь производятся при особом майстре *наемными людьми*, коих бывает в день *до 300 персон обоего пола*. Выходит в год парусинного полотна длиною в 50 аршин 800 штук и производя в продажу каждой аршин по 14 коп. получается в год более 6000 рублей. Продают же оную раскольничьих слобод Зыбкой, Клинцов обывателям и приезжающим из великороссийских разных мест покупателям» [13]). Однако, в начале 90-х годов мануфактура клонилась к упадку [14]). Год прекращения ее неизвестен, но, вероятно, она не на долго пережила своего фельдмаршала. Это во всяком случае произошло в конце XVIII столетия [15]).

II.

«Отдаточная книга волости Великотопалской» заключает в себе ценный материал для истории украинской фабрики. Интересуясь одним лишь предприятием фабрично-заводской промышленности в Гетманщине, она сохранила о нем весьма обстоятельные сведения, мало освещающие нам внешнюю историю мануфактуры, но открывающие существенные стороны ее организации. В частности по интересующему нас вопросу отдаточная книга собрала большой, хотя несколько односторонний материал. Сообщив нам имена рабочих мануфактуры в 1771 году, дав интересные указания об их возрасте и семейном положении, она, к сожалению, не уяснила нам подробнее их отношения к мануфактуре, не рассказала ничего о них, *как рабочих этого предприятия*. Зато данные ее помогут нам представить себе быт рабочих топальской мануфактуры, их связь с местным населением. Эти данные имеют и более широкий интерес, несмотря на

12) Описание Новгородсеверского Наместничества 1781 года локализует мануфактуру в хут. Драглевке (Лазаревский, Описание, I, 417—418). Вероятно, поэтому Шафонский считает это предприятие новым.

13) Лазаревский, Описание, I, 417—418.

14) „Журнал представлений... и по повелениям Его Сіятельства отпущаемых в разные экономии писем" (1792 года) надворного советника О. Г. Подлузского (рукопись собрания А. М. Лазаревского в Библиотеке Киевского Университета), №№ 3, 14, 19, 24, 70, 81, 100.

15) Две парусные фабрики, упомянутые в Ведомости о фабриках и заводах Черниговской губернии начала XIX в. (1802 г.?), с количеством рабочих „по произволению хозяев" (Труды Полт. Губ. Уч. Арх. Ком.. XIII, с. 83—112), были, вероятно, новыми предприятиями, уцелевшими до времен Домонтовича (60-е годы), который относит их возникновение к 90-м годам XVIII-го столетия (Домонтович, Черниговская губерния, 353).

то, что топальская мануфактура была в первой половине столетия единственной вотчинной фабрикой в Гетманщине. В левобережной Украине первой половины XVIII века трудно провести грань между казенной и поссессионной и вотчинной фабрикой. Поэтому данные Отдаточной книги можно обобщить и на иные украинские мануфактуры того времени, отвлекаясь от специальных обстоятельств и особенностей того или иного производства, того или иного хозяйственного района.

Интересующую нас часть «Описания мануфактуры» представляет «Ведомость, кто именно в парусинной топальской фабрике состоят работники з семейством и майстеровые из ных кто жительство имеет в корпусе фабричного строеныя, також кто имеет свои хаты и протчое строеные и у кого сколко какова скота значит ныже». Ведомость дает нам сведения о 72 хозяйствах, включавших 87 семейств, 8 хозяйств принадлежало, повидимому, «майстеровым людям» или их вдовам, 64—, повидимому, «работным людям», хотя в число их могли входить и более квалифицированные рабочие. «Майстеровые люди» жили «въ построенных для майстеров избах»; остальные рабочие «по избам фабричным ткацким». В Ведомости названо 166 человек м. п. и 165—ж. п. [16]). По возрасту распределялись они следующим образом. Беря установленное уже деление на возрасты -рабочий, полурабочий и нерабочий [17]), получим для мужск. пола следующие цыфры:

	Нерабочих.	Полурабочих.	Рабочих.	Всего.
Душ. . . .	75	12	79	166
% . . .	45,2	7,2	47,6	100%

Несколько иное соотношение получим для подобного же распределения лиц женского пола:

	Нерабочих.	Полурабочих.	Рабочих.	Всего.
Душ. . . .	66	10	89	165
%	40	6,1	53,9	100%

16) Повидимому, большинство их были местные уроженцы. Сомнительными в национальном отношении оказываются лишь 10% семейств.

17) Для мужчин: рабочий возраст—18-60 лет, полурабоч. -15-18 и 60-65, нерабочий, ниже 15 и выше 65 лет; для женщин: рабочий -16-55, полураб. -12-16 и 55-60, нераб.--ниже 12 и выше 60 лет (Матер. для оц. зем. уч. Черн. губ., т. XIV).

Интересно несколько детализировать эти общие отношения:

Мужского пола.	До 15 л.	15–19 л.	20–24 л.	25–29 л.	30–39 л.	40–49 л.	50–59 л.	Св. 60 л.	Всего.
Душ. .	68	13	19	11	24	14	8	9	166
% .	41	7.8	11,4	6.6	14.5	8.4	4,8	5,4	100%

Мужского пола.	20–24 л.	25–29 л.	30–34 л.	35–39 л.	
Душ. . . .	19	11	13	11	166 (общее количество мужч.)
%	11,4	6,6	7.8	6.6	

Женского пола.	До 15 л.	15–19 л.	20–24 л.	25–29 л.	30–39 л.	40–49 л.	50–59 л.	Св. 60 л.	Всего.
Душ. .	58	16	23	13	21	16	4	14	165
% .	35,2	9,7	13,9	7,9	12,7	9.7	2.4	8.5	100%

Женского пола.	20–24 л.	25–29 л.	30–34 л.	35–39 л.	
Душ. . . .	23	13	15	6	165 (общее количество женщ.)
%	13.9	7,9	9,1	3,6	

Таким образом, почти половина мужчин (47,6%) были люди рабочего возраста. Женщин в рабочем возрасте было больше половины (53,9%). Мужчин нерабочего возраста оказывалось 45,2%; женщин — 40%. Количество мужчин

и женщин полурабочего возраста было почти равное (7,2% и 6,1%) В действительности число мужчин, работавших на мануфактуре, было значительно выше, ввиду применения детского труда. Из числа рабочих мужчин свыше $^2/_3$ было в возрасте от 20 до 40 лет, при чем большинство было двадцатилетних (30 из 54), а среди них наиболее многочисленной была группа в возрасте от 20 до 24 лет (19 человек).

III.

Наиболее важными представляются данные, характеризующие хозяйственное положение топальских рабочих. При определении его мы не будем делить указанных в «Ведомости» лиц на «мастеровых» и «работных» людей. Она не дает на этот предмет точных указаний: распределение жилищ, само по себе недостаточно четкое, не раз'ясняет профессиональных различий. Хозяйственное положение топальских рабочих однотипно. На каждое хозяйство в среднем приходилось 4,6 душ об. пола. Средняя величина семьи была 3,8 душ об. п. Рабочие силы распределялись следующим образом:

	Без рабоч. мужчин.	С 1 рабоч. мужч.	С 2 рабоч. мужч.	С 3 рабоч. мужч.	4 и более	Всего
Хоз. . .	10	50	8	3	1	72
% . . .	13,9	69,4	11,1	4,2	1,4	100%

Таким образом, на долю достаточно обеспеченных рабочими руками (начиная с двух раб. мужчин) хозяйств приходилось 16,7% ($^1/_6$).

Подробные сведения «Ведомость» сообщает о количестве скота. Всего в 72 хозяйствах насчитывалось 29 голов рабочего скота (лошад.—20, жереб.—5 вол.—4), 116 голов крупного (нерабоч.) скота (коров—84, тел.—42), 110 голов мелкого скота (овец—39, коз—25, свиней 46). На каждое хозяйство в среднем приходилось по 1,6 гол. крупного (нераб.) скота, по 1,5 гол. мелкого скота, рабочим скотом (если не принимать в расчет 5 жереб.) было обеспечено только 24 хозяйства, т. е. $^1/_3$. Яснее предстанет нам эта картина при некоторой дифференцированности общих данных:

	Без всякого скота.	С одним мелким.	Без рабочего скота.	С 1 шт. рабоч. скота.	С 2 шт. рабоч. скота.	С 3 шт. рабоч. скота.	4—5.	6—10.	Всего.
Хоз. .	14	2	36	14	4	1	—	1	72
%% .	19,4	2,8	50	19,4	5,6	1,4	—	1,4	100%

	С 1 лошад.	С 1 волом.	с 1 коров.	С 2 шт. крупного скота.	С 3-мя.	С 4—5-ю.	С 6—10-ю.	Всего.
Хоз. . .	1	—	16	20	4	11	4	72 (общ. колич. хоз.
%% . . .	1,4	—	22,2	27,8	5,6	15,3	5,6	100%

Таким образом, свыше $^1/_5$ (22,2%) или не имели никакого скота или имели только мелкий. Если добавить сюда 50% не располагавших рабочим скотом, получим почти $^3/_4$ (72,2%) хозяйств, лишенных рабочего скота. Присоединяя сюда почти $^1/_5$ (19,4%) хозяйств, недостаточно обеспеченных рабочим скотом (1 шт. раб. ск.), найдем свыше $^9/_{10}$ (91,6%) хозяйств малосильных. Большую или меньшую экономическую самостоятельность (с 2—3 шт. раб. ск.) имела всего лишь $^1/_{14}$ (7%) хозяйств. Достаточно обеспеченных рабочим скотом было только 1 хозяйство(1,4%). Интересны цыфры, обозначающие распределение хозяйств по крупному скоту. Они делают указанное выше соотношение более благоприятным для рассматриваемого хозяйства. Оставляя то же число хозяйств, лишенных скота и имевших только мелкий—$^1/_5$, мы видим, что число малоскотных хозяйств будет равно 23,6% (т. е. несколько выше $^1/_5$, почти $^1/_4$); на долю хозяйств среднескотных (2—3 штуки) придется $^1/_3$ (33,4%), многоскотных (св. 3)—$^1/_5$ (20,9%). Указанные выводы могли бы быть несколько смягчены тем обстоятельством, что 7 хозяйств в сущности было уже разрушено.—Но с другой стороны между этим фактом и малоскотностью несомненно некоторое взаимодействие.

Рассмотренные данные могли бы дать представление о катастрофическом положении хозяйства рабочих Топальской мануфактуры, если бы мы не учли один существенный момент, в совершенно ином освещении открывающий картину. «Пахатной же земли к оной фабрикѣ никакой не имеется» весьма

важное указание Отдаточной книги [18]). Названные ведомостью жители «Парусинного Завода» заняты были фабричной работой, обслуживанием специальных нужд мануфактуры, разведением конопли, работой на мельницах, некоторыми ремеслами и, вероятно, огородами. Мы не имеем никаких указаний на существование при мануфактуре сенокосов. Таким образом, рабочие Топальской мануфактуры в большинстве своем были оторваны от земли.

Несомненно, не все рабочие мануфактуры находились в одинаковых условиях. Несколько иначе жили рабочие той части мануфактуры, которая расположена была в Драглевке [19]). Отдаточная книга перечисляет на этом хуторе 9 хозяйств «фабрикантов», состоявших из 13 семейств. В «Примечаниях» о главах всех этих хозяйств сказано „бобыль“, что определяло не пашенного хозяина [20]). 5 хозяйств косили сено: 4 накашивали по 3 воза «дубровного» сена, 1—один воз «болотного». Два хозяйства связаны были местожительством своих членов с «господской избой», где жил также и приказчик. На все 9 хозяйств приходилось—3 лошади, 12 коров и телят, 5 штук мелкого скота. Три хозяйства вовсе не имели скота.

Интересно сопоставить некоторые данные Отдаточной книги с данными Румянцевской описи [21]). Не будем останавливаться на тех недоумениях, какие неизбежны при сличении данных о возрасте: они необ‘яснимы. Во время производства Румянцевской описи в Драглевке числилось 13 хозяйств. Оставив в стороне 3 хозяйства рудников, имеем 10 хозяйств, довольно точно соответствующих 10 семействам (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11). Из них в 1771 году оставалось 7 хозяйств (№№ 3, 11, 4, 6, ×, 2, 1, ×, 8; ×—новое хозяйство); 3 хозяйства разрушилось, повидимому, за смертью глав семей, при чем в двух случаях мы можем обнаружить следы этого разрушения. Это были семьи Николая Карпова (№ 5—Рум. О.) и Ильи Казака (№ 7—Рум. О.). Первая при производстве Румянцевской описи, состояла из: Николая Карпова — 60 лет, о котором замечено «стар и нездоров»; жены

---

18) Отдаточная книга, л. 189 об.

19) В Драглевке находились: „к фабрики... для беления пряжи устроенная миларня—1; для сушения пряжи избы три, амбарчиков два“ (Лазаревский, Посполитые, 95). Поэтому ошибочно указание проф. Слабченка на существование особой „парусо-белильной“ внуковицкой фабрики в 60-х годах (М. Е. Слабченко, Организация хозяйства Украины от Хмельничины до мировой войны, том II- Одесса, 1922 г., стр. 75). Данные Отдаточной книги 1771 года исключают возможность этого предположения. Отдаточная книга, лл. 295—298 об.

20) Отдаточная Книга л. 121 об.

21) Лазаревский, Посполитые, 95 96.

его Анны—55 лет, «здоровым слабой», и двух сыновей Максима—18 и Созона—16 лет «здоровых». В 1771 году в живых были лишь Максим «Николаенок» и брат его Созон. Но самостоятельного хозяйства они уже не вели, а жили в «соседах» у Леона Швеца Авсеенка. В таких же отношениях к хозяйству Авсеенка в 1771 году находились остатки семьи Ильи Казака. Некоторые изменения мы найдем и в составе отдельных семей. В 1771 году в Драглевке оказалось две новых семьи—Леона Швеца Авсеенка (№ 5) и Григория Марченка (№ 8). Таким образом, к 1771 году общее число хозяйств уменьшилось на 10% (на 1 хозяйство). Рабочие, жившие в Драглевке, были, повидимому, переселены сюда из Топали. Относительно всех десяти хозяев в Румянцевской описи сказано: „природной с подданных села Топали", „с подданных топальских". Между тем, из трех рудников, живших в Драглевке [22]),—один был „природный *внуковской*" (из Внуковичи), а двое были „зашедшие" („з рудни Миклашевского" и „з рудни Жигаловки"). Строения у драглевских „фабрикантов" было немного: 7 изб, 4 клети, 3 сарая, 3 погреба. Если не принимать в расчет двух семей, проживавших в „господской" избе, на каждое хозяйство придется по одной избе, по одной клети или сараю, и только 3 хозяйства имело погреба. Мало чем отличаясь от топальских рабочих, драглевские, вдали от главной части фабрики и экономии, повидимому, установили некоторую связь с сельским хозяйством: связь эта ограничивалась исключительно косьбой сена, при чем количество накашиваемого сена было обычной нормой бобыльского хозяйства данной местности.

Интересно сравнить хозяйственное положение топальских фабричных рабочих с положением рабочих на монастырских гутах и руднях близкого хозяйственного района—Любецкой сотни Черниговского полка, во время Румянцевской описи. Число хозяйств в обоих случаях приблизительно одинаково (72 и 75).

Монастырские посполитые, занятые работой на стеклянных, железных и бумажных заводах, также не имели пахотной земли; $^{2}/_{3}$ всех хозяйств были без сенокоса, и только $^{1}/_{5}$ общего числа хозяйств имели средний размер сенокоса и 13,4% имели его в избытке (это были главным образом откупщики гут и рудень). Очевидно, в этом отношении сравнение не может быть произведено. Остаются данные, характеризующие количество скота и людской рабочей силы, а также численный состав хозяйства и семьи.

---

[22] Сдаточная книга, л. 237 об.

	Топальские рабочие.	Заводские рабочие.
I. Хозяйств, не имевших вовсе скота или имевших только мелкий: . .	22,2	20,[illegible]
„ недостаточно обеспеченных рабочим скотом (1 шт.) и имевших только крупный (нераб.) скот:	6[illegible].4	46,7%
„ средне обеспеченных рабочим скотом (2—3 шт.) . .	7,	24,[illegible]
„ достаточно обеспеченных раб. скотом (4 и более) . . .	1,4	9,3
II. Хозяйств без рабочих мужчин	13,9	4
„ с 1 рабоч. мужч. .	69,4	53
„ „ 2 „ „ .	11,1	29,3%
„ „ 3 и более . . .	5,6	13,3

	Топальские рабочие.	Заводские рабочие.	Монастырск. посполитые.
III. На каждое хозяйство душ .	4,6	6,4	10,5
„ „ семейство „ .	3,8	4,5	4,4

Разница в хозяйственном положении рабочих Топальской мануфактуры и рабочих на Любецких монастырских заводах — существенна. Если число бесскотных хозяйств почти одинаково, то в Топали значительно (на [illegible]) повышается количество недостаточно обеспеченных скотом хозяйств, резко (на [illegible]) падает количество среднеобеспеченных и еще более резко (на [illegible]) количество достаточно обеспеченных скотом хозяйств. Хозяйства Топальских рабочих были значительно слабее и мельче, а семьи—раздробленнее. При таком положении хозяйства рабочих Топальской мануфактуры основным источником их дохода должна была быть заработная плата. К сожалению, Отдаточная книга скуповата на соответствующие подробности. Лишь говоря о драглевских рабочих, она указывает размеры вознаграждения взрослого рабочего (существовал, значит, и детский труд)—4 копейки в день *на своих харчах* [24]). Во время Румянцевской описи они получали «за-

[23]) Юбилейный сборник Историко-Этнографического Кружка при университете св. Владимира, 93—95.

[24]) Отдаточная книга, л. 297 об.

плату противу работы своей, по положенной цене, помесячно [illegible]). Это об'яснение интересно, но не вполне ясно. Единственно возможное понимание его следующее. Драглевские рабочие получали сдельную плату, в заранее установленных размерах, при чем рассчет производился по истечении проработанного месяца. Мануфактура перерабатывала сложившиеся экономические отношения. Она безусловно отрывала посполитых от земли и, уничтожая крупные и средние достатки, нивеллировала хозяйственные особенности своих рабочих одним общим минимумом.

Таковы те отрывочные данные, нуждающиеся в дополнительной разработке, которые имеются в нашем распоряжении относительно хозяйственного положения рабочих на Топальской мануфактуре.

Александр Оглоблин.

[illegible]) Лазаревский, [illegible] 463.

Труд иноземцев в московском государстве.

I.

В период с 14 по 17 стол., в эпоху первого медленного, но прочного приобщения России к западно-европейской культуре, иностранцы почти на всех поприщах городской жизни становятся нашими учителями: они развивают более крупную форму торговли, основывают первые заводы, закладывают копи, строят в городах каменные храмы и дома, а также первые крупные суда, снабжают нас врачами и лекарствами; таким образом они научают нас новым промыслам и усовершенствуют старые, вводят в обиход русской жизни новые товары и новые продукты промышленности, прививают нам новые потребности и навыки.

Мы не будем касаться здесь купцов, так как нас интересуют лишь представители непосредственного труда, как умственного, так и физического. Однако, на практике торговля и промышленность не всегда резко разграничены в своих представителях. Так, во главе значительных заводов находим часто крупных иноземных купцов. Конечно, такие лица, как владельцы тульских заводов Марселис и Акема, являются в сущности капиталистами-предпринимателями, а не работниками, но в те времена грань между капиталом и трудом не была резко проведена, к тому же они интересуют нас как организаторы работ. К сожалению, документы дают больше сведений о крупных предпринимателях, чем о мелких мастерах, и особенно о рабочих, хотя мы знаем, что и подмастерья иногда выписывались из-за границы, особенно при заведении нового дела, еще не знакомого русским. Именно потому, что одним из условий эксплуатации иностранцами в России производства ставилось обучение ими русских своему ремеслу, значительная часть простых рабочих на таких иностранных заводах скоро стала русской, а из-за границы поставлялись главные руководители и квалифицированные рабочие, к которым русские и поступали в науку.

Правительство высоко оценивало значение каждого представителя западного знания. Когда один артиллерист, участвовавший в походе на Казань, вздумал выставить перед царем в качестве достойной награды заслуги, что он с опасностью для жизни сберег свое орудие, царь сурово ответил, что он поступил крайне необдуманно, так как важны не столько орудия, сколько люди, умеющие их лить и из них стрелять. Известен также приказ Грозного, чтобы пленные балты-ремесленники все доставлялись в Москву.

Поборник модных тогда идей меркантилизма, англичанин Меррик, в начале 17-го ст. с успехом развивал перед русским правительством мысль о выгоде вывоза обработанного продукта, приводя в пример Англию, разбогатевшую благодаря замене вывоза сырой шерсти экспортом сукна. Пойти по этому пути, начать обрабатывать богатые залежи своего сырья Русь могла лишь с помощью иностранцев. Все европейские государства отличались друг от друга по возрасту и культурному развитию, и каждое более молодое училось у более старых и опытных соседей. Вот почему обычные жалобы на то, что иностранцы эксплуатировали Московскую Русь и мешали ее самостоятельному развитию, мало основательны.

Иоанн Грозный и Годунов поняли необходимость в иноземцах и ограничились лишь осторожной охраной страны от чрезмерных аппетитов учителей; русское же боярство, чуждое в массе прогрессу, проявило, наоборот, мало государственного ума и прозорливости, становясь в резкую оппозицию к иностранной политике царей.

II.

Наплыв иностранных ремесленников начинается, в сущности, с женитьбы Иоанна III на Софье Палеолог. В 1472 г., вместе с последней, прибыли греческие и итальянские мастера, в числе которых был и знаменитый Аристотель Фиоравенти, послуживший России не только как архитектор, но и чеканивший монеты, ливший пушки и колокола. Вообще в то время разделение труда не стояло еще на современной ступени, а потому и различать работников по специальностям не всегда легко.

С Софьей проникало греческое влияние, но не надолго. Византия уже клонилась к упадку, и потому, несмотря на все симпатии к ней православной Руси, очень скоро пришлось заменить греческие элементы западно-европейскими. Уже в 1489 году русским послам, отправленным в Германию было по-

ручено набрать там техников-металлургов, военного инженера и артиллериста, архитектора и серебряных дел мастера. С такой же просьбой незадолго перед тем великий князь обращался к венгерскому королю [1]). В 1517 году уехавшее великое посольство имело поручение нанять мастеров заграницей; однако из законтрактованных им пяти человек двое умерло, один ослеп, и только двое, Никлассен из Шпейера и Иордан из Галле, прибыли в Московию; они помогали при отражении татар в Москве и Рязани, но не следует думать, что мы имеем здесь дело с чисто военным элементом, ибо мы знаем, например, что Иордан собственноручно готовил пушечные ядра [2]).

По вступлении на престол Иоанна Грозного европеизация России должна была быстро двинуться вперед. В 1550 г. он просит датского короля Христиана III прислать ему хороших мастеров, в частности печатников. От 1554 г. известен огромный набор иноземных мастеров для России. Было набрано 123 человека; но такая армия специалистов показалась настолько опасной соседям России, что ее не пропустили. Известно, с каким радушием принял Грозный впервые появившихся в Московии англичан и какие преимущества были им даны английскому купечеству. Если вопрос об английской торговле в России нас здесь прямо не касается, то косвенно он имеет значение, так как с установлением прочных сношений через Белое море с западом являлась возможность получать и мастеров этим новым, свободным от контроля соседей, путем. К тому же английские купцы, ради собственной пользы, должны были вступить на путь промышленной эксплуатации России. Дешевая русская жизнь делала выгодной обработку на месте сырья для вывоза уже обработанного продукта.

Первый посол, отправленный в Англию, Осип Непея привез оттуда доктора, аптекаря, двух бочаров, семь канатных мастеров, скорняка, лесничего и десять торговых учеников. В 1567 г. приезжали инженер Лок и золотых дел мастер и пробирер Фома Грин. Имеются сведения и о других приездах. Повидимому, при Грозном большой процент приезжих падал на врачей, аптекарей, архитекторов, инженеров и других высоко-квалифицированных лиц.

Годунов продолжал в отношении иностранцев ту же политику. Так, в 1595 г. дана думному дворянину Вельяминову опасная грамота в Цесарскую землю на мастеровых людей для тех, кто «похотят ехати к великому государю своим мастерством послужити». В 1600 году последовала посылка Бек-

[1]) Fechner. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau (1876 г.), т. I, стр. 5 и б.

[2]) Рожков. Материалы к истории горного промысла в России (Горный Журнал 1866, № 10, стр. 118.

мана в Любек за врачами, разными мастерами и рудознатцами. Тогда же был послан Иван Крамер за учеными, ибо Борис собирался открывать в России университет [3]). В 1601 г. выписаны врачи и аптекари.

Во время Смуты из довольно значительных уже кадров иностранцев, сгруппировавшихся вокруг двора, часть была рассеяна и вернулась по домам: английское купечество отчасти удержалось: ремесленным же элементам, работавшим почти исключительно на царя, был нанесен революционным потрясением и сменой династии тяжелый удар.

Со вступлением на престол Михаила правительство во многих отношениях вернулось к старому порядку и иностранцы на Москве вновь почувствовали под собой твердую почву. Те, кто остались, могли снова спокойно работать, но вскоре ощутилась и необходимость в выписке новых. В 1621 г. Михаил посылает московского немчина Юрия Родионова искать заграницей рудознатца, который умел бы находить и плавить различные руды. В 1628 г. отправляется в Голландию золотых дел мастер Юлис-ван-Ексель за драгоценностями и опытными мастерами. В 1631 г. ищут в Голландии подмастерьев, которые умеют делать городовое дело. В 1634 году едет бархатных дел мастер Ефим Филибронц для найма в европейских государствах ремесленных людей [4]). Число таких примеров могло бы быть сильно увеличено, ибо правительство в 20-х и 30-х годах 17 ст. проявляло лихорадочную деятельность в приискании иноземных мастеров, преимущественно, с одной стороны, военного и военно-технического элемента, а, с другой, для изготовления предметов роскоши: золотых и серебряных дел мастеров, часовщиков, гранильщиков алмазов, вышивальщиков жемчугом, бархатных дел мастеров и друг. В царствование же Алексея и его преемников до Петра на первый план выдвигается категория ремесленников на создавшиеся тем временем заводы, особенно металлургические. Так как заводское дело в общем проявило уклон от казенной эксплуатации в сторону частной, то естественно, что частные предприниматели-иностранцы стали выписывать для себя из-за границы целые партии мастеров и рабочих, хотя рядом с этим практиковалась и выписка мастеровых непосредственно для двора. Так, в 1657 г. царь грамотой на имя иноземца Фогелара выразил желание нанять инженеров и мастеров

[3]) Памятники Дипломатич. Сношений, т. II, стр. 283 и сл. Русск. Историч. Библиотека, т. VIII, № 10. Brückner. Geschichte Russlands. I, стр. 545.

[4]) Пам. Дипл. Снош., III, стр. 1362 и сл. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений I, стр. 177; также Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, голл. дела в ст., св. г. 3, 1630, 29 июня, № 4. Собрание Грамот и Договоров, IV, № 89. Московский Главный Архив Минист. Иностр. Дел, Выезды, 1630, № 3, марта 8 и 9.

огнестрельного дела, а также стекольщиков и серебряных дел мастеров. В 1667 году известный основатель почты фон-Свееен набирал заграницей мастеров корабельного дела: нанято было 9 человек, но приехало только 4, а также 8 мельников, 11 суконщиков и 4 шерстопряда [5]).

Все иностранные специалисты, даже и на частные заводы, нанимались каждый раз с разрешения, а иногда и по прямому повелению царя. Для найма посылались почти всегда иноземцы, ранее служившие в России: врачи, ремесленные мастера, переводчики и даже пасторы. Почти все европейские государства использовались в таких случаях, но главный контингент работников набирался в странах протестантских и притом с германским элементом населения: из немцев, голландцев, шведов, также англичан, особенно преобладавших в 16 ст. и лишь постепенно вытесненных голландцами. Причина такого подбора двоякая: с одной стороны, —высокое промышленное развитие протестантских стран того времени, а с другой — резкая недоброжелательность православия к католичеству [6]).

Не малое затруднение при найме мастеров, особенно до открытия англичанами северного пути, представляло недоброжелательство соседей. В основе этого несомненно лежал так ярко выраженный королем Сигизмундом в одном из его писем страх, что москаль перестанет быть «незнакомым с художествами и невежественным в политике», и что-же тогда останется ему неизвестным? Приходилось поэтому нанимать мастеров тайно и провозить их под видом купцов. В других случаях вступали в договоры с отдельными государями о беспрепятственном пропуске или отпуске мастеров. Так, в 1562 г., по договору с Данией, король обязывался не препятствовать проезду в Россию врачей и мастеров [7]).

В Кардисском мире 1661 г. имеется параграф о беспрепятственном пропуске служилых и мастеровых людей. В 1567 г. Грозный просил английскую королеву Елизавету отпускать к нему мастеров, а в 1623 г. правитель Голландии, князь Мавриций Оранский, обещал помогать при найме на русскую службу людей [8]).

Правительство, сильно нуждаясь в иностранцах, все-же набирало их с разбором, и мы знаем случаи, когда специалисты, например, врачи, приехавшие в Россию без приглашения, поворачивались на границе обратно. Зато приглашенных

[5]) Русск. Ист. Библ., XXI, проезжая грамота от 21 мая. Для более позднего времени см. в Архиве Мин. Ин. Дел Голл. книги, № 12, 7200 1691, сент. 1 -6 мая 1695 г.

[6]) Из новейших историков, кажется, только один Мулюкин отрицает этот факт. См. его сочинение „Приезд иностранцев в Московское государство" (1909).

[7]) Русск. Акты Копенг. Госуд. Архива, №№ 20 и 21.

[8]) Голл. Грамоты в Архиве Мин. Ин. Д., № 5, 1623, мая 6.

ожидал обыкновенно хороший прием: даровой проезд и корм в дороге, высокий оклад и подарки в Москве. В зависимости от знаний и положения, подарки и оклад бывали разные. но различия между специальностями почти не делалось, ибо всех ценили, как знающих людей, «знатцев». Так, мастеровой Ян Лертрец со своими товарищами в 1622 г., подобно придворным докторам, представлялся по приезде государю и был допущен им к руке [1]).

За исключением мастеровых и рабочих, привозимых на частные заводы, все остальные иноземные специалисты состояли непосредственно на казенной службе (чем резко отличаются от купцов). На частных лиц они обыкновенно не работали и если обслуживали их, то лишь втайне. Бояре каждый раз должны были просить разрешения у царя, чтобы лечиться у доктора или получить лекарство в аптеке. Только во второй половине 17 ст. в этом порядке была пробита брешь.

Хотя правительство и не проводило резкой грани между отдельными категориями «знатцев», нам. для удобства изучения их деятельности. придется прибегнуть к какой-нибудь классификации. Так как нас интересует не юридическое положение иноземцев в Москве, а главным образом формы их труда, то именно различие в последних мы и кладем в основу своей классификации, хотя неполное разделение труда по специальностям представляет в этом смысле некоторые трудности. Установим условно четыре категории работников:

В 1-ую войдут представители теоретической умственной работы: ученые. медики, переводчики, толмачи. Эта категория лиц вызывалась часто уже в 16 ст.

Во 2-ую включим формы труда технического, эксплуатируемого самим правительством с обще-государственными целями: сюда отнесем архитекторов и художников, а также вообще строительных рабочих, корабельщиков и, наконец, почтовых деятелей.

3-ю категорию, самую обширную и наиболее для нас интересную, составят собственно ремесленники, как работающие на двор, так и занятые на заводах.

Наконец, в 4-ую категорию отнесем лиц, делавших довольно слабые попытки эксплуатации у нас сельского хозяйства, главным образом садоводства и виноделия, а также тех, кто использовал природу в виде рубки лесов, гонки смолы, выделки поташа, тюленьего промысла и т. п.

---

[1]) Выезды, № 1, 1622, янв. 22.

III.

О представителях чистой науки мы можем сказать очень немного. Ученых и в самой Европе тогда еще было мало, а потому на Москве мы встречаем их почти исключительно среди врачей. Правда, известна попытка приглашения в Россию крупного математика, Джона Дия, но он не приехал. План Бориса Годунова набрать ученых для университета также не осуществился. В начале 17 в. приезжал в Россию натуралист Традесконт, по специальности ботаник и садовод, изучавший природу нашего крайнего севера и посадивший впоследствии в своем ботаническом саду в Англии некоторые вывезенные из Московии растения. Но он пробыл всего несколько месяцев и на службе у правительства не состоял. Посещали Московию и другие образованные иностранцы, писавшие о ней интересные историко-географические исследования; все они—вольные путешественники, торговые агенты или дипломаты—не находились в прочной связи с Москвой, не служили ей своими знаниями.

Из осевших-же у нас и состоявших на службе иностранцев наиболее ученых находим среди врачей. Еще при Грозном состоял итальянец доктор Линзей— прекрасный математик, автор сочинений по геометрии. Сын Джона Дия Артемий, служивший врачем на Москве, написал здесь ученый трактат, впоследствии напечатанный в Париже. Один член коллегии лондонских врачей послал даже Михаилу свою ученую рукопись и препараты, трактуя его таким образом как мецената. При Алексее состоял английский врач Самуил Коллинс, известный анатом [10]). Вообще врачи, приезжавшие в Россию, вовсе не были отбросами европейской науки: принимались они с большим разбором, главным образом по рекомендациям иностранных государей: так, королева Елизавета прислала Грозному своего лейб-медика Якоби [11]). Еще в 1601 г. было вызвано Борисом из Германии несколько дипломированных врачей. В 17 веке число их при дворе было уже довольно значительно. Мы знаем, например, что когда заболел жених Ксении, дочери Бориса, последний прислал к нему четырех своих врачей. После Смуты сведения о приезде врачей встречаются очень часто. Так, в 1615 г. голландец Масса привозит доктора Полидануса и аптекаря. В 1621 г. на смену отпущенному

---

10) Richter, Geschichte der Medicin in Russland, II. p. 276.

11) Последнюю сводку о врачах в Московском государстве см. в нашей статье „Врачебное и лекарственное дело в Моск. государстве“, Русск. Историч. Журн., 1917, кн. 3—4. Ср.: Лахтин, Медицина и врачи в Моск. гос-ве (1906) и Новомбергский, Врачебное строение в до-Петровской Руси (1907).

Полиданусу приехал Артемий Дий. В 1643 г. при дворе состояло три ученых медика: Сибелист, Белау и Граммон. Но рядом с этими иноземцами, сохранявшими в чистоте свою национальность и веру, встречаем других, обыкновенно из поляков и евреев, проявивших склонность к обрусению и принятию православия; таков, например, еврей лекарь Сигизмунд Зоммер, крестившийся в 1653 г., или выходец из Польши Даниил фон Гаден, пожалованный за крещение из лекарей в поддоктора. Аптекарь Гутменш «за прилежное радение в лечении всех чинов людей» был сначала пожалован в чин инспектора новой аптеки, а в 1682 г. даже в доктора. При Михаиле насчитывают уже 7 докторов, 13 лекарей, 4 аптекарей, 3 алхимистов и окулиста. При Алексее-же принято на службу 13 докторов, 27 лекарей, 5 аптекарей, 4 алхимиста [12]).

Таким образом врачебный персонал быстро разрастался. Появились и лекари из русских, в 1677 г. их уже насчитывали 14. Дело в том, что иностранные врачи не только лечили, но и учили. Так как в 17 в. стали вводиться лекари в полках, то их стремились приготовить из русских, и врачам стали вменять в обязанность иметь учеников, но последние доучивались лишь до степени лекаря. Москва отличала три степени лекарской премудрости, которые и оплачивала по различному тарифу. «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам не искусен; а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а сам ненаучен, а аптекарь у них у обоих повар». Таким образом разница между ученым врачем и практиком-лекарем понималась ясно.

Что касается аптеки, то уже при Грозном приехал аптекарь Френгам с лекарствами из Англии; и впоследствии приезжали новые аптекари [13]), а лекарства выписывались целыми партиями. Первоначально существовала лишь одна аптека для царя, обставленная роскошно; впоследствии открыты еще две, откуда все желающие могли получать лекарство [14]), но простонародье долго продолжало покупать его в зелейных рядах. С Михаила возникли также аптеки при полках.

Докторам полагалось крупное для того времени денежное жалованье, 200—300 р. в год, а кроме того ежемесячно припасы для семьи. Один хроникер сообщает, что каждый врач получает, кроме денежного оклада, ежемесячно по 16 возов дров, по 4 бочки меда и пива, ежедневно с царского стола 3—4 тяжелых блюда и многое другое. Кроме того, каждый

12) Новомбергский, стр. 92.
13) Выезды 1656, № 10, 9 авг.
14) См. Ткешелашвили, Русская фармация [illegible] первых вольных аптек в России.

врач получал в дар 5 лошадей и корм на них, да особых коней для своего выезда ко двору и выезда супруги в церковь. Многие владели домами, поместьями. Так, Коллинс получил во временное пользование «до тех мест, как поедет за море» дом у Яузских ворот, оцененный в 2.800 р. соболями, да 205 р. на ремонт [15]). Некоторые врачи получали дома в полную собственность. Все пять врачей, приехавшие в 1601 г., получили по поместью. При приезде и от'езде жаловались богатые поминки. Вообше, по богатству и почету, врачи занимали в России исключительное положение среди иностранцев, к которому отчасти можно приравнять лишь положение высших военных чинов.

По сравнению с ними лекари, хирурги были маленькими людьми. Так, вместо 200—300 р. годового оклада мы слышим для них о 30—60 [16]). В полках рядом с доктором, получающим 60 руб. в месяц корму, встречаем лекарей, получающих 2—5 руб. Оклад алхимистов при Алексее был 60—50 руб., а корм 5—10 руб.

Для врачей правительство пошло на крупную уступку, давая им разрешения уезжать из России. Еще Грозный позволил аптекарю Френгаму вернуться на родину; то же разрешение дал Борис в 1599 г. доктору Ридлею. Уезжали также Дий и Сибелист. Однако многие из отпущенных возвращались обратно: напр., Френгам вернулся [17]) с семьею через 8 лет, также Дий, Полиданус и другие.

Что делали врачи в России? Первоначально лечили только царя и его семью, но постепенно их деятельность расширялась. В 17 веке на врачей падала уже большая ответственная работа: служба при полках, особенно трудная во время походов, устройство полковых аптек, экспертиза инвалидов, подозрительных по заразности заболеваний и смертей, санитария, тюремная служба; наконец, обширная практика, не только терапевтическая, но порой и хирургическая, главным образом в высших классах. Все врачи состояли на казенной службе и частной практикой занимались лишь попутно, первоначально каждый раз с особого разрешения, но с 1677 г. получались и общие разрешения.

В первую категорию иностранцев мы относим еще переводчиков и толмачей, причем памятники ставят первых выше вторых.

Толмачи были особенно необходимы в России на первых порах усиления сношений с Западом; русские не знали ино-

15) Лахтин, стр. 26.
16) Материалы к истории медицины, 3, № 699.
17) Архив Мин. Ин. Дел. англ. грам. № 67, 1633, 24 дек.; № 39, 1627, 2 июня.

странных языков, иностранцы— русского. При царских приемах, торговых сделках; при лечении иностранными врачами, ведении дипломатических переговоров, по пути следования иноземцев и во дворце везде нужны были толмачи. С другой стороны, и при выезде русских заграницу они являлись неотъемлемой составной частью посольства; их же часто посылали для найма мастеров, а также с царскими письмами заграницу. Будучи, по самому существу своей профессии, посвященными во все секреты московской дипломатии, они становились до некоторой степени доверенными лицами; перед ними по необходимости падала та сдержанность и скрытность, которой окутывало себя московское правительство при сношениях с иноземцами. Именно потому, что они ближе других подошли к московской жизни, Москва должна была очень неохотно выпускать их из своих тенет. Для этого важно было обеспечить их материально, и, действительно, все они пользуются положением служилых, т. е. состоят на государственной службе. Уже в 16 веке они не только получали жалованье и корм, но иногда награждались и поместьями [1]).

IV.

Переходим теперь ко второй группе лиц, представляющей главным образом технических работников на общую потребу государства; сюда мы отнесем, как высших представителей технических знаний: архитекторов, инженеров, так и рядовых работников-специалистов.

Что касается строительных работ, то первоначально с этой целью использовались греческие элементы. Ряд церквей и соборов построен был греками. Но уже Андрею Боголюбскому при постройке Владимирского собора, по изречению летописца: «приведе Бог из всех земель мастеров». В 15 ст. в Новгороде работали совместно на постройках русские и иностранцы. Такие художественные сокровища Москвы, как Кремлевские стены или собор Василия Блаженного (прежняя Иерусалимская церковь) возведены, разумеется, при помощи иностранных архитекторов, из которых наиболее знаменитым был Фиоравенти. Если первоначально в Московии только церкви строились из камня, а дома и даже дворцы были деревянными, то под иноземным влиянием стали переходить иногда на каменную стройку. Однако еще в 17 веке приезжавшие иноземцы с удивлением видели на московских рын-

[1]) Мулюкин, стр. 76—77, ссылки на изученные им приказные дела.

ках продажу готовых деревянных домов. Русские плотники были большими мастерами по части деревянных построек и, при частых пожарах, имели всегда много работы. Хотя эти грандиозные пожары, казалось, должны были заставить оценить преимущество камня, однако до-петровская Москва осталась по преимуществу деревянной. Лишь в конце 17 ст. построен первый каменный мост. Главным сторонником частных каменных домов был при Софии Голицын; при нем построен каменный дом для посольств. Еще Алексей построил Коломенский деревянный дворец, а отец его, построив каменный, предпочитал жить в деревянном. Все же Невиль в 1689 году сообщал, что в Москве за последние годы построено до 3000 каменных домов. Работали иностранцы и над укреплением городов. Уже Смута ярко показала недостаточность прежних деревянных и земляных укреплений, и потому после нее стали окружать города каменными стенами.

После греков и итальянцев на постройках работали главным образом немцы и голландцы, об англичанах не слышно. В 1631 г. вызывались голландские подмастерья для городового дела [18]) и в 1632 г. под наблюдением голландского инженера строилась Ростовская крепость. В 1668 г., после грандиозного пожара в Архангельске, сюда прибыли иноземцы—градодельцы голландцы Петр Марселис, да Вилим Марф, которыми «початы делать гостиные дворы и город каменный». Голландец де-Мушерон был послан архитектором в Астрахань и на Терек.

В том же 17-м столетии сделаны первые серьезные попытки построить флот. Так, в 30-х годах русскими рабочими под надзором голштинских специалистов строился корабль для предполагавшегося плавания в Персию (трех-мачтовое судно в 120 футов длины и осадка в 7 футов). Позже фон-Сведен был послан заграницу и вернулся в 1668 г. с голландцами-корабельщиками, среди которых был и парусник Стринс, известный своим сочинением о России. На Оке, ниже впадения в нее Москвы, предпринята была постройка корабля «Орел» и яхты. Но благополучно законченные и приведенные в Астрахань, они вскоре были сожжены Разиным.

Здесь уместно будет упомянуть о почте. На Московской Руси пути сообщения были чрезвычайно плохи, и хотя мы слышим об иностранных инженерах, но ничего не знаем о постройке дорог при их помощи. Об организации сообщения в стране по восточному, при помощи ямов, хорошо известно, но в 17 ст. возникает план устройства правильной пересылки

[18]) Собр. Гос. Грамот. и Дог., IV, № 84.

писем на западный образец [20]). Главным устроителем этого нового предприятия в России был фон-Сведен, состоявший с 1635 г. первым главным почтмейстером (первоначально ему было отпущено на расходы 500 руб. на год деньгами и столько же соболями). Во Пскове на немецком дворе заведывали приемом и отпуском почты сначала швед Фридрих Балсырев, а потом переводчик Фентуров; а в Риге контрагентом был почтарь-иноземец капрал Левкен, получавший жалованье из государевой казны. На должности провинциальных почтмейстеров обыкновенно назначали переводчиков. После Сведенов заведывание почтой перешло в семью Марселисов, а затем в семью Виниусов. Таким образом, все главные, а также и большинство провинциальных почтмейстеров были иноземцы; гоняли же почту русские ямщики. При Виниусе провинциальные почтмейстеры принимали участие в прибылях, но обращался он с ними как с подчиненными.

V.

В третью категорию труда мы относим собственно ремесленников: 1) работавших на двор, и 2) занятых на заводах.

В первой группе мы находим особенно много лиц, изготовлявших предметы роскоши; золотых и серебряных дел мастера, гранильщики алмазов, часовщики, вышивальщики и т. п. все чаще и чаще поминаются в московских памятниках [21]). Известно, как любил русский двор роскошь, проявляя в этом смысле вполне азиатские вкусы. Богатство казны царя поражало приезжих иноземцев. Уже в 15 ст. делались на Москве золотые вещи, например, перстни, пояса, а также серебряные, как то кадила, ризы и др. Русская работа была довольно грубая, за недостатком вкуса, а также и потому, что у нас соединяли в одном человеке умение рисовать и обрабатывать металл, отчего рисунки часто были плохие, а работа выходила несмелой и мелкотравчатой по сравнению с заграничной; хороши были только мелкие украшения в восточном стиле. Однако вскоре влияние западных мастеров сказалось в перенятии от них немецкого способа наводки финифти на металл, вместо прежнего греческого наложения, а также в большей чистоте работы, отчетливости в отделке, правильности рисунка. В 17 ст. насчитывается не менее 27 золотых дел и 26 серебряных дел мастеров-иноземцев, не считая очень значительного числа русских [22]).

20) Козловский И., Первые почты и первые почтмейстеры в России.

21) Напр., дворц. дела, в столб. св. 3, 1630 № 21 или Выезды, 1623 г., № 4.

22) Хмыров, Металлы, металлические изделия и минералы в Древней Руси. Спб., 1875.

Интересно, что мелкая золотая и серебряная работа из тянутого и волоченого золота, а также бити и канители, производились сначала казенным способом, но впоследствии были признаны убыточными и переданы в частные иноземные руки; алмазных дел мастер Мартынов и английский купец Гловерт получили на 10 лет монополию этого производства, с условием привлечь не менее 10 мастеровых-иноземцев, для чего Мартынов и уехал за границу [18]) Остальные работы продолжали повидимому вести казенным способом, с привлечением новых иностранных сил. Так, в 1642 г. приехал из Англии золотых дел мастер Томас Адвуд. Вообще среди золотых дел мастеров англичане играли, повидимому, первенствующую роль. Напр., в 1647 г. из Москвы отпускается английский алмазный и золотых дел мастер Иван Лент. Даже во второй половине 17 ст., когда англичане были уже в немилости, имеем указание на английских золотых дел мастеров. Так, в 1685 г. Август Голь выписывает себе из Англии двух подмастерьев [19]). Были на Москве и иностранные часовщики. Немец Ганс Кёзель хвалился в 1645 г., что он первый с успехом обучал русских часовому ремеслу. [20]) Под 1625 г. встречаем упоминания о вышивальщике жемчугом и гранильщике алмазов. В 1665 г., при описи домовладельцев немецкой слободы, было обнаружено 20 человек различных придворных мастеров: золотых и серебряных дел мастеров, часовщиков, седельщиков, портных, живописцев: таким образом, самые различные иностранные ремесленники обслуживали двор.

Состоя на царской службе, такие мастера пользовались всеми ее преимуществами: подобно врачам, награждались на приезд и при отпуске, получали жалованье, корм, дома, иногда поместья. Пожалование на приезд существовало уже в 15 ст., но тогда размер его не был урегулирован. В 1487 г. пушечнику и каменщику дали поминки по московскому золотому; в 1494 г. итальянцу Алоизию Каркано — 8 одежд [21]). В 1557 г. врач, аптекарь и несколько ремесленников получили по верховой лошади и по 30 р., но врач сверх того соболью шубу и 40 лишних рублей. В 17 ст. подарки становятся с одной стороны равномернее, с другой значительнее и разнообразнее. В 1621 г. золотых дел мастер получил бархат, камку сукно, 40 куниц и 20 руб.; тоже в 1623 г. алмазных дел мастер Лент и золотых дел мастер Лардин. Такие дары ста-

[18]) Собр. Гос. Грам. и Дог., III, № 94.

[19]) Выезды. № 6, 1642 г. 2 авг.; 1685 г. № 5. Англ. Дела в столп., св. 12, № 2, ... тамже св. 25, 1667 г. 20 авг., № 5.

[20]) Buchner, I. p. 262.

[21]) Сб. Русск. Ист. Общ. т. XLI, стр. 42 и сл. Pierling, La Russie et le Saint Siège, I, (1896), стр. 208

новятся обычными при среднем окладе. То-же получает инженер де Мушерон и пушечный мастер Кохт [27]).

Искание руды очень давно практиковалось самими русскими, но часто неудачно, за отсутствием подготовки. Поэтому вскоре к русским стали присоединять иноземцев. Уже в 1491 г. посланы были на Печору немцы Иван да Виктор с русскими. При Михаиле два англичанина посланы с русским дворянином в Пермь [28]). В 1666 г. Алексей послал полковника Келлермана на Двину отыскивать золотую, серебряную и другие руды. В первой половине 17 в. иностранцы уже плавили русскую руду. Олеарий сообщает, что на Неглинной плавится руда под управлением нюренбержца Ганса Фалька, и что русские, только глядя на работу, научились этому ремеслу, так что при главных манипуляциях некоторые мастера стараются отослать их. В Лондоне в доме Московской компании также, повидимому, плавилась русская руда. Меди в России было мало, однако в летописи есть сведения, что на Цыльме в 15 ст. уже плавилась медная руда. Англичане имели какие-то сведения о богатстве России медью и сообщали, что в Холмогорах продается много медной посуды.

Все ремесленники, о которых мы здесь говорили, работали на государя. Но, помимо таких лиц и заводских рабочих, о которых речь будет дальше, имелось еще, хотя, повидимому, очень немного, ремесленников-иноземцев, работавших на частных лиц, главным образом на иностранцев. Так, при допросе иноземцев в 1684 г. был обнаружен бывший купец иноземец, который теперь кормится рукоделием своим, портняжным мастерством. В Архангельске упоминаются портной, столяр, бочар и некоторые другие, которые кормятся работой своей на иноземцев и живут в России, один 6, другой 10, а один даже 20 лет. Вероятно, эти лица в свое время были выписаны для двора или присланы с купцами, оказались мало способными, не устроились и пробивались кое-как частной работой у иноземцев.

VI.

Переходим теперь к другой группе лиц, занятой на заводских предприятиях. В 17 ст. мы имеем уже целый ряд заводов, устроенных иностранцами, но первые попытки, хотя и в размерах незначительных фабрик, были сделаны еще в 16 ст. англичанами. По получении привилегии на торговлю с

[27]) Русск. Ист. Библ. VIII. № 10. Доп. Дв. вп. Разр. I. 515—516. Чтение. 1882. [illegible]
[28]) Временник. 1850, кн. 5. Материалы [illegible] стр. 8. С[illegible] Памятн. Моск. Древн., 1842—45 стр. LXIX.

Россией, для заведения первой канатной фабрики в Холмогорах, был прислан агент Грей и выписано сначала 7 мастеров, а впоследствии число их увеличилось, и в Вологде появился второй канатный двор [29]). Канатные мастера получали от 9 до 5 фунтов годового жалованья, повидимому, в повышающейся скале по мере выслуги лет [30]). За степенью их производительности велся строгий надзор. Одним из условий Иоанн Грозный поставил обучение ими русских, и памятники говорят, что последние не только учились, но и научались. Так как фабрики эти получали заказы от английской казны, то дело пошло хорошо, и вскоре английский флот был оснащен. В 1623 г. у голландца Карла Демулина также было на Холмогорах на корабельный обиход канатное дело пудов в 1000 и больше.

После изгнания англичан из России их канатное дело прекратилось, а о голландском тоже не слышно (англичане усилили выделку канатов в Англии из смеси рижской и русской пеньки).

В 17 в. основываются металлургические заводы. Об искании руды мы уже говорили, и переход к обработке ее был совершенно естественным. Когда при Михаиле у Соликамска русский боярин с 15-ю иноземцами нашли медную руду, то около 1640 г. при Пысковском монастыре на речке Калкорке возник завод для плавки меди; сначала его содержала казна, а потом он был передан в частные русские руки, но состоял под надзором иноземца. Однако в 1657 г. плавка прекратилась и к 1671 г. шахты и ходы обвалились [31]).

Имеется сообщение о трех медных рудниках: возле Олонца казенный, управляемый голландцем Денисом Иовисом, на притоке Мезени Пендоре и на другом ее притоке, где медь перемешана с серой. В 1674 г. все три отданы известному предпринимателю Марселису, который стремился поставить дело по-заводски и выписать из Дании рабочих. Но дело, повидимому, не развилось. Вообще добываемая медь далеко не покрывала потребность в ней: не даром вывоз ее был строго запрещен.

И русские, и иностранцы лили много колоколов и пушек. В 1532 г. мастер Николай Немчин вылил в Москве колокол Лебедь весом в 445 пуд., а позже колокол Благовестник в 1000 пуд. В 17 в. из 6 известных колокольных мастеров трое были иноземцы: Фальк (1642) и два Нейдгарта (1662-64).

29) Гамель, Англичане в России, стр. 35.

30) British Museum. Nero B XI. fos 321-328. § 12.

31) Полетика и Блинов. История основания русских горных заводов. Памятн. книжк. для русск. горн. людей 1862, стр. 194. Также Дополн. к Актам Историч. IV, 24 и V, 19.

Москва издавна была богата медными орудиями; делали их также в Киеве и Вологде. Многие мастера были русские. Однако, еще в 1518 г. в Инсбруке было нанято пять пушечных мастеров. Один из них Никлас из Шпейера в 1521 г., с отличием командуя пушкарями, отбил Москву у Мамет-Гирея. Медные орудия изготовлялись из сплава меди, олова и цинка; на дулах вычеканивались изображения, по которым назывались орудия, как-то: Медведь, Волк, Девка и т. п. Лили из меди и церковную утварь.

Что касается железа, то географическим районом его распространения надо считать восточную часть Новгородской губернии, Олонецкую, западную часть Архангельской, Тульскую и Калужскую. При Иоанне III оно было запрещено к вывозу, привозили его и из заграницы. Первые попытки привлечь иностранцев к железному делу сделаны Грозным. В 1547 г. Шлитте поручено нанять двух рудокопов, плавильщика, пробирщика и плющильщика. Приезжали рудознатцы из Швеции и Англии. Первое разрешение иностранцам построить железный завод было дано в 1569 г. англичанам. Однако скоро отношения испортились, но все-же в 1578 г. русская руда плавилась в Лондоне [32]), завод же в России, повидимому, не был построен. В 1617 г. Меррик просил о разрешении на разработку железа и олова на Сухоне, и получил согласие, и в 1624 г. он нанимал заграницей рудознатцев. В 1625 г. англичане вновь поднимали этот вопрос [33]). В общем серьезных последствий английские попытки не имели, и если встречаем упоминания англичан-рудознатцев, то вскоре место их занято голландцами, которые и добились серьезных результатов. Первый в России чугунный и железный вододействующий завод построен голландцем Андреем Виниусом в Тульской губернии на реке Тулице, по грамоте, данной ему царем Михаилом в 1653 г. [34]). Главной целью Виниуса, повидимому, было создать на Руси самостоятельное производство чугунных пушек. Грамота предписывала ему лить пушки, ядра, котлы, ковать доски и прутья, обучая всему русских.

Петр Марселис и голландец Филимон Акема, прежние компаньоны Виниуса, в 1644 г. получили привилегию копать руду на Шексне, Костроме, и Ваге, а также и в других местах, ставить новые мельничные заводы, лить на них пушки, ядра и проч. и вывозить беспошлинно свои изделия за границу [35]). А вскоре Виниус, принявший православие и ставший

[32]) Col State Pap. Dom., t. 1547-80, 8 мар. 1578 г. стр. 586 и 18 нояб. 1578, стр. 605.
[33]) Англ. дела в столп., св. 7, 1625 сент. 25—1 июня 1626. № 1.
[34]) Гамель. Описание Тул. оруж. завода в историч. и технич. отношении 1826
[35]) Собр. Гос. Грам. и Дог., III, 118. 5 апр. 1644 г.

русским дворянином, повидимому, из мести донес, будто они не учат русских своему мастерству, что подтвердилось и на допросе заводских рабочих; в результате заводы были отняты на государя [36]). В основе этой крутой меры, вероятно, лежало общее настроение недовольства на иностранцев и зависти к их выгодам, былившееся и в неоднократных жалобах того времени на англичан. Но без иностранцев ни торговля, ни промышленность не могли еще обойтись; недаром шведы радовались немилости к голландцам и хлопотали о полном удалении из России всех иностранных мастеров, чтобы убить русское железное дело, начавшее конкурировать с шведским. Перейдя в казну, Тульские заводы быстро захирели и потому правительство в 1648 г. вернуло их на 20 лет Марселису и Акеме, хотя вопрос долго еще не считался окончательно решенным [37]).

Несомненно, что место для завода было выбрано Виниусом удачно, ибо река Тулица имеет значительное падение и протекает в довольно высоких берегах, почему удобно было укрепить заводские плотины; к тому-же вблизи было достаточно лесов. Первоначально поставили две домны, и при каждой губу для делания пушечных и ядерных форм. Но к концу 17 ст. железное дело сильно разрослось. За работой на Тулице последовали работы на Скниге, Протве, Угодке, Вопрейке и других речках. Кильбургер различает уже три группы заводов: 1) Самые старые Марселисовские 2) Протвинские и Угодские, в 90 верстах от Москвы на Калужской дороге, принадлежащие Акеме. Раздел между обоими компанионами произошел в 1657 г. На заводе Акемы две плавильные печи и четыре молота. 3) Павловские казенные заводы в 52 верстах от Москвы по дороге в Клин; одна печь и два молота ими устроены Морозовым.

По описанию Кильбургера, завод Марселиса занимал около 30 верст и имел 3 печи и 10 молотов с двойными горнами. За $^3/_4$ его Марселис заплатил Акеме 20.000 руб. Руда копалась за Окою в трех разных местах; после плавки она из печи лилась в жолоба, выкопанные в земле, с формами для пушек, ядер и иных предметов; в каждом жолобе помещалось 40-50 форм.

Во время конфискации Тульских заводов Марселис и Акема построили завод на Вааге, в Вологодской губ., начавший действовать в 1648 г. В этом же году был устроен первый вододействующий ружейный завод в Москве на Яузе ствольным мастером Акимом. Здесь имелся большой молот

[36]) Голл. дела в столп., св. 7, 1646, № 4.
[37]) Голл. дела в столп. св. 12, 1651, № 2 февр. 12 – авг. 24.

для ковки силою воды и заварная кузница о 10 горнах, вертельня о 6 станах и 2 точильни. Позже в 1653 г. построен второй ружейный завод на Ските Марселисом и Акемой. Их родственник и преемник Миллер в 1670 г. основал Истинские железные заводы в Боровском уезде. А в 1674 г. гамбуржцем Бутенантом, при помощи мастеров с Скитенских заводов, заложен железный и стальной заводы в Олонецкой губ., в Феймогубской волости, но работа, под управлением иноземца Тропеля, шла слабо.

Таким образом, мы видим, что во второй половине 17 в. число металлургических заводов, благодаря иностранной предприимчивости, быстро увеличивается. Но не только предприниматели, а и мастера в этом новом деле были иностранцы. Посланному заграницу в 1630 г., с целью воинского набора, Лесли поручено также приговорить немецких мастеров, охочих людей к пушечному к новому делу, кузнеца, да станочника, да колесника, да мастера, кто бы умел лить пушечные ядра. Виниус в 1654 г. просил разрешения выписать себе мастеров. Из дел Тайного Приказа узнаем, что на Городищенских заводах был мастер и плавильщик новокрещеный иноземец Дементий Иванов сын Буди с сыном Андрюшкой. Гамель подсчитывает, что Виниус, Акема и Марселис выписали до 600 литейщиков и мастеров молотового и оружейного дела; поэтому не мудрено, что на их заводах был свой реформатский приход.

Иностранцы-специалисты не только сами работали, но и обучали русских. Так, на Ските обучались оружейному делу высылаемые туда попеременно казенные кузнецы. Когда был построен казенный Павловский завод, он скоро стал школой для приготовления русских мастеров, ибо, по приказанию Морозова, сюда отправляли в обучение кузнецов с новгородских мест. На казенных заводах сначала тоже были иностранцы, взятые с частных заводов. Вообще сведущих мастеров не хватало, и заводы не раз сговаривались не сманивать их друг у друга. Но результаты обучения русских по-немногу стали сказываться. Так, на Вааге появился русский плавильный мастер Кирила Савельев, обучавшийся на Городищенском заводе у Христофора Вильде, а в 1693 г. упоминается русский гранатный мастер и пиротехник [35]).

О заработной плате имеется мало данных. Марселис платил своему надзирателю, сверх содержания, 300 руб. в год, что соответствует окладу доктора. Кильбургер указывает на плату с выделки, существовавшую на Тульских заводах. Так, с пуда

---

[35]) Акты Юрид., 1838, № 347, III, упоминается у Хмырова, стр. 283.

мастер получал 1 алтын, работник 2 коп., а носильщик угля — ½ коп. На казенном заводе рудокопов поили и кормили «чтобы ничем скудны не были», и только. Иногда мастера награждались из части добычи. При устройстве при помощи греков Нерчинских заводов, каждому из них, сверх харчей, назначено по 2 пуда с 10 руды [39]). Вообще, условия были не одинаковы по заводам, откуда стремление к переходам с завода на завод.

Остается еще познакомиться с самым производством. На заводах Марселиса изготовлялось: полосовое железо на каменные постройки, пушки, двери и ставни, црены для соляных варниц, сабельные клинки, листовое железо. Делали иностранцы также сталь и гвозди, но с ними удачно конкурировали русские кустари. На Угодских заводах готовили пушки, гранаты и бомбы, а также связное и другое железо. Бутенант изготовлял для казны небольшие чугунные пушки, бомбы, ядра и гранаты, а также железо для вольной продажи. Кильбургер рассказывает, что в печь клали сразу 4 куска руды и получали в плавке не более 100 пудов. На одном горне вытягивали до 25 прутьев в 6 арш. длины, весом в 1 пуд. Молот весил 18—21 пуд.

Что касается качества получаемого железа, то имеются жалобы на его ломкость и для заграничного вывоза оно не пошло. Пушки тоже далеко не всегда выдерживали испытания.

О количестве изготовленных предметов можно судить, например, по заказу на 1668 год, когда было приказано впредь изготовлять ежегодно 20.000 пудов прутового и связного железа, 5.000 пудов железных листов, 20 кованных пушек, 5.000 ядер, 10.000 ручных гранат, 100 железных мельниц, 1.000 железных фурм, 50 иготей, 50 ступ, 100.000 всяких гвоздей [40]). Конечно, весьма вероятно, что приказ не выполнялся сполна, но имеются сведения, что ежегодно доставлялось в казну до 50.000 пуд. ядер [41]).

Железные заводы были наиболее крупными заводскими предприятиями того времени. Но рядом с ними имеем и попытки организовать фабрики по другим производствам. Еще от 1531 г. есть сведения, что в Москве делался порох на Успенском Враге во дворе иностранного мастера Алевиза; при пожаре здесь сгорело более 200 работников. Царь Федор пригласил для тканья парчей, штофов и бархатов итальянца Марка Чинони, который имел фабрику около Ивана Великого. В

39) Хмыров, Прилож., № 5.
40) Хмыров, стр. 252.
41) Fechner, I, p. 241.

1625 г. приехал бархатных дел мастер голландец Каспар Лермит для устройства фабрики. В 1630 г. другой бархатный мастер Филибронц отправляется в Европу для найма ремесленников. Через 4 года ему дается на 10 лет привилегия на выделку лосиных кож [42]). В 1667 г. фон-Сведен, вывезший из-за границы суконных мастеров, получил для устройства суконного дела волость Ивановскую в Каширском уезде, но в следующем году он умер. В 1681 г. дана жалованная грамота иноземцу Захарию Павлову на бархатный завод, чтобы делать бархаты, объяри, атласы, камки и байбереки по лучшим итальянским и китайским образцам, а также «какие дела он из шелку, шерсти и льну завесть может». Однако всего через 2 года имеем челобитье голландского купца Ильи Шарбета с заведении им в России суконной и шерстяной фабрики и об отпуске за море брата его для приглашения суконного дела мастеровых людей. Мы видим, что попыток заведения суконных и бархатных фабрик делалось не мало, но эти производства не получили такого прочного обоснования, как металлургическое.

В 17 ст. имелось два стеклянных завода, на которых, между прочим, изготовлялась и аптекарская посуда. Здесь, под наблюдением иностранцев, работали и русские рабочие. Первоначально открыт завод Кохта, которому еще в 1654 г. пожаловано 16 пустошей недалеко от Москвы и дано право на на 15 лет беспошлинной продажи своих изделий и монополия на это производство. Работало на заводе всего 15 человек. При царе Алексее он уже не удовлетворял спроса, почему появился еще второй Измайловский завод [43]).

В 1666 г. фон-Сведен основал в Москве бумажную фабрику, а позже царь поручил двоим из его иноземных мастеров устроить такую же казенную на Яузе. Им не хотелось бросать своего хозяина, так как, вероятно, частная служба была выгоднее, но пришлось повиноваться. Предприятие Сведена, повидимому, шло слабо. После его смерти заводы его перешли к казне [44]).

VII.

Перейдем к последней, четвертой, категории работников-иностранцев, занятых работами сельско-хозяйственного характера. Сюда же отнесем промежуточную между ремеслом и сельским хозяйством эксплуатацию натуральных богатств

[42]) Выезды, 1630, № 3, 8 и 9 марта. Собр. Гос. Грам. и Догов., III, № 103 1634 г.
[43]) Материалы медицины, ч. 1614.
[44]) Доп. Акт. Истор., V 21б.

России, особенно лесных. Англичане рубили у нас на севере строевой лес, главным образом для мачт.; из русской черемухи делались обручи на бочки. При Михаиле голландский купец Елисей Ульянов получил на 5 лет смоляной промысел около Архангельска. В 1630 году другому голландцу, Карлу Демулину, разрешено жечь золу в лесах на Сухоне, а несколько позже делать поташ в Тотемском и Устюжском уездах, а также по Волге, на Вятке и в Новгородском уезде, сроком на 10 лет. В 1643 г. золяные промыслы в Ярославском, Вологодском и Тотемском уездах отданы беспошлинно на 10 лет английскому агенту Семену Дигби [43]; а другой англичанин Крауфорт жег золу и делал поташ в Муромском лесу. Когда в 1649 г. англичане были удалены из России, их заменили голландцы. Золяной промысел предоставлен Виниусу

В 60-х годах составилась смешанная компания из москвичей и амстердамцев, взявшая у казны на откуп лес на Сухоне и в течении двух лет вывезшая четыре корабля мачтовых деревьев; каждая мачта обходилась им в 25—30 руб., а царь получал 4—5 руб. с мачты. В 1670 г. голландец Вахрамей Миллер получил на откуп на 10 лет эксплуатацию корабельного леса для вывоза [44]).

В области использования натуральных богатств России следует еще указать на сильно развитый англичанами и голландцами китовый и моржевой промыслы. Уже в конце 16 ст. англичане ловили китов и моржей в наших северных водах и вытапливали из них ворвань; но дело развивалось довольно медленно. Смута, прервавшая работу в Москве, сконцентрировала энергию иностранцев на севере, а экспедиции на Новую землю, Вайгач и в Гренландию способствовали быстрым успехам. Сначала охотились за моржами, но последние, по утверждению англичан, скоро перевелись, и тогда обратились к китам [45]).

В сельском хозяйстве участие иностранцев было незначительно. В 1651 г. полковник Крауфурт получил разрешение на 8 лет сеять какие-то заморские семена для производства растительного масла [46]). У себя в слободе иностранцы развели спаржу, салат, сажали розы и другие цветы и таким образом оказали своим примером некоторое влияние на русское садоводство и огородничество.

[43]) Голл. дела в столп., св. 5, 1636, апрель—1637 и 1638, № 4; св. г. 3, 1650, январь 28—1653, июнь. Англ. Дела, в столп., св. 11, 1642, № 1, апр. 17—1651;

[44]) Голл. дела в столп., св. 10, 1670, июнь 21, № 1.

[45]) Col. State Pap. Dom... 1625—1649 Addenda, p. 314 и British Museum, Add. MSS., 33, 837, fo 76.

[46]) Мулюкин, стр. 100.

Когда в начале 17 в. персидские купцы завезли в Астрахань виноградную лозу, то только один крещеный австриец-монах поинтересовался посадить ее в монастырском саду, а в 1613 г., по повелению царя, им разведен уже целый виноградник: его примеру последовали некоторые другие иноземцы, взявшие к себе в 1640 г. на службу немца-садовника Ботмана. При Олеарии в Москву ежегодно приходило из Астрахани 50-60 бочек вина. При Алексее имелись в Астрахани царские виноградники, для которых выписаны французы виноделы. В это время делались даже попытки акклиматизации на Москве винограда и табака.

Распространены были в 17 в. на Москве аптекарские сады, находившиеся под надзором иностранных ботаников-садоводов. Хотя общее число растений здесь не было очень значительно и рядом с лекарственными сажались фруктовые и ягодные [99]), все-же вскоре многие травы, собиравшиеся прежде в диком виде для аптек, стали получаться исключительно в садах. Работали здесь русские и иноземцы вместе, но труд иностранных садовников расценивался низко. За царем стали разводить аптекарские сады и некоторые частные лица. При собирании трав и кореньев по провинции на аптекарский обиход употребляли русских травников, вероятно из аптекарских учеников иноземцев. Они руководили сбором, возлагавшимся на население, как повинность. Иностранцев при таких условиях было неудобно употреблять, их неохотно отпускали в деревни, охраняя от соприкосновения с народом. Но все-же приезд иноземных медиков оказал влияние и на процесс сбора. Ознакомившись с русской флорой, они составляли для травников в руководство список растений, необходимых для аптек, что внесло научную организацию в эту работу.

Подводя итоги вышесказанному, надо признать, что роль иностранного труда в процессе развития экономической жизни Московской Руси была и значительна, и разнообразна, и плодотворна. Иностранцы должны были указать пути русской деятельности, направить ее в правильное русло, научить русского человека приемам новой работы, и цель эта в общем была достигнута.

Различные европейские государства слали к нам своих работников и учителей; но разные народы специализировались иногда на разной работе: так, англичане вели канатное дело и стояли на первом месте среди придворных ювелиров, голландцы организовали металлургические заводы, строили ка-

---

99) Матер. Медиц., 4, № 1356, 1672.

менные дома, крепости, корабли; среди врачей встречаем более всего немецких и английских имен.

Любопытно еще отметить, что одни и те-же лица работали в очень различных областях; так, инженеры делали работу архитекторов, архитектора—работу литейщиков (Фиоравенти), переводчики служили почтмейстерами и т. п. Крупные-же предприниматели почти всегда проявляли свои организаторские способности в самых различных направлениях: при организации больших предприятий мы наталкиваемся постоянно на те-же 5—6 хорошо знакомых нам имен: пушечный мастер Кохт открывает стеклянный завод; организатор почты Сведен открывает суконную и бумажную фабрики; Марселисы, помимо своих металлургических заводов, стоят одно время во главе почтового дела, а также ведут постройки в Архангельске: то же можно сказать и об Андрее Виниусе, который первый открыл железный завод, а потом стоял во главе почтового дела.

Инна Любименко

* * * *
*

Крестьяне Восточной Сибири во вторую половину 17 в.

Громадное пространство Восточной Сибири было захвачено русскими с какою-то лихорадочной поспешностью. Занятую землю было необходимо удержать, а поэтому и началось быстрое укрепление территории острогами. Потребностями утверждения власти во вновь «прииcканной землице», равно как неостывающим рвением «приискивать» все новые и новые земли определялся уклад местной общественной жизни и экономической политики правительства. Закрепив землю острогом, правительство приказывало поселенным в остроге служилым людям «пашни пахать и всякий домовый завод заводить», а затем стремилось «строить в пашню» возможно большее количество крестьян. Крестьян селили «по указу» или «по прибору».

В первом случае издавался указ из городов или острогов, где было много пашенных крестьян, прислать принудительно потребное количество их; напр., из Илимского и Братского острогов в 1684 г. было послано 500 пашенных крестьян, т. к. «в Братском остроге десятинного хлеба насыпано стоят из давних годов многие анбары ни для чего, и тому хлебу никуды расходу нет» [1]).

По прибору селили «охочих людей»; приказывалось по острогам и деревням кликать, кто «похочет из гулящих и из промышленных людей на государеву пашню садиться» [2]).

Строили в пашню также и «ссыльных татей и разбойников», сосланных в Сибирь в пашню вместо смертной казни, равно как и вместо членовредительной казни, причем приказывалось особенно беречь их, чтобы они не ушли [3]).

Главная масса крестьянства были выходцами из Помор-

[1]) Дополнения к актам историческим, т. 7, № 74; т. 5, № 65; т. 11, № [illegible] т. 8, № 109.

[2]) Рукописное отделение библиотеки Академии Наук, архив Миллера, Якутск. г. 1, л. 47 об. (В дальнейшем будет кратко [illegible] архив Миллера).

[3]) Доп. к акт. ист., т. 4, № 24; т. 12, № 91. Акт. ист., т. 5, № 280; т. 4, № 230. Полное собрание [illegible], т. 2, стр. 216.

ских городов; напр., в 1670 году ехало «мимо Верхотурья с Тотьмы, Устюга Великого, Ваги, Мезени, от Соли Вычегодской, из Яренского городка, и с Кайгородка тяглых людей с женами и детьми 2051 человек», так что из-за бегства в Сибирь «учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота» [1]).

На первых порах прибывших селили по близости от острога, чтобы пашенных крестьян не уводили неприятельские воинские люди, чтобы, «если станет время заворошное», можно было скрыться в остроге и там вместе со служилыми людьми отсиживаться с оружием в руках от врагов. Впрочем, далеко не всегда остроги бывали надежной защитой для крестьян; случалось, что охранявшие их казаки грозили при нападении неприятеля пойти «куда очи укажут», а пашенных крестьян покинуть, и приводили угрозу в исполнение. Сохранилось много жалоб крестьян, что от казаков им «большая нужа, бьют и грабят, и всякое поругательство чинят» [2]).

Приведя враждебных инородцев в покорность, правительство решалось селить крестьян в местах отдаленных от острога, предварительно приказав «описать и сметить в десятины и пашенные места и сенные покосы» [6]), а затем уже селить крестьян «на добрых землях в угожих местах»; последнее требование далеко не всегда исполнялось, часты жалобы крестьян, что они посажены в пашню «на пень да на колоды», и по климатическим условиям у них хлеба не «доходит» [7]).

Рядом с запашками, возникшими по инициативе правительства, шла и частная запашка, зачастую даже ускользавшая до поры до времени от контроля правительства; иногда частные запашки крестьян забегали за укрепленную линию и опережали устраиваемые правительством; найдя такого рода заимку, правительство давало владельцам ее отводные, если «отцы и деды тою землею владели» [8]), в противном же случае земля отбиралась на государя.

Заселение пашенными крестьянами угожих для пахоты мест было предметом постоянной заботы московского правительства, и воеводам многократно предписывалось «пашни завести и крестьян устроить на пашне, чтобы хлеба на служилых людей, на ружников, на оброчников и на всякие таможенные расходы напахать». На прокормление служилых людей больших острогов обычно шел хлеб с целого ряда во-

1) Доп. к акт. ист., т. 6, № 19.

2) Доп. к акт. ист., т. 9, № 67, № 160; т. 12, № 12.

3) Архив Миллера. Якутск, т. 1, л. 44 об.

4) Доп. к акт. ист., т. 4, № 59; т. 9, № 57.

5) Музей В. Сибирского отделения географич. общества в Иркутске, грам. № 82. В Музее нет каталога рукописей, а потому указываю №, поставленный на грамоте карандашем. (В дальнейшем будет кратко обозначаемо: Музей).

лостей; напр., в 1678 г. на жалованье Якутским служилым людям давали хлеб волости: Илимская, Ленская, Усть-Киренская, Иминская, Орленская, Тутурская, Чичуйская, Усть-Витимская, Пеледуйская [9]).

Правительство в своих интересах соединяло несколько селений - миров в одно административное целое, в одну волость, в свою очередь присоединяемую к какому-либо уезду [10]).

Волость никогда не была каким-либо сложным складническим союзом. Правительство создавало волость и само же могло разрушить им созданную волость, не считаясь с желаниями и интересами входивших в ее состав крестьянских миров.

Что же представлял собою крестьянский мир. Мир являлся союзом крестьянских хозяйств, имеющих общее управление из назначенных и выборных лиц, сообща несущих повинности и связанных друг с другом круговою порукою; ни принудительной уравнительности участков со следствием их—земельными переделами, ни сословного характера поземельных крестьянских повинностей, типичных для русской общины более позднего времени, мы не находим и следов. Мир имел право самоуправления, раскладки податей и разверстки повинностей, надзора за порядком и тишиною среди своих членов; неугодный миру человек выселялся из его пределов; если мир не мог справиться с кем-либо из своих членов, то просил помощи от «вора и душегубца» у воеводы [11]). В непосредственном владении мира иногда находились воды, сенные покосы, выгоны, необработанные участки земли, равным образом и обработанные, но в силу каких-либо причин запустевшие. Все важнейшие дела решались на сходе, созываемом земскими властями. Новые члены принимались лишь по представлении ими за себя поручителей [12]). Полноправными членами мира были все тяглые крестьяне-хозяева; они имели все общегражданские права, но, как прикрепленные к определенному месту, в выборе нового местожительства были связаны известными ограничениями; так, покидая тяглый участок, следовало представить вместо себя заместителя, которому была бы «десятинная государева пашня за обычай», и который взял бы на себя все обязательства своего предшественника; в своих имущественных и гражданских правах они были вполне равноправными гражданами: земельными участками владели наследственно и могли отчуждать землю в пользу не только членов мира, но и лиц, миру совершенно чужих, напр.

9) Архив Миллера, т. 1. л. 131. Доп. к акт. ист., т. 8, № 25.
10) Доп. к акт. ист., т. 8, №№ 51, 53.
11) Музей, № 10б, 103.
12) Акт. истор., т. 4. № 6.

посадским людям, и те, в таком случае, наравне с крестьянами отбывали тягло с своего участка, но не перечислялись в крестьяне, оставались посадскими же попрежнему [13]); имели право брать от казны разные подряды и откупа, заниматься ремеслами и торговлей, давать деньги в долг и за долг эксплуатировать труд должников, часто своей же братьи крестьян. Фактически наибольшая полнота прав принадлежала старожилам, которые отнюдь не были лицами более других прикрепленными к тяглому участку. Старожил не юридический термин, а житейский. Терминами старожилы или старинные крестьяне, переведенцы, новики определялась давность владения землей, не более. Естественно, что старейшие члены мира, основатели его или же дети основателей, были наиболее влиятельными людьми в нем уже потому, что, владея дольше землей и имея возможность захватить лучшие земельные участки (когда они начинали хозяйство, наиболее плодородные земли еще не были заняты), были богаче громадного большинства вновь принятых членов.

Крестьянский мир управлялся посредством земского старосты и приказчика. В выборе земского старосты могли принимать участие все полноправные члены мира. В старосты выбирали на год крестьянина, члена данного мира, „человека добра, душею пряма, а животом прожиточна, и не вора, и не бражника, и не миропродавца, кому бы мочно в государевых делах и денежных сборах верить“ [14]). Предметами ведомства старосты были: раскладка и сбор податей, равно как сбор арендных денег с оброчников (сбор косвенных налогов по эксплуатации доходных статей обычно отдавался на веру), разверстка и наблюдение за отправлением повинностей, наблюдение над выборными на разные должности по земскому самоуправлению, местная полиция, прием новых членов мира и управление мирской землей, где таковая имелась; в особо важных случаях староста созывал сход и вершал дела, «поговоря» со всеми крестьянами; ему же приходилось ходатайствовать о нуждах мира перед воеводою. Все дела староста вел в земской избе. От несения тягла староста не освобождался, но за свою службу получал вознаграждение от мира, при чем полагалось „старостам с мирских людей сбирать наемные деньги по размету самому на себя“. Имеется указание на размер вознаграждения: в 1684 г. старосте Трошке Никифорову «найму было ряжено по 17 рублев на год». Неисполнение договора о вознаграждении вело к иску потерпе-

---

13) Музей, № 91. Акт. истор., т. 8, № 32. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, стр. 62.

14) Музей, № 254

вышей стороны, и дело решалось воеводою. По окончании своих полномочий староста расчитывался во всех мирских приходах и расходах перед миром [15]).

Совместно со старостой правил приказчик, который выбирался населением и утверждался воеводою или же назначался последним, что часто вызывало протест населения: приказчик прислан «не против великого государя указу и грамоты и не по нашему мирскому выбору» [16])—указывалось в таком случае в челобитной воеводе. Дело иногда доходило до открытого бунта: крестьяне выбирали себе нового приказчика, мир раскалывался на два враждующих лагеря, возглавлявшихся один выборным, а другой назначенным приказчиком. Например, в 1691 г. крестьяне дер. Бирюльки, Бирюльской волости, приказчиком вместо назначенного Павла Халецкого велели быть Ивану Потапову, Халецкому же «от приказу отказали»; когда тот не захотел покинуть Бирюльки, крестьяне с дубьем окружили его дом, «кричали и говорили невежливо, и бранили, и от приказу отказывали: мы, де, тебе не подсудны; выдь, де, из государева двора и волости». Затем крестьяне под руководством Потапова лезли на крышу и «кровлю ломали, двери у оней и избы рычагами ламливали, и окна поленьями и бревнами выбивали, и головни с огнем брасывали». Халецкий сперва уговаривал крестьян разойтись, а потом вооружил (2 пищали, 2 пистоли, 2 лука) бывшими с ним в избе и трое суток просидел в осаде, отражая нападение крестьян [17]).

Круг деятельности приказчика был почти тот же, что и земского старосты, но на приказчика кроме того обычно возлагалось начальное руководство обороной мира, на случай нападения со стороны инородцев, а потому приказчик выбирался, «буде сыщется», из казаков [18]).

За право обработки «собинной земли» (земли В. Сибири, как известно, были государевы) крестьяне или обрабатывали государеву десятинную пашню или платили выдельный хлеб. Как правило, государевой пашни пахали «от девяти десятая десятина в поле, а в дву потому же», при чем холостые пахали вдвое меньше женатых [19]). Это, однако, часто нарушалось. Рост государевой десят. пашни отнюдь не всегда свидетельствует об увеличении крестьянской запашки; например, крестьянин Енисейского уезда с тремя сыновьями в 1677 г. пахал собинной пашни 5 десятин в 3 полях, государевой же—

---

15) Музей, № 52 и № 53.
16) Там же, № 97.
17) Музей, № 98.
18) Там же, № 37.
19) Архив Миллера, Якутск. т. 1, л. 45 об. Доп. к акт. ист., т 10, № 57

пол десятины в 3 полях; в 1679 г. «прибавлено на него государевой пашни осмина»; в 1681 г. прибавлено к прежнему его тяглу «четь десятины с получетью, и всего ему с прежним тяглом велено пахать десятину», хотя за эти 5 лет у него «против дачи в пахоте влишке земли не об'явилось» [20]. Количество хлеба, высеваемого на государеву десятину, было повсеместно более или менее одинаково; возьмем для примера Илимский уезд, где на государеву десятину сеяли ржи по 5 пуд. на десятину, овса и ячменя по 10 пуд., а на выпаханные земли ржи на десятину сеяли по 6 пуд., овса и ячменя по 12 пуд.; в умолоте на доброй земле родилось ржи, овса и ячменя по 50—70 пуд. с десятины, а на выпаханной по 15—20 пуд. с десятины, при чем земли не унаваживались [21]. Семена на десятинную пашню то приказывалось давать государевы, то «сеять государевы пашни своими семенами» [22], что, повидимому, всецело зависело от усмотрения воеводы.

В случае неурожая правительство оказывало пострадавшим помощь; например, в 1676 г. в Бирюльской волости крестьянам, у которых хлеб весь вызяб, было выдано на семена чети по 2 и по 3, чтоб крестьян удержать в волости, чтобы они не разбрелись, и «вел. государя десятинной пашни не запустить»; когда в 1679 г. наводнением вымыло пашни чичуйских крестьян, им была дана на два года льгота в мирских податях, но десятинную пашню было приказано пахать без льготы [23].

К десятинному хлебу крестьяне выбирали целовальника, «человека добра, душею пряма, животом прожиточна», ему следовало «на полях жать дозирать, у умолоту быть беспрестанно и, в житницу всыпав, дозирать, во всем радея накрепко, и над десятинным хлебом никакой порухи не учинить, и самому не покорыстоваться, и без указу хлебом никого не ссудить, и николи не продать и не сгноить» [24]. При сборе десят. хлеба находились присылаемые правительством выдельщики; количество собранного хлеба тщательно записывалось. Злоупотреблений при сборе десят. хлеба было чрезвычайно много; постоянны жалобы, что выдельщики берут посулы великие и выделяют хлеб неправильно [25].

Пахоту государевой пашни иногда заменяли сбором десятого или пятого снопа с крестьянской пахоты, что бывало обычно в том случае, если у крестьян собинной пашни

20) Обозрение, стр. 65.
21) Там-же, стр. 308.
22) Архив Миллера, т. 1, л. 45 об—46.
23) Доп. к акт. ист., т. 8. № 34 и № 51.
24) Музей. № 171.
25) Доп. к акт. истор., т. 8. № 53.

оказывалось «влишке». Например, в 1673 г. в Енисейском уезде было велено осмотреть собинные пашни пашенных и сброчных крестьян и, если окажется лишняя пашня, которой владеют сверх указу, то счесть сколько у кого вспахано и посеяно на излишке, сколько сжато и сколько доведется на государя выделить пятым снопом. В 1672 г. в Илимске нормальным крестьянским наделом, с которого пахали десят. пашню, было 4 десятины в 3 полях, с лишней же собинной пашни платили выдел десятым снопом [26]). Следует отметить, что в среднем размер крестьянской запашки был довольно значителен; например, в 1676 г. в Якутском уезде старых пашенных крестьян и новиков жило 106 человек, пахали государевой пашни 60 дес. с четью десятины ржаного, да 35 дес. с полудесятиною без чети ярового, при чем в Чичуйской волости жило 70 человек, которые и пахали государевой пашни 44 дес. ржаного, да 23 дес. с получетью ярового хлеба. В 1692 г. в Бирюльской волости Якутского уезда жил 31 пашенный крестьянин (хозяин); десят. пашни пахали: четверть десятины шестеро, пол десятины—24, целую десятину—один; наилучший урожай был 700 снопов с десятины, средний 460—400 снопов; в том же году в Тутурской волости: 7 пахало по пол десятины на государя, 4—по целой десятине; наилучший сбор 700 снопов с десятины, средний 300 [27]). На государя кроме ржаного и ярового хлебов брали десятую часть соломы и ухоботья [28]).

Крестьянам, лишь начинающим хозяйство, оказывалась правительственная помощь; обычно приказывалось на одну лошадь дать деньги без возврата, а на другую—взаймы на два года; без возврата давался также пашенный завод: серпы, косы, сошники. Деньги, дававшиеся без возврата, и необходимейший домовый завод назывались подмогою и давались из рассчета на четь десятины по 2 р. с полтиною. Кроме подмоги иногда давали еще подлежавшую возврату ссуду; напр., в 1677 г. было дано из казны чичуйским новопашенным и старым крестьянам на ссуду 75 четьи с полтретником ржи, 39 четьи без четверика ячменя, при чем было велено все это получить обратно в 1679 году [29]).

Подмога и ссуда давались на обработку земельного участка. Кроме того желающим давались еще заемные деньги. С крестьянина, взявшего подмогу, ссуду и заемные деньги, брали поручную запись в пашне, в ссудных и заемных деньгах, [30]).

---

26) Архив Миллера, Якутск, т. 1, л. 46. Обозрение, стр. 60 и 307.

27) Архив Миллера, Якутск, т. 2, л. 208. Музей, № 77.

28) Историческая библиотека, т. 8, № 12.

29) Архив Миллера Якутск, т. 1, л. 48.—Доп. к актам ист., т. 8, №№ 109 и 51 т. 11, № 76.—Акты ист., т. 3, № 172.

30) Архив Миллера, Якутск, т. 1, л. 45 об.

Иногда пашню пахали «изо льготных лет», причем требовалось сообщать воеводе, как посажены крестьяне «из подмоги или из скольких лготных лет льгота» [31]).

Кроме десят. пашни крестьяне подлежали различного рода повинностям и поборам; как те, так и другие были весьма разнообразны и зачастую обусловливались потребностями текущей жизни. Напр., в 1679 г. было приказано собрать с крестьян Чичуйской волости пеньки, 30 ведер смолы, 6 саней, дровни, да из лесу добыть 30 досок кедровых, 15 дуг черемховых; в 1699 г. крестьянам Оекской слободы было приказано доставить в Иркутск 117 пуд. зерна на винное куренье; крестьяне должны были давать подводу, а зимой и теплую одежду для колодников, ссылаемых к ним на срок в деревню; провинившихся казаков ссылали на определенное время в деревню с приказом пашенным крестьянам держать их под крепким караулом [32]). Наиболее тяжелым видом натуральной повинности было для крестьян городовое дело, постройка и починка острогов, равно как различного рода правительственных зданий, хотя и производимая обычно не в пашенное и деловое время, «чтоб оттого никаких чинов людем тягости и убытков и десятинной пашни недопашки не было»; иногда личная работа заменялась денежным сбором; напр., в 1679 г. было приказано с нескольких волостей с пашенных крестьян и с оброчников на постройку новой таможенной избы с чети десятины собрать по гривне [33]).

Развивался мир в деревнях заимочного типа и в пашенных слободах, создавшихся не постепенно, а сразу, по воле правительства. Рассмотрим сначала образование мира в деревне, выросшей из заимки.

Деревней назывался двор или некоторая сумма дворов; напр., «деревня, а в ней пашенный крестьянин Шестачко Филиппов сын Кузницын; у него старого тягла 1½ десятины, да вновь тягла наложено ½ десятины яровые пахоты», деревнями же названы Лог из 18 дворов, а также Лог из 6 дворов, Городище из 13 дворов [34]). Двор был окружен хозяйственными постройками; упомяну хлев, сарай, амбар, иногда поварня и юрта, дальше баня, овин с гумном, мякинница, затем тянулись огороды, коноплянники; к деревне прилегали угодья; у каждого двора была своя пашенная земля, засеваемая рожью, на севере кроме того овсом и ячменем, на юге рожью, пшеницей, ов-

31) Архив Миллера. Якутск, т. 1, л. 131 об.

32) Доп. к акт. ист., т. 8, № 51, № 53. — Музей, № 64. Обозрение, стр. 170 — Архив Миллера, Якутск, т. 3, л. 193.

33) Архив Миллера, Якутск, т. 2, л. 310 об.—Доп. к акт. ист., т. 7, № 74.—Музей, № 46.

34) Обозрение, стр. 62, 355.

сом, гречихой и просом. Господствовала трехпольная система севооборота. Сенные покосы и выгон для скота часто был общим [35]). Во дворе жили родители с детьми, причем женатые сыновья жили обычно вместе с отцом, братья, племянники, захребетники, приемщики, т. е. приемыши.

Деревня, состоящая из одного двора, называется то деревней, то заимкой [36]).

В Енисейском уезде преобладали деревни сравнительно многолюдные; напр., в 1634 г. было 15 деревень, в которых жило 207 пашенных крестьян, на государя пахали 132 десятины, в Илимском же уезде крестьяне жили однодворками, лишь кое-где по два и по три двора, а деревень было весьма значительное количество; напр., на карте Семена Ремезова [37]) находим пометку «от Илимска вниз до устья 104 версты, а живут по обоим сторонам крестьяне пашенные». Деревни однодворки носят обычно название по прозвищу или по имени владельца, деревни же, состоящие из 2-3 дворов,—напр., Марнеловых, Кризых, Смоленских и т. д.,—по прозвищам владельцев, и являются в сущности разросшейся семьей. Указаний на долевую деревню не встречается; нет выражения пол деревни, четверть деревни, а наоборот, очень часто имеются замечания, что все члены такой деревни-семьи обрабатывают землю «впоовал», «вопче». Если не хватало обработанной земли и было силы поднять целину, то общими силами увеличивали запашку, а не делили между собою распаханную землю; напр.. Губин Федор, кроме полудесятины десятинной пашни и собинной $2^1/_4$ десятины, вспахал и засеял лишних 2 десятины без чети ржи и ярового хлеба (овса) десятину, с которых им было ужато 13 сотниц ржи и 8 сотниц овса; Марчко Васильев с 2 братьями и женатым сыном в 1671 г. пахали десятинной пашни пол десятины, собинной $2^1/_4$; в 1672 г. у них было вспахано и посеяно на себя «влишке» собинной пашни 3 дес. без чети ржи, «а с того севу ужато с лишние земли 20 сотниц 50 снопов ржи» [38]).—Случалось, что крестьяне к своему земельному участку для его расширения припускали новых жильцов; указанное присоединение часто закреплялось особым актом—припускной грамотой; такого рода семья, составленная из двух или более несвязанных кровным родством членов, являлась в сущности союзом нескольких капиталов и рабочих рук, об'единившихся для ведения крестьянского хозяйства. Семейный союз увеличивался также посредством насильственных браков

[35]) Доп. к актам. ист., т. 8, № 48.
[36]) Доп. к актам ист., т. 11, № 11.
[37]) Обозрение, стр. 142. Чертежная книга Сибири, составленная С. Ремезовым в 1701 г. Издание Археографической комиссии.
[38]) Обозрение, стр. 307.

с лицами, совершенно чуждыми и даже нежелательными для семьи, а именно путем браков с преступниками, ссылаемыми в пашню; было приказано старым пашенным крестьянам своих дочерей и племянниц выдавать замуж за холостых ссыльных «воров, разбойников и мошенников, чтоб тем тех ссыльных холостых людей от побегу унять и укрепить» [39]); в виду постоянных протестов крестьян данную меру приказывалось проводить с жесточью; ослушникам грозили штраф и батоги. Сверх того правительство иногда приписывало новых членов к деревне, давая им самостоятельные участки земли и все необходимое для ее обработки (в одном случае на 40 заимок-деревень с населением в 69 крестьян были пристроены 151 крестьянин); порою к заимкам прибавливали ссыльных; иногда новому члену отводилось земли больше, чем старым. Тяглый участок мог числиться не только за мужчиной, но и за женщиной; вдова тянула всякие подати и тягло вместе с миром с доставшегося ей по наследству участка [40]). Если деревня достигала значительных размеров, она образовывала крестьянский мир, в противном случае правительство соединяло несколько мелких деревень в один мир.

Обратимся теперь к образованию крестьянского мира второго типа. Новоприборных крестьян, переведенцев, а иногда, взятых из многолюдной волости старых пашенных крестьян, правительство селило по близости от новопостроенного острога или же «на братские степи и на кочевья», слободами семей по 50 и по 100 и больше [41]). Часто в слободах бывали церкви. Слободские крестьяне наделялись вышеописанным способом землею, получали права и обязанности миров; кроме того на обязанности слободских крестьян лежало «гонбу гонять и под соболиные и под всякие казны подводы давать» [42]).

Мир нужен был правительству, так как гарантировал ему более или менее исправное несение населением податного бремени и отправление общественных повинностей, бесплатно нес полицейские обязанности, давал правительству кадр местных мелких бесплатных начальников, более честных, менее злоупотреблявших своей властью, чем приказные.

Если у мира оказывались свободные земли, выморочные или запустевшие вследствие бегства владельцев, то эти земли сдавались на оброк; так, напр., в д.д. Кудинской и Карпуцкой было 4 оброчника, в Урике 5 оброчников, в Оецкой—13 оброчников, в Сретенской—7 оброчников, в Смоленской—

39) Акт. ист., т. 4, № 27.
40) Обозрение. стр. 300. 147, 142.
41) Архив Миллера, т. 3, л. 75 об. Доп. к акт. ист., т. 8, № 109.
42) Доп. к акт. ист., т. 8, № 53.

8 оброчников. Судя по тому, что на всех этих оброчниках числились более или менее значительные недоимки, можно предполагать, что оброчниками были малоимущие и слабые в хозяйственном отношении люди, у которых не хватало силы взять на себя тяглый участок земли; оброчник не член мира, в условиях обычной жизни он не принимал участия в делах мира и не пользовался правами его члена; оброчники не пахали десятинной пашни, а уплачивали оброк 5, 7 или 10-м снопом; отправлению же повинностей, равно как уплате экстренных налогов, оброчники подлежали наравне с членами мира [43]).

Упомянем о крупных заимочниках, хотя они и не имели отношения к миру. Землю можно было брать и не от мира; кто чувствовал себя настолько богатым и сильным, что мог вести хозяйство и без поддержки мира, отыскав удобное для себя дикое поле, обращался к воеводе с челобитной дать эту землю ему для обработки; воевода, наведя справки, не была ли эта земля уже кому либо отдана и не находится ли она во владении ясачных инородцев, давал на землю отводную; начинающим обрабатывать землю правительство давало ссудные и заемные деньги, назначало льготные годы, но некоторые были настолько богаты, что отказывались от заемных денег и не брали ссуды; за право владеть землей платили выдельным снопом 5-м или 7-м, иногда пахали «в девяти десятая десятина в поле, а в дву потомуж» на государя; при заключении условия бралась поручная запись, в которой говорилось, что новый владелец обязан «пашня пахати и не покинуть», изредка в условия вносился следующий пункт: по истечении 10 лет «на той земле двор с всяким дворовым строеньем и всей его пахоты половина земли взять на государя»[44]). Заимки бывали довольно значительных размеров; напр., в Чичуйской волости заимка одного пашенного крестьянина была такова: десятинной пашни пахалась 1 десятина, собинной 9 десятин с четью, «да у него же паханые земли 18 десятин, да перелогу 16 десятин добрые земли, да лесом поросло 12 десятин середние земли, всего паханые земли 56 десятин с четью (в 3 полях), да сенных покосов 600 копен». Большие участки земли разрабатывались наемными людьми[45]). Владельцами их иногда были выходцы из Евр. России, которые, укрепившись на новой земле, обращались к воеводам с челобитной о разрешении выписать в Сибирь свою семью.

---

43) Музей, № 21, 36, 44, 51, 63, 18, 83, 22, 78.

44) Доп. к акт. ист., т. 2, № 22, № 29, № 292, т. 5, № 28. Музей, № 19, № 109, № 84. Архив Миллера, Якутск, т. I, л 44 об.

45) Обозрение, стр. 300. Архив Миллера, Якутск, т. 1, л. 330.

Экономическое положение членов мира далеко не было однородным; по степени зажиточности они разделялись на прожиточных добрых, средних и молодших; количество лошадей у крестьянина может отчасти служить показателем его благосостояния: середним считался крестьянин, имевший 8—10 лошадей, меньше 4—молодшим, от 15 до 20—прожиточным[46]). Но беда и разорение ежедневно грозили крестьянину. Вредили ему ясачные инородцы шли они войной на пашенных крестьян, до смерти побивали; проезжавшие послы от тайшей, Богдойского хана, якутских бояр со свитой хлеб и сено травили, нападали разбойничьи шайки; случалось, что наезжали свои же русские служилые люди и грабили; часты бывали неурожаи, обычно из-за неожиданных заморозок среди лета. Разоренный крестьянин бывал принужден уступить—заложить или продать часть своей земли более удачливому или предприимчивому соседу, а в результате приходилось расстаться и с остальною землею. Сильные духом, бросив насиженное гнездо, брели искать счастья в далекой Даурии, у Богдойских людей, в царстве китайского хана, счастливо минуя заставы, поставленные воеводами для ловли беглых, мимо которых проводили окольными дорогами крестьяне же, сочувствовавшие беглецам; бедняки буйного нрава, покинув пашни, образовывали разбойничьи шайки, грабившие крестьян и торговых людей, нападавшие и громившие даже остроги; робкие бедняки-незадачники, каковых было все же большинство, превращались в безземельных бобылей, шли в половники и захребетники к богатым крестьянам[47]). За половника подати обычно уплачивал его хозяин, что значительно облегчало участь бедняка, но с другой стороны постепенно превращало его из вольного человека во владельческого крестьянина; освобождение от тягла вместе с тем выкидывало его из членов крестьянского мира.

На ряду с обезземелением и слабостью одних росло многоземелье и сила других, которые могли брать на себя большие земельные участки, часто распахиваемые «наймитами», в горячее время по дорогой цене,—таким путем много хлеба скапливалось в руках местных прожиточных людей, из числа которых выбиралась вся земская администрация. Голодные годы заставляли «займоваться» хлебом у прожиточных, что еще более увеличивало их экономическую мощь и влияние в крестьянском мире.

---

46) Обозрение, стр. 354.

47) Доп. к актам истор., т. 3, №№ 4, 113; т. 4, №№ 24, 33; т. 8, №№ 34, 48, 106, т. 9, № 57. Акты истор., т. 5, № 247. Архив Миллера, Якутск, т. 2, л. 9. Музей, № 76 Обозрение, стр. 187.

Из Москвы почти ежегодно посылались приказы воеводам, чтобы «никаких русских людей и иноземцев в Сибири в холопы себе не имали», равно как „заемных кабал и иных крепостей ни на кого не имывали“. Что же было в действительности? Холопы существовали, но, как известно, холопами бывали почти исключительно иноземцы, а потому останавливаться на вопросе о холопстве не будем. Интересным и неожиданным для Сибири является довольно широкое распространение крепостничества среди русского крестьянства.

Грамоты зачастую отмечают крепостных работников, женок и девок, но с холопами их не смешивают, напр., у пашенного верхоленского крестьянина Ефимки Устюжанина было 5 крепостных работников; из Верхоленска бежал дворовый работник Сидорко Тимофеев, принадлежащий Алешке Беляеву, унесши с собою письменную крепость на себя, в Якутске казак Сергушка Мухачев променял свою крепостную девку на крепостную женку Мишки Антипина[48]) и т. д. Крепостными этого рода были люди, жившие у своих хозяев в работниках по закладным и различного рода жилым записям; напр., грамоты говорят нам о женке, которую ее муж „заложил в работу“ на 12 лет «за коня доброго, кобылу бережую добрую, да жеребенка годовалого», причем хозяину «вольно ее на сторону отдать»; о девке Дуньке, которую отец «заложил в работу» за 5 рублей, обусловив, чтобы, «как отойдут работные лета, вдать ее, девку, замуж, за кого она, девка, похочет»; часто в крепостные работники «давались за долг»; напр., казаку Мишке Липе дался за долг Микитка Трофимов, причем в данной на себя записи оговаривает, что Липа должен его женить, поить, кормить, а он, Микитка, будет ему за то всякую работу работать, равно как его будущая жена и их будущие дети [49]). Сохранилось много жалоб крепостных работников на жестокое обращение с ними хозяев; на челобитные такого рода неизменно клалась резолюция: отдать хозяевам впредь до государева указа; напр., Дуньку Иванову, крепостную работницу, принесшую жалобу, что ее хозяева «бьют и увечат напрасно», велено возвратить им из приказной избы впредь до государева указа [50]). Как видим, хозяева имели над крепостными работниками ту же полноту власти, что и над холопами; но все же дворовые крепостные работники отличались по своему юридическому положению от последних; так, работники не лишены были возможности выкупиться: напр., в Якутске, в приказной избе перед стольником воево-

48) Муз. гр. № 23, 38, 183.
49) Акты, отн. до юридич. быта, т. 2, № 126. Муз. гр. №№ 152, 121.
50) Там же, гр. № 145.

дою Зиновьевым била челом крепостная женка Аринка, что ей откупиться есть чем, и заявила, что даст за себя своим хозяевам девку [51]). Если хозяева из города, где на крепостного была взята крепость, переезжали в какой-либо дальний город, то крепостные получали свободу; например, живших во дворе в Якутске у боярского сына Петра Ярыжкина парня Савку и девку Ульянку, согласно их просьбе, было приказано освободить, когда Петра Ярыжкина послали в Дауры [52]).

Случалось, что безземельные гулящие люди или обедневшие, утерявшие свою землю крестьяне давали на себя ссудные записи, в которых говорилось, что они обязываются за таким то «во крестьянех с женами и детьми жить вечно» и на заимодавца «по вся годы пахать и сеять по десятине ржи на год», за что заимодавец давал «денежную и скотинную» ссуду и «в подмог» всякий пашенный завод, равно как женил не женатых [53]). Как видим, давшийся во крестьяне, получив землю, ссуду, подмогу, закреплял свои обязательства отказом от права разорвать когда-либо заключенный договор; последнее обстоятельство превращало такой договор в личную крепость на давшего ее, равно как и на его потомство; но подобная крепость вместе с тем все же давала право заимодавцу лишь на часть крестьянского труда, а не на весь, как на труд дворового крепостного работника. Словом, здесь мы имеем дело с основными элементами крепостного права на крестьянина. Правительство стремилось ограничить растущее крепостное право и для этого неоднократно предписывало, чтобы крестьян, прибранных и построенных не в правительственную пашню «свесть» и «построить в нашу десятинную пашню на добрых пашенных новых землях» [54]).

Подведем итог сказанному. При завоевании и укреплении захваченной территории В. Сибири мы наблюдаем почти ту же картину, что и при завоевании южной Украйны Евр. России [55]), но закреплять завоеванный край московскому правительству здесь приходилось, главным образом, не служилыми людьми, а крестьянскими мирами, членами которых по преимуществу были выходцы из Поморья. Если в Европейской России главным обеспечением служилого класса была земля и на ней крестьянский труд, при чем правительство обращало на южной половине государства громадные площади

---

[51]) Там же, гр. № 132.

[52]) Доп. к акт. ист., т. 8, № 99.

[53]) См., например, образцы записей в газете „Сибирь“, 1911 г., февраль.

[54]) Доп. к акт. ист., т. 8, № 48.

[55]) Ср. С. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве, стр. 84—95.

населенной земли в обладание служилых людей, а крестьянские миры, находившиеся на этой земле, или вовсе разрушались, или целиком входили в сферу хозяйственного влияния частных лиц, в В. Сибири служилый класс не пользовался обязательным крестьянским трудом за свою службу государству, являлся лишь завоевателем края, настоящим же владетелем и закрепителем его являлся крестьянский мир. Крестьянский мир был своего рода общиною без принудительного уравнения участков и, следовательно, переделов. Община эта создавалась правительством путем присоединения к семье заимочника чуждых ей по крови лиц, причем из союза крестьянских хозяйств одного или нескольких селений образовывалась община; указанные общинные порядки устанавливало правительство и в слободах. В экономическом отношении община не была однородна: были крестьяне богатые, владевшие крепостными, были крестьяне бедные, которых затем горькая нужда заставляла покинуть землю, тем самым выйти из состава общины, и стать, буде пожелают, крепостными. Всякий крестьянин был крепок земле, которую обрабатывал, «на которой сидел»,—это явление права государственного, крестьянин мог быть крепостным, но это уже явление права частного. Прикрепление к земле и крепостничество были явлениями, в основе своей ничего общего между собою не имеющими; первое было создано правительством, второе возникло чисто житейским путем.

Анна Пруссак.

Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину 19 в.

I

Бумажные деньги в России, как известно, были выпущены под названием ассигнаций в 1769 году. Основной причиной, вызвавшей их появление, был рост торговых оборотов, который требовал замены представлявшей массу неудобств металлической монеты, особенно медной (для уплаты 25 рублей приходилось таскать с собой полтора пуда меди).

Первоначально русские бумажные деньги изготовлялись с помощью тех-же приемов, как и всякие другие бумаги. В 18 веке бумажное производство и типографское искусство не только у нас, но и в Западной Европе, стояли еще на невысокой ступени развития. В 1768—85 годах бумага для русских ассигнаций, лучшего по тому времени качества, приготовлялась на Красносельской бумажной фабрике [1]). Печатание и штемпелевание ассигнаций производились просто в сенатской типографии, и при сенате же, в особой экспедиции, хранилась и приготовленная ассигнационная бумага и отпечатанные ассигнации [2]). Появление фальшивых ассигнаций заставило принять меры к качественному улучшению ассигнационной бумаги. В этих целях в 1785 г. была устроена в Царском Селе особая „бумажная мельница", которой и предстояло вырабатывать такую бумагу для ассигнаций нового образца, чтобы она „во всем разнилась" от остальных производившихся тогда в России сортов бумаги, и чтобы никто не мог уже „подделываться" под эту бумагу „как в белизне ее, так в прочности, тонкости и мягкости" [3]). Для этого „скрытым образом из чужих краев" доставлены были машины, каких не было в России, „да и самые мастера и подмастерья выписаны были тайным образом таковые, каковых в искусстве делания бумаги" в России не находилось [4]).

Царскосельская бумажная мельница и сенатская типография под руководством „Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций" занимались изготовлением последних вплоть до открытия в 1818 г. *Экспедиции заготовления государственных бумаг.* Производительность указанных учреждений дошла к первым годам 19 века до 4 миллионов листов ежегодно, а в 1812—13 годах увеличилась до 9 миллионов [5]).

---

[1]) Архив кредитной канцелярии, 1814—22 г., дело № 39, отд. III — „О устройстве нового заведения для делания ассигнаций".

[2]) Архив сената, дело канцелярии генерал-прокурора, 1779 г., № 308, л. 31.

[3]) Полное собрание законов, № 13220.

[4]) Архив экспедиции заготовления гос. бумаг, 1785 г., дело № 1/15, 1 разряд, „Наставление о производстве ассигнационных листов".

[5]) Архив кредитной канцелярии, 1814—22 г., дело № 39, отд. III, л. 33.

В типографии печатания ассигнаций находилось в 1803 г. 29 человек, среди них: фактор, получавший 350 р. в год, факторский помощник—250 р.; словолитец—250 р.; при печатании ассигнаций находилось: двое тередорщиков, старший и младший с окладами в 250 и 200 р., и пять батырщиков—по 150 р.; при нумеровании ассигнаций и печатании бумаг для разных казенных мест состояло восемь наборщиков—по 200 р.; при штемпелевании ассигнаций трое штемпельщиков—по 200 р., и трое помогавших им рабочих—по 150 р.

На царскосельской бумажной фабрике в производстве бумаги участвовало в 1803 г. 44 человека. В числе их были: мастер, получавший 1.600 руб., двое подмастерий—500 и 300 руб., красильщик—500 руб., двое формовщиков—300 и 200 руб., и при них двое учеников—по 120 руб., шесть черпальщиков, из которых двое получали по 200 руб., а четверо—по 150, шесть валяльщиков—по 140 руб., шесть выметчиков—по 120 руб., шесть учеников бумажного дела—по 96 руб., и 9 мальчиков по 40 руб., двое столяров по 200 и 150 руб., при них один ученик, получавший 96 руб., и двое чернорабочих—по 10 руб. в месяц.

Возникновение в 1818 г. Экспедиции заготовления государственных бумаг, заменившей Экспедицию заготовления листов для государственных ассигнаций с ее типографией и бумажной фабрикой, было вызвано необходимостью вновь повысить качественную сторону ассигнаций, как в смысле выделки их бумаги, так и в смысле их печатания и гравирования. Дело в том, что количество фальшивых ассигнаций и после введения в 1786 г. бумажных денег нового образца продолжало регулярно расти, причем особенно увеличилось со времени вторжения в Россию Наполеона, который обычно возил при армии запасы поддельных бумажно-денежных знаков тех стран, с которыми воевал [6]). Устроителем заведения, где должно было быть сосредоточено производство ассигнационной и гербовой бумаги и ее печатание, явился известный инженер Бетанкур [7]). На левом берегу Фонтанки, в Петербурге, было выстроено в 1816—18 годах здание для бумагоделательной фабрики и типографии, а также жилые корпуса.

Новому учреждению предстояло приготовить 46.200,000 ассигнационных листов, чтобы заменить ими обращавшиеся в стране прежние ассигнации. Для этого требовалось 536 рабочих и служащих. Когда к половине 1822 г. операция по усиленному выпуску ассигнаций нового образца была выполнена, состав Экспедиции был сокращен сначала до 423 человек, а в 1803 г. до 330 человек. Вплоть до 1861 г. личный состав экспедиции заметным образом увеличился дважды—в 40-х годах, в виду изготовления новых денежных знаков—кредитных билетов, заменивших ассигнации, а затем в 50-х годах, когда крымская кампания потребовала усиленного выпуска бумажных денег. Эти увеличения уже не носили временного характера, так как по мере развития в стране капиталистических отношений производство Экспедиции неуклонно росло: она изготовляла не только денежные знаки, но и всевозможные другие ценные бумаги. В 1858 г. количество рабочих было доведено до 473 человек, из которых 40 предназначалось для хозяйственно-полицейской части, а остальные для бумагоделательных мастерских и типографии. В числе 473 штатных мастеровых состояло 53 крепостных и 420 рекрут, взятых из военного ведомства. Вскоре из военного ведомства были затребованы еще 170 человек, так что ко времени

---

[6]) Архив кредитн. канцелярии, 1818—19 г.г., дело № 135, стд. 3, л. л. 112, 113; архив государств. совета, общее собрание, 1818 г., дело № 11, л. 2. *Э. Эпштейн*, „Бумажные деньги в Италии, Австрии и Сев.-Американских Соед. Штатах“ (1895 г.), стр. 70 и 71 прим.

[7]) Русский Биографический Словарь.

преобразования экспедиции в 1861 г. в ней находилось до 650 мастеровых и свыше 100 мастеров, подмастерьев и служащих [8]).

Лица, составляющие рабочую команду Экспедиции со времени учреждения ее до 1861 г., распадались на вольнонаемных и обязанных. Первых было, сравнительно, немного. К ним принадлежали все мастера, бывшие на первых порах почти исключительно из иностранцев, а также часть подмастерьев. По мере же того, как Экспедиция сама стала подготовлять кадры необходимых ей квалифицированных рабочих, число вольнонаемных мастеров и подмастерьев начало падать, а число казенных расти. Так, в 1818—27 гг. было в среднем 30 вольнонаемных и всего только 14 казенных; в следующие два десятилетия цифры эти были уже обратными, а именно 23 и 21, 24 и 32; наконец, в пятилетие с 1848 г. по 1852 г. вольнонаемных мастеров и подмастерьев было лишь 20, а казенных уже 37. К числу вольнонаемных принадлежали, кроме мастеров, еще большею частью счетчики, нумеровщики, присяжные, курьеры и сторожа. Так как на эти места требовались люди грамотные, то набирать их из рекрут представлялось затруднительным. Незначительность вольнонаемных мастеровых и рабочих в Экспедиции сравнительно с количеством обязанных была явлением, общим для всех бумагоделательных фабрик той эпохи. Известно, напр., что в 1825 г. во всех 87 заведениях состояло 8.272 рабочих и из них — только 2.019 вольнонаемных. Но на остальных русских фабриках и заводах в первой половине XIX в. вольнонаемных и обязанных рабочих было обыкновенно поровну [9]).

В состав обязанных мастеровых и рабочих Экспедиции входили, с одной стороны, крестьяне упраздненной в 1818 г. царскосельской ассигнационной мельницы и купленной в 1834 г. у барона Раля екатерингофской бумажной фабрики, с другой—рекруты и отчасти питомцы петербургского воспитательного дома, при котором существовала типография, где призреваемые мальчики приобретали предварительную подготовку [10]). Рабочую команду Экспедиции решено было также комплектовать в последующее время детьми лиц, служащих в ней. В 1819 г. было предписано, чтобы дети причисленных к Экспедиции с царскосельской мельницы мастеровых и инвалидов, а также и поступивших из военного ведомства служителей, „остались бы при отцах в ведении Экспедиции для успешного приучения к работам" [11]). В состав рабочих Экспедиции они поступали с 12-летнего возраста [12]). Однако, названными детьми нельзя было в достаточной мере пополнять комплект мастеровых, и присылка рекрут продолжала попрежнему служить главным источником рабочих рук.

II.

В 1820-х годах отдельные мастера и подмастерья—по штату их было 38 чел.—получали следующее годовое жалованье [13]): *В бумагоделательном отделении*: бумажный мастер—4.000 р., старший подмастерье—2.000 р., 3 помощника по 500 р., 3 клейщика по 300 р., красильный мастер—700 р.,

---

8) Архив экспед. загот. гос. бумаг, 1858 г., дело № 564 801, 1 разр., л. 4.

9) М. Н. Туган-Барановский. „Русская фабрика в прошлом и настоящем" (Изд. 2-е, Спб. 1900), стр. 89.

10) В. Я. Адарюков. „Очерк по истории литографии в России" (СПб. 1910 г.), стр. 57, прим. 78-е.

11) П. С. З., т. XXXVI, № 27851: Арх. Э. Дело № 84 7, I разр., 1819 г.: Арх. кред. канц. Дело № 8, I разр., 1821 г.

12) Арх. Э. „Журналы и постановления", кн. XI, протокол от 19 янв. 1821 г.

13) Архив кред. канц., дело № 55, 1820 г. Проект штата, представ. в 1820 г., лл. 4—15.

помощник его—500 р., белильный мастер—2.000 р., 2 помощника его по 1000 р., мастер при паровой машине -500 р., *в типографском отделении*: граверный мастер -4.000 р., помощник его—1.500 р., гравер—2.000 р., резчик—1.200 р., 2 плавильщика букв по 1.000 р., столярный мастер—1.200 р., механический мастер—4.500 р., помощник его—1.800 р., 5 слесарей по 800 р., токарь—1.000 р., мастер печатания—4.000 р., помощник его—1.500 р., 6 чел. для наблюдения за исправностью печатания листов по 1.500 р., литографический резчик -1.000 р.

Вместе с ростом численности мастеров и подмастерьев, дошедшей в 1852 г. до 61 чел., увеличивались и платившиеся им оклады жалованья. Получая хорошее, а иногда и исключительно хорошее для своего времени содержание, вольнонаемные мастера и подмастерья большею частью служили по контрактам, в которых обозначались как срок службы, более или менее продолжительный, напр., 12 лет, так и размеры вознаграждения, а также, обычно, пользование казенною квартирою и отоплением [14]). За особо добросовестную службу мастера и подмастерья получали денежные награды.

Следующую группу рабочих, в смысле вознаграждения, составляли: формовщики, писцы, счетчики, курьеры, нумеровщики, присяжные и сторожа. Старший формовщик получал 800 руб., младшие формовщики, а также нумеровщики и писцы по 500 руб., курьеры по 400 руб., счетчики по 300 руб., присяжные по 250 руб. и сторожа по 150 руб. [15]). В силу введенных в 1832 г. правил о вознаграждении лиц, имеющих право на звание канцелярских служителей, в 1840 г. многие из служащих в Экспедиции получили значительные прибавки: так, трем нумеровщикам было назначено добавочных по 166 руб. 66 коп., восьми счетчикам—по 100 руб., семи присяжным—по 83 руб. 73 коп., трем сторожам — по 50 руб. Вольнонаемным нижним служителям были предоставлены две важные привилегии, которыми пользовались и чернорабочие из бывших крепостных царскосельской и екатерингофских фабрик [16]),—освобождение, во время службы, от податей и воинской повинности. Экспедиция хлопотала о присвоении вольнонаемным нижним служителям за выслугу классного звания. Но комитет министров отказал на основании следующих соображений: во-первых, „со многими из служительских должностей соединены самые низкие, черные работы, которых, конечно, нельзя почитать линиею к достижению классного звания, приносящего с собою личное дворянство", во-вторых, „производить людей сего рода в классное звание значило лишить их в будущем всякого пропитания, ибо к занятиям, сему новому состоянию соответственным, они не способны; работы же и услуги, простолюдину свойственные, сделаются для них неприличными и даже непозволительными [17]).

Что касается вознаграждения чернорабочих, то годовое содержание каждого из них вплоть до 1861 г. в среднем доходило до 250 руб. ассигнациями. Как ни незначительна была эта цифра, но при тогдашней стоимости денег ее, повидимому, было достаточно, тем более, что рабочие пользовались казенным помещением.

Вообще можно сказать, что положение рабочего персонала Экспедиции было несколько лучше по сравнению с положением крепостных и посессионных рабочих на других казенных и частных фабриках и заводах. Заработная плата в Экспедиции значительно превышала обычные ставки

14) Арх. Э. Дело № 200 1, 1 разр., 1834 г., лл. 47—48, и дело № 400 147, 1 разр., 1852 г., лл. 5-6.
15) Арх. кред. канц. Дело № 55, 1820 г., см. проект штата, составленный Хованским, лл. 4—15.
16) Арх. Э. Дело, № 221/7, 1 разр., 1837 г.
17) Полное собрание законов. № 5844.

остальных писчебумажных фабрик. Напр., в конце 20-х годов 19-го в. на фабрике Серебряковых, в Мещовском уезде, Калужской губернии, платили в месяц: черпальщику—9 руб., валяльщику—8 руб., с'емщику—7 р. 50 к., рольщику и формовщику—по 6 руб., вешальщику бумаги — 4 руб. и женщинам—3 руб. 50 коп.; приблизительно такая же плата существовала и на фабрике княгини Козловской той же губернии и уезда [18]). Что касается ставок для рабочих, занятых в типографском деле, то данные, относящиеся к сенатской типографии, подтверждают факт лучшего обеспечения рабочих Экспедиции.

В рабочей среде Экспедиции не наблюдалось той ожесточенной борьбы труда и капитала, которая обычно происходила на русских фабриках и заводах в эпоху „первоначального капиталистического накопления", когда прибыль выжималась путем ничем несдерживаемой эксплоатации рабочей силы. Рабочие Экспедиции не прибегали даже к такому пассивному средству самообороны, как самовольному уходу. Так, в 1834 г. по случайному поводу был засвидетельствован тот факт, что никто из обязанных рабочих Экспедиции, с основания ее не бегал [19]), между тем как побеги в других казенных фабрично-заводских предприятиях были явлением довольно частым. Конечно, за провинности и проступки рабочие подвергались таким же суровым наказаниям, вплоть до сечения розгами, какие тогда были в употреблении относительно лиц „непривилегированных", но обращаться к этой мере приходилось сравнительно редко. В крайних случаях рабочие, если они были из рекрут, отсылались „за дурное поведение" и „в пример другим" в военное ведомство. Но таких отсылок было также сравнительно мало [20]).

Возможно, что благодаря сносному экономическому положению рабочих, редки были покражи листов ассигнаций или гербовой бумаги, а также принадлежностей для типографских и литографских работ. Наконец, совершенною редкостью являлись массовые беспорядки среди рабочих. Правда, согласно характеру эпохи, не было и в обычае о подобных происшествиях распространяться, но все же убедительно то, что даже в секретной переписке Экспедиции за всю первую половину 19-го века встречаются только два упоминания о волнениях среди рабочих, упоминания самые краткие [21]).

III.

Управляющие отдельными частями Экспедиции, заметив, что тот или иной мастеровой приобрел необходимые познания и навыки, переводили его из низшего разряда в высший. Иногда управляющие отделениями возбуждали ходатайство о перечислении рабочих за усердие и искусство из звания обязанных в звание вольнонаемных. Чаще же всего Экспедиция вознаграждала рабочих за „усердие, аккуратность и искусство" разного рода денежными выдачами. Некоторым мастеровым назначались также постоянные прибавки. Повысить свой заработок рабочие могли еще посредством сверхурочных работ, нередко производившихся в виду спешности нарядов. В 1831 г. было даже испрошено высочайшее разрешение на то, чтобы желающие могли работать, за особую плату, и в „высокоторжественные дни".

18) А. Н. Резцов. „Бумага в России сто лет назад" (Спб., 1912 г.), стр. 49.

19) Арх. Э. „Секретные предложения", 32, л. 57.

20) Арх. Э. Дела: № 165/3, I разр., 1829 г., л. 38; № 243/10, I разр., 1843 г.; № 275/14, I разр., 1847 г., № 427/16, I разр., 1853 г., и № 649/196, I разр., 1860 г.

21) Арх. Э. „Секретные дела", тетрадь № 32, лл. 25—26; связка 1851 г. Дело № 5/327—185/739.

Рабочие Экспедиции были в известной мере обеспечены на случай неспособности к труду, а их семьи—в случае смерти кормильца—особыми денежными выдачами; в 1824 г. было постановлено производить „могущим оказываться из царскосельских мастеровых неспособными по старости лет и болезненному состоянию к работам" положенное содержание, по 200 р. в год каждому, из остатков суммы, определенной штатом на содержание мастеров и рабочей команды.

Более значительными пенсиями обеспечивались вольнонаемные мастера и подмастерья, получавшие их по особым ходатайствам правления Экспедиции с высочайшего утверждения. Так, в 1825 г., получил пенсию в 500 руб. уволенный в отставку старший подмастерье бумажного дела, такая же пенсия была дана, в 1842 г., резчику литер и граверу, продолжавшим служить в Экспедиции на прежнем жалованьи. Еще большую пенсию. а именно 857 руб., получил в 1845 г. мастер печатания, также продолжавший и после этого свою службу. В других случаях вольнонаемные мастера и мастеровые получали лишь единовременные пособия. Так, в 1829 г. было выдано токарю при увольнении 500 руб.; в том же году было возбуждено ходатайство о выдаче такой же награды граверу Славянскому, „который с самого учреждения Экспедиции гравировал пунсоны, украшения, печати и пр. с отличным усердием и аккуратностью". Указанным путем, назначались пенсии также и вдовам мастеров и рабочих; в 1821 г. была дана пенсия в 300 руб. вдове бумажного мастера, в 1840 г.—пенсия в 100 руб. вдове формовщика и т. д. В 1849 г. правление Экспедиции решило само „по прежним примерам" назначить вдове мастерового, „слабой здоровьем", 14 руб. 40 коп. сер. пенсии в год и при этом дать ей „вечный паспорт". Вдовам рабочих выдавались иногда единовременные пособия, напр.: в 1826 г. вдова мастера получила 120 руб., а вдова печатальщика—900 руб.

Сыновьям нижних служителей до достижения ими 12-летнего возраста, а дочерям до замужества или до смерти назначено было (с 1820 г.) особое „содержание по возрастам": на мальчиков от 1 до 2 лет—по 2 р. в месяц, от 2 до 4 лет —по 3 руб., от 4 до 8 лет—по 4 руб. и от 8 до 12 лет—по 5 руб., а на девочек—„половина противу сего расчета"; с 1853 г. содержание девочек было ограничено, 18-летним возрастом или выходом замуж, „если сие последует раньше означенного срока".

Менее обеспеченными на случай инвалидности были те рабочие, которые присылались из военного ведомства. Рабочие эти, на основании указа 1829 г., увольнялись в отставку после 22-летней службы. Обычно правление Экспедиции ходатайствовало перед министром финансов о выдаче таким рабочим единовременного пособия. Кроме выслуги лет, допускалась отставка рабочих и за слабостью здоровья. В этом случае им также обычно выдавались единовременные пособия. Размер их большею частью не превышал 200 руб., опускаясь до 50 р.; выдавались небольшие награды также тем рабочим, которые отсылались в военное ведомство вследствие неспособности к работам.

Вообще положение рабочих Экспедиции в 50-е годы 19 в. можно охарактеризовать следующим образом. С точки зрения сроков службы и прав рабочие распадались на две группы. Первую, наиболее многочисленную составляли рабочие из военного звания, увольнявшиеся в отставку вместо установленного для солдат „25-летнего термина" после 22-летней службы. Дети их, состоявшие на правах кантонистов, подлежали тем же правилам. При увольнении в отставку такие рабочие, а по смерти их и вдовы с семьями никаких пенсий и содержания по закону не получали, но им иногда выдавалось единовременное пособие. Ко второй группе

можно отнести рабочих, поступивших из крестьян бывшей царскосельской фабрики и фабрики Раля, а также их детей. Обычно они увольнялись от работ „за совершенною неспособностью к труду", по старости или болезненному состоянию. Рабочие эти были из'яты от ревизий, платежа податей и несения личных повинностей и при увольнении оставались на попечении Экспедиции, хотя особой суммы на их содержание штатом не было назначено. Экономическое же положение рабочих указанных групп было в общем одинаково. И те, и другие содержались на штатную сумму, размер которой для каждого человека был определен в 71 руб. 42¾ коп. сер. Из этих денег они получали в виде жалованья от 11 до 15 руб. в год по разрядам, „соразмерно усердию и способностям", и на 36 руб. провианта и аммуниции. Из остатков от этой суммы выдавались, сверх того, пособия на детей и пенсии увольняемым от работ, а по их смерти—их вдовам и семьям. Размер пенсий обычно зависел от усмотрения правления Экспедиции, принимавшего в расчет лета службы и состояние здоровья, а самые выдачи производились для казенных мастеров и подмастерьев с высочайшего разрешения, и для простых рабочих—с утверждения министра финансов.

Рабочие из военного звания или крестьяне, поступая в мастера или подмастерья, исключались из состава „рабочей команды" и приобретали права, присвоенные званию указанных лиц. С этого момента они отправляли свои обязанности уже как свободные люди, заключая с Экспедицией большею частью особые контракты [22]).

IV.

Для надзора за состоянием здоровья рабочих и вообще для оказания им медицинской помощи при Экспедиции, с самого учреждения ея, состоял лекарь, к которому вскоре были присоединены еще два фельдшера.

Серьезные же меры к предохранению здоровья мастеровых были приняты лишь в 1852 году. Увидя из отчета по лазарету за 1851 г., что бумагоделательное отделение дало вдвое больше больных, чем типографское, и притом главным образом простудных, управляющий Экспедицией потребовал об'яснений, и доктор донес, что причиной заболеваемости является главным образом то, что рабочие на екатерингофской фабрике, по части белильной, и в Экспедиции, по части черпальной, все время проводят в мокром, тяжелом от газа воздухе, причем первые принуждены босыми выносить полуматерию из белильных чанов, а вторые с отсыревшею одеждою выходить из черпальной на холод и ветер для относки листов через двор на сушило в 4-й этаж и, развесив там бумагу при 23° жары, возвращаться вспотевшими тем же путем обратно. Распространению заболеваемости много способствовали также: плохое питание артельных мастеровых (не всегда мясная пища, часто плохо выпеченный хлеб и всегда дурно приготовленный квас, вызывающие „худосочие"), и скученность в грязных, лишенных вентиляции казармах.

В 1821 г. была учреждена школа для нижнеслужительских детей. Учение было направлено к тому, чтобы дети „приготовлялись в оной к поступлению в разные мастерства, необходимые для произведения всех тех предметов, кои составляют круг действий Экспедиции", и в будущем могли бы поступать в число мастеровых и даже „в самые мастера". В 1837 г. обучалось уже 72 мальчика, „в том числе казенных мастеровых

22) Арх. кред. канц. Дело № 12, I стд., 3 ст., 1851 г., л. 72 и след.

детей 51 человек". Однако, когда в 1851 г. решено было на кредитных билетах нового образца подписи директоров и кассиров заменить грифом, и правление Экспедиции кредитных билетов предложило министерству финансов „приучать к сему делу" в Экспедиции заготовления государственных бумаг до 10 человек молодых, здоровых, расторопных и грамотных из детей мастеровых Экспедиции", то оказалось, что школа доведена „до совершенного расстройства", и что „решительно нельзя приготовить в ней людей к чему-либо полезному". В 1861 г. школа была упразднена [22 а]).

V.

Полное переустройство и преобразование Экспедиции было до известной степени связано с обновлением всей вообще русской жизни, происшедшим в 60-е годы 19 века.

Однако перемены были вызваны не только духом времени, но и причинами местного характера. Дух времени оказал свое непосредственное воздействие лишь на реформу, в корне изменившую положение рабочих Экспедиции. Что же касается введения нового штата и нового строя управления в Экспедиции, а также перестройки и переоборудования ее мастерских, то необходимость и неотложность этих мероприятий вполне сознавалась уже в начале 50-х годов и тогда же побудила министерство финансов предпринять в этом направлении первые, правда, робкие, шаги.

Раньше всего почувствовалась нужда в расширении бумагоделательной фабрики и типографии Экспедиции, а также в усилении вообще ее технических средств. Выделывавшая разной бумаги в начале своей деятельности от 3 до 10 милл. листов ежегодно, Экспедиция в половине 50-х годов должна была изготовлять их до 30 милл. штук в год. Приобретение Екатерингофской фабрики сравнительно лишь на очень короткое время удовлетворило технические нужды Экспедиции. Уже в 1847 г. было решено приступить к капитальной перестройке Экспедиции. Тщательное выполнение глубоко обдуманного нового устройства Экспедиции поставило ее в ряд с лучшими подобными учреждениями за границей. Результаты технического переоборудования сказались вскоре как в смысле увеличения количества изготовлявшихся в Экспедиции государственных бумаг, так и в смысле уменьшения издержек, связанных с их производством: в 1860 г. было приготовлено 36 миллионов листов разных государственных бумаг и стоили они 553.000 руб., а в 1863 г. первая цифра поднялась до 60 миллионов, вторая же упала до 550.000!

В ту пору был поднят вопрос о замене обязательного труда вольнонаемным. Это было случайное, хронологическое совпадение, так как руководители Экспедиции еще не сознавали, что серьезный технический прогресс немыслим без превращения крепостного рабочего в свободного. Поводом к постановке указанного вопроса, при том не во всем его объеме, послужил указ 1856 г. об уничтожении особого состояния связанных обязательной службою солдатских детей и о возвращении родителям и родственникам всех тех солдатских и матросских детей и кантонистов, которые еще не поступили на действительную службу [23]). В составе рабочей команды Экспедиции, как было указано выше, находились дети рабочих и нижних служителей из военного ведомства. Они получали пособие от Экспедиции и обычно обучались в ее школе, за что, по достижении 12- или 14-летнего

[22 а]) Арх. Эксп., № 712/65, [illegible] разр., 1853 г.
[23]) Арх. [illegible] Дело № 2, [illegible] 1857 г., л. [illegible]

возраста, должны были зачисляться в качестве рабочих на службу. В рассматриваемое время таких детей насчитывалось в экспедиции 82, в том числе уже работавших в мастерских — 14. С изданием упомянутого указа стало поступать немало просьб со стороны родителей и родственников о возвращении им детей. И вот, согласно мнению государственного совета, дети мастеровых из нижних воинских чинов, поступившие в рабочую команду Экспедиции, не достигнув еще 12-летнего возраста, подлежали увольнению в свободное состояние, кроме, однако, тех, о которых не поступит просьб со стороны их родителей или родственников до 1 августа 1858 г. Что касается детей, зачисленных по достижении 12-летнего возраста, а также круглых сирот, то они оставались на прежних основаниях, с той лишь разницей, что срок их службы сокращается с 25 лет до 20 лет [30]. Таких детей оказалось в экспедиции 27 чел., из которых 11 принуждены были остаться в виду их возраста, а 16 — потому, что об их возвращении не поступило ходатайств со стороны родственников.

Экспедиции тогда же пришлось заняться и более общим вопросом об освобождении от принудительного труда целой категории взрослых рабочих, именно тех, которые поступили из военного звания. Инициатива в этом отношении принадлежала военному министру Сухозанету, который, во исполнение неоднократно высказываемого ему Александром II желания сократить численность армии в целях облегчения для податных сословий рекрутской повинности, предположил упразднить все мастеровые, нестроевые и служительские команды, состоящие при разных ведомствах и пополняющиеся рекрутами. „Ведь, по существу дела, писал Сухозанет министру финансов (12 февраля 1858 г.), — народ должен давать рекрут для строя, но не для выполнения ими обязанностей, ничего общего не имеющих с военной службой. Кроме того, замена нестроевых чинов вольнонаемными людьми, преимущественно из бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов, принесет пользу как этим последним, открыв им новый способ к обеспечению средств существования, так и самим учреждениям, которые воспользуются их услугами: во-первых, люди эти приобрели на военной службе весьма ценные привычки дисциплины и порядка, во-вторых, их труд будет значительно интенсивнее труда принудительного, а это, без сомнения, с избытком окупит сравнительно большие расходы по их содержанию".

Так как в Экспедиции насчитывалось в это время до 590 рекрут, при общем числе мастеровых в 94[illegible], то министр финансов затребовал мнения по этому поводу правления Экспедиции [31]. Заведующие главными отделениями, бумагоделательным и типографским, дали диаметрально противоположные отзывы, один апологию принудительного труда, другой — труда вольнонаемного. Первый полагал, что в бумагоделательном отделении можно было бы заменить отставными и бессрочно-отпускными нижними чинами лишь простых чернорабочих, но отнюдь не сколько-нибудь опытных мастеровых, „в том уважении, что отставные и бессрочно-отпускные, как отслужившие уже службу, находятся в преклонных летах", а „посему бесполезно было бы ожидать от них тех же самых способностей и успехов при приучении к работам, какие оказывают молодые люди, прижитые в Экспедиции или рекруты", а заведующий типографским отделением был вполне убежден, что при замене военных мастеровых вольными „искусство печатания" только выиграет. „При употреблении вольнонаемных людей —

30) Арх. вред. канц. Дело № 2, I разр., 1857 г., лл. 19 и 21—22, 74—75; П. С. З., № 33 305 и Арх. Госуд. Сов. Деп. Экон. Дело № 209, 1858 г., л. 17 и след.
31) Арх. [illegible] канц. Дело № [illegible] 1 отд., 1 стр., 1858 г., лл. [illegible]

писал он,—представляется возможность выбирать и определять работников более способных и подготовленных, чрез что, конечно, представится возможность уменьшить число их противо поступающих из военного ведомства".

Большинство правления Экспедиции выступило в защиту принудительного труда присылаемых из военного ведомства рекрут. Доклад Экспедиции был рассмотрен особой комиссией при министерстве финансов для изыскания мер к улучшению быта находившихся в его ведомстве заводских людей. Комиссия также вынесла постановление об оставлении рабочей команды Экспедиции „на ныне существующем положении, впредь до дальнейших распоряжений о комплектовании рабочих подобных заведений военного ведомства". Министр финансов это постановление утвердил, о чем и было дано знать в военное министерство [26]). Последнее, однако, не удовлетворилось этим. Ген. ад. Сухозанет снова написал министру финансов пространное отношение, в котором подверг довольно основательной критике все те доводы, какие приводились в защиту принудительного труда. Никаких затруднений в приискании вольнонаемных людей не может встретиться, так как замена ими нижних воинских чинов будет производиться постепенно; вольнонаемных, по принятии в Экспедицию, без сомнения, придется некоторое время обучать, но ведь и нижние чины не могут обойтись без предварительной выучки, тем более, что они „назначаются военным ведомством по необходимости, без разбора их годности"; что касается сохранения вольнонаемными тайны производства, то „постановление подробных необходимых правил по сему предмету и строгое взыскание за нарушение их, при хорошем вознаграждении за труд, послужат лучшим ручательством за исправное исполнение возложенных на них обязанностей"; дисциплинированность вольнонаемных может быть не хуже дисциплинированности рабочих из военного звания, так как последние ведь поступали в Экспедицию молодыми рекрутами и, значит, указанное качество приобретали не на военной службе; не следует опасаться и роста расходов на содержание вольнонаемных, которых, без сомнения, потребуется гораздо меньшее число: „наемный человек, получая хорошую плату за труды, добровольно им на себя принятые, будет работать с большей охотой и старанием, нежели солдат" [27]).

Министерство финансов принуждено было опять пересмотреть вопрос о комплектовании рабочих команд рекрутами, при чем на этот раз новый министр финансов, А. Ф. Княжевич, уже сам определенно стоял на освободительной точке зрения. В 1857—1860 гг. он исходатайствовал ряд высочайших разрешений на замену вольнонаемными мастеровых и служителей из рекрут в разных учреждениях своего ведомства, в том числе и в Экспедиции, при чем замену эту решено было производить постепенно, по мере вымирания или выхода в отставку нижних чинов [28]). Отметим, что уже к январю 1860 г. в Экспедицию было принято 35 чел. по вольному найму, с жалованьем по 160 руб. в год [29]), и с этого времени был прекращен прием рекрут.

Между тем пора отдельных мероприятий для улучшения быта казен-

---

26) Арх. Э. Дело № 564/60, I разр., 1858 г. Доклад [illegible] на лл. 12—14 и доклад С. А. [illegible] на лл. 15—23. Также Арх. пред. канц. Дело № 6. I отд., 3 ст., 1858 г., лл. 6—11. Дело № 615/232, I разр., 1854 г., л. 3 и Арх. пред. канц. Дело № 6. I отд., 3 ст., 1858 г., л. 15.

27) Арх. пред. канц. Дело № 6, I отд., 7 ст., 1858 г., лл. 24—30.

28) Арх. Э. Дело № 564/60, I разр., 1856 г., л. 31 и Арх. пред. канц. Дело № [illegible] отд., 3 ст., 1858 г., л. 50.

29) Арх. пред. канц. Дело № [illegible], I отд., 3 ст., 1858 г., лл. 47—49.

ных рабочих прошла, так как правительство мало-помалу склонилось к мысли о необходимости общей ликвидации крепостного права. В частности, министерство финансов уже в начале 1859 г. начало думать об отмене обязательного труда горнозаводских казенных мастеровых. Экспедиции было предложено сообщить свое заключение относительно ее рабочей команды. Правление Экспедиции запросило заведующих отделениями, причем на этот раз и вновь поставленный во главе бумажного отделения начальник ответил, что не представляется больших затруднений к освобождению мастеровых от крепостной зависимости и к замене труда обязательного трудом свободным. В виду этого и правление Экспедиции (во главе с новым управляющим ее) значительно отодвинулось от своей прежней позиции [1]).

Как известно, вслед за разработкою вопроса об отмене крепостного права отдельными ведомствами, вопрос этот был передан на окончательное разрешение главного комитета об устройстве сельского состояния. Выработанное последним „Положение“ о населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов (утвержденное 8 марта 1861 г.) было распространено (21 марта того же года) в той части, которая касалась мастеровых при монетных дворах, также на мастеровых Экспедиции [2]). Согласно этим правилам, нижнеслужительская команда Экспедиции „с их семействами и с потомством“ освобождалась от обязательной службы не позже 2 лет со дня обнародования „Положения“, с предоставлением прав свободных городских или сельских обывателей. Самое увольнение в свободное состояние нижних чинов должно было совершаться в следующем порядке: немедленно по дне обнародования „Положения“ освобождались мастеровые, прослужившие 20 лет, через год — имевшие 15-летнюю выслугу, и через два года — все остальные. Получившие увольнительные свидетельства могли оставаться на службе не иначе, как по добровольному найму и договорам, при чем получали некоторые льготы в личных повинностях, которые выполняли все свободные обыватели.

В Экспедиции подлежало увольнению 82 человека, поступивших [illegible] с бывшей царскосельской бумажной фабрики и от барона Раля. Из них трое прослужили более 40 лет, шестнадцать от 25 до 30 лет и [illegible]надцать—более 20 лет. Всем этим лицам было предложено немедленно получить увольнительные свидетельства для приписки их к городским или сельским обывателям. Однако распоряжение о сообщении списков мастеровых, прослуживших свыше 20 лет, в надлежащие городские или сельские управления пришлось приостановить, так как все они, без исключения, об'явили о своем желании остаться на службе. Желание их было вызвано тем, что среди них распространился слух, будто они, раз приписавшись к сословию крестьян и мещан и, значит, покинув Экспедицию, потеряют право ходатайствовать о награждении их за долговременную службу. А между тем такого рода просьбы многими из них были уже поданы. Так, одни просили разрешения, по освобождении, вступать в гражданскую службу и получать чины, подобно тому, как это было предоставлено горнозаводским урядникам, другие — назначить в их распоряжение екатерингофскую фабрику в замен тех усадеб, какими наделялись освобождавшиеся горнозаводские рабочие.

Управляющий Экспедицией, в свою очередь, находил чрезвычайно полезным удержать их на службе, особенно в виду того, что многие из них являлись выдающимися специалистами, которых действительно было бы

[1]) Арх. Э. Дело № 415-2-2, 1 разр., 1859 г., [illegible]

[2]) Полное собрание законов, № [illegible]

трудно в короткое время заменить другими. С этой целью он вошел с целым рядом докладных записок в министерство финансов, ходатайствуя о выдаче выслуженным мастеровым наград медалями и деньгами, о даровании лучшим из них почетного гражданства и особенно о назначении им пенсий, определенных „Положением“ для рабочих горнозаводских и монетных дворов. Эти последние получали пенсии в размере четверти оклада за 20-летнюю выслугу, одной трети — за 25-летнюю, половины — за 30-летнюю и полное жалованье — за 40-летнюю, при чем желающим было предоставлено, с разрешения начальства, дослужить установленные сроки для получения прав на пенсионное обеспечение.

Так рассталась Экспедиция заготовления государственных бумаг с принудительным трудом своих рабочих.

С. Вознесенский

* * * *
*

Народное продовольствие в 1812 году.

Бесконечные болотистые и лесные равнины русского севера, его суглинки и супески, так мало обещающие земледельцу, впервые „наставляющему соху“, кажутся еще беднее и обделеннее рядом с тучным черноземом южных степей и пышной роскошью их растительности, как будто насыщенной горячей жизненной силой плодородия, неистощимой производительной мощью природы. Но отсталость русского крестьянина, веками не взрыхляющего, но царапающего землю деревянной сохой, расточительно обращающегося с естественными богатствами, не знающего иных, более совершенных средств обработки полей и способов ведения хозяйства, чем те, какими пользовался еще его дальний предок, невежество, поддерживавшееся правительством, и нищета равняли в 19 веке крестьянина севера и крестьянина юга, одинаково бедствовавших, благодаря неумению справиться со своим наследственным делом. И если некогда попытки правительственной власти бороться с голодом служили свидетельством культурного прогресса страны и углубления самосознания власти, постепенно приходившей к пониманию своих обязанностей по отношению к населению, меры борьбы с голодом, какие были в употреблении в начале 19 века, говорят больше о бессилии власти и, быть может, неумении лечить болезнь в источнике ее (крепостное право, невежество, чрезмерное обложение), без чего самые благие начинания оставались без серьезных последствий, не всегда даже смягчая остроту данного продовольственного кризиса [1]).

Запасные хлебные магазины, начавшие вводиться по городам и селениям еще в царствование Екатерины II, но получившие широкое распространение только со времени закона 29 ноября 1799 г. о введении хлебных магазинов по всей империи, [2]) были мерой, быть может, наиболее рациональной в силу своего постоянного характера. Идея ее — создать некоторый неизменный запасный фонд зерна, пополняемый и [illegible] крестьянами с тем, чтобы из него в неурожайные годы [illegible] в общей сложности не более половины наличного фонда [illegible] сбереженный хлеб. Предполагалось, что займы эти будут возвращаться [illegible] урожая следующего года и таким образом крестьяне, без [illegible] правительства, сумеют избегать голода.

В нашем распоряжении имеется до сорока архивных дел [3]), относя-

---

1) См. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию, изд. хозяйственного департамента министерства внутренних дел (С.-Петербург. 1892), т. I—II.

2) Ср.: Н. Мурзанов. Хлебные запасные магазины при Павле I (Архив истории труда в России, книга третья). Энциклопедич. словарь Брокгауза—Ефрона.

3) Архив министерства внутренних дел, хозяйственный департамент, 1812 год, дела: № 845—„По представлению подольского военного губернатора“; №№ [illegible] и 861-а—„По представлению архангельского военного губернатора“; № [illegible]—„По представлению [illegible]

шихся к 1812 году, когда внесенное Отечественной войною разрушение стало сказываться и на продовольственном деле, раздались жалобы населения на „частый проход полков, воинских и рекрутских партий“, которых надобно кормить, на военнопленных французов, появившихся к тому времени в таких отдаленных от театра военных действий губерниях, как Вятская, затруднявших население необходимостью „довольствовать их по таксам“, что „делает большую разницу крестьянам противу семейственного употребления“. Поступили сведения о разрушении запасных магазинов неприятелем, о раздаче населению всего хлеба из запасных магазинов, в виду приближения неприятеля.

Нужно помнить, что в 1810 и 1811 годах неурожай постиг многие губернии, как средней так и южной полосы России, да и 1812 год был для многих местностей неурожайным. В 1812 г. в министерство внутренних дел поступили запросы и извещения по продовольственному вопросу, вызванные остротой последнего—из 22 губерний [1]). При этом в объяснение продовольственного кризиса губернаторы нередко ссылаются на предшествовавшие неурожайные годы и иногда бросают две - три черточки, рисующие перед нами степень нуждаемости крестьянства. Сравнительно менее пострадала средняя полоса и юг. Хотя и здесь имеются такие факты. в Воронежской губ. крестьяне „по совершенному недостатку хлеба терпят в пропитании нужду“, в некоторых селениях едят лебеду (три года последовательных неурожаев); в Херсонской губ. „урожай ржи оказался плохой, к тому же был истреблен жучками, так что в редком колосе найдется весьма малая часть зерна“ (почти по всей губернии); неурожай продолжается четыре года; в Таврической губ. крестьяне „по недостатку заготовленного ими для продовольствия своего в прошлом году хлеба имеют в нем до окончания жатвы нужду“. За этими сухими, стереотипными выражениями губернских канцелярий стояло подлинное бедствие, горе народное, как всегда, молчаливое. Был голод и на севере в Вологде, где в течение трех лет был неурожай и нет хлеба „ни для пропитания, ни для сева“, и в Вятке, где неурожай был в 1810—1811 г.г. и где население начало питаться хлебом с овсяной мякиной, и в Архангельске. Но самый большой голод был в западном крае, в губерниях Гродненской, Смоленской. В Гродненской губ. на почве голода открылось в ряде уездов цынготное заболевание, с которым тем труднее было бороться, что помещики у них находящийся хлеб употребляют в продажу и о предохранении поселян от гибели ни мало не пекутся“. В Смоленской губернии положение еще хуже. В течении нескольких лет был неурожай; в Вязьменской волости крестьяне—помещичьи и казенные, доведенные до крайней нужды, пошли по миру; собираясь для прошения милостыни в группы из нескольких человек, увеличение или простое соединение этих групп могло бы явиться опасным для общественного спокойствия, и поэтому исправник, испробовав все меры борьбы со злом, обращается к губернатору, прося помощи и указывая, что „нищие эти не от праздности нищенствуют“ и не то „чтобы поим-

---

ленского гражданского губернатора“; №№ 870 и 898 — „По представлению гродненского гражд. губернатора“; № 912 — „По представлению таврического вице-губернатора“; № 913— „По представлению тамбовского гражд. губернатора“; № 916—„По представлению вятского гражд. губернатора“; № 925 — „По представлению калужского губернатора“; № 944 — „О сборе хлеба в сельские магазины с числа душ 6-й ревизии“; № 953 — „По представлению вятского гражд. губернатора“; № 966 — „По представлению херсонского вице-губернатора“; № 967—„По представлению лифляндского гражд. губернатора“.

[1]) Губернии: Воронежская, Смоленская, Подольская, Таврическая, Вологодская, Владимирская, Вятская, Олонецкая, Пермская, С.-Петербургская, Калужская, Эстляндская, Лифляндская, Витебская, Могилевская, Слободско-Украинская, Томская, Архангельская, Гродненская, Тамбовская, Херсонская и Екатеринославская.

[illegible] не имели с них должного получения, несущие недостатки в хлебе ни к чему довели... В прошлом году из-за неурожая никто почти не сеял [illegible] семян, а помещики еще в прошлом году, как для посеву своих, так и крестьянских полей покупали рожь". Особенно ощутительно отсутствие фуража для скота, так как благодаря этому крестьяне лишены возможности зарабатывать извозным промыслом. В другой волости, [illegible] крестьяне уже получили законную половину из запасных магазинов, но у них неурожай, заработки же скудные. Никто почти не хочет брать рабочих даже без жалованья, с одним прокормом; скот частью продали, частью кормится соломой с крыш, „без всякой посыпки", отчего начал падать. Если же удается найти работу, то все равно на заработанные деньги нельзя купить ни в самой волости, ни по соседству хлеба по самой дорогой цене.

Это бытовое описание помогает нам восполнить сухость сведений по другим губерниям: конечно, всюду картина должна быть приблизительно одинаковой в смысле отражения неурожаев на личном благосостоянии крестьянства, кое как обычно перебивающегося от урожая к урожаю и первым, а тем более повторным неурожаем сразу сталкиваемого в самые глубины, поминутно раскрывающейся под его ногами пропасти нищеты. А между тем последовательные неурожаи никогда не были редкостью в России, и оттого 1812-ый год не может считаться исключительным; скорее наоборот: именно его заурядность (если отбросить в сторону события Отечественной войны, в общем мало повлиявшие на интересующую нас область), его обычность, дают право подойти к нему и к условиям народной жизни, им созданным, как к своего рода испытанию, „экзамену" целесообразности самой организации продовольственных магазинов, как действительно серьезного средства помощи крестьянству.

Как велика была эта помощь? Здесь следует привести несколько цифр, лучше всего отвечающих на поставленный вопрос. Сохранились отчетные ведомости розданного из запасных магазинов хлеба. Из них мы узнаем, например, что в Гродненской губ. на душу выдавалось от 1 четверика 3 гарнцев до 2 четвериков 4 гарн., но были села, где выдавалось и по 1 четверику на душу; в Воронежской губ. выдача колебалась между 1—2 четвериками на душу. Сведений из других губерний нет, но уже a priori ясно, что большой она быть не могла (не надо забывать, что выдача эта была и на пропитание и на посев) и, конечно, ею одной просуществовать крестьянин не смог бы. Это прекрасно сознавал и он сам, это молчаливо признавали и власти предержащие,[1]) особенно местные, видевшие нередко себя в необходимости изобретать средства спасения голодающего крестьянства. Одним из таких средств было, между прочим, заимствование хлеба одною неурожайной волостью из запасных магазинов другой, где в этом отношении все обстояло благополучно. Такого рода решение вопроса мы находим и у вятского губернатора и затем у архангельского, который предполагает для мезенской округи на семена позаимствоваться из сельских магазинов холмогорского уезда, где даже за удовлетворением нуждающихся беднейших местных крестьян должен остаться излишек, которого хватит для мезенцев. Помимо этого решения вопроса он не видел иного, кроме заготовки семян закупкой, что, однако, признавалось им нежелательным, так как помимо того, что для этого пришлось бы ждать весеннего приплава—деньги на покупку нужно было бы раздать кресть-

[1]) Высшее правительство признавало это, принимая (наряду с учреждением магазинов) ряд мер (таксы, регулирование внешней и внутренней торговли) к уменьшению цен. (О них см. в указ. Историч. обзоре правит. мероприятий по народному продовольствию в России).

..нам, ..кон, получив..сные, не уступят зделать из них несправедливых и беспорядочных расходов, а приняв в натуре семенной хлеб всеконечно употребит его во всей целости на посев". Основываясь на этом, губернатор предписывает выработать целый план порядка отпуска зерна, сообразно даже необходимостью „опознать от крестьян, коим принадлежали заниматели семена, каким образом согласятся они получить возврат... по умеренной цене, для заимателей неотяготительной, или в натуре при будущем урожае". Но все эти подробности, по своему любопытные, отступают на второй план перед главным смыслом всего совершающегося — признанием того, что пезенцы без чужой помощи, в чем бы она ни состояла, не обойдутся. Такое же признание имеем мы и от вятского губернатора, который предписывает исправнику в котельническом уезде изыскать способы к пропитанию поселян покупкою на щет их в других уездах хлеба или займообразно оного ссудою от прочих зажиточных крестьян, ибо им и третьей части хлеба не хватит до нового урожая". Есть и такой случай, когда власти открыто рекомендуют крестьянам, не надеясь на вторую (последнюю) половину хлеба в запасных магазинах, которого им все равно не хватит, озаботиться своевременной покупкой хлеба; встречаются упоминания и о том, что сами крестьяне, не дожидаясь указаний свыше, по собственной инициативе, приходили к мысли о необходимости закупить хлеб.

Как видно, запасные магазины не покрывали своим фондом крестьянской нужды в хлебе, открывавшейся при неурожае, и они не исключали необходимости других мер борьбы с голодом [6]).

Мы видели, что помощь, какую находило голодающее население в запасных магазинах, нельзя назвать ни большой, ни существенной, но значение запасных магазинов состояло в наличии под руками у властей готового средства первой помощи. И с этой точки зрения понятны отчасти и те формальности, которыми была обставлена каждая выдача хлеба из магазина. Помимо предупреждения злоупотреблений со стороны самого населения, требования хлеба без острой нужды в нем, формальности эти мало по малу приучали к мысли об этой „неприкосновенности" основного хлебного фонда. С другой же стороны затруднения, с которыми была связана выдача хлеба, толкала нуждающихся на путь нарушения законов. Так, представляли случай самовольного взятия хлеба из магазинов [7]). Сами крестьяне руководствовались, повидимому, глубочайшей уверенностью в том, что хлеб принадлежит им, и что взятие каждым из магазина количества зерна, равного сумме прежних его взносов, не представляет собою преступления. И доводы их не всегда были лишены убедительности, даже для лиц, по долгу службы обязанных препятствовать такого рода самовольству [8]). Бывали случаи разбора хлеба из магазинов без разрешения местных „магазинных надзирателей и сельских начальников", даже вопреки их прямому запрещению.

[6]) Одной из таких мер надо считать попытку калужского губернатора бороться с повышением цен путем установления таксы на хлеб. Архив м-ва внутр. дел, дело хоз. деп. № 925.

[7]) Архив м-ва внутр. дел, дело № 863 хоз. департамента. „По представлению смоленского гражд. губернатора". „Экономические Ветковской и Острицкой волостей крестьяне без позволения выборных и волостного, Ветковской вол., головы, которые склоняли их убеждения их по нужде в пропитании, разобрали хлеб, оставшийся в сельских магазинах". О разрешении выдать этот хлеб был послан запрос в СПБ. еще 16 февраля, а разбор хлеба произошел 28 марта. Целый месяц не было ответа на запрос местных властей, несмотря на содержавшиеся в нем указания на положение крестьян, „пришедших в крайнюю бедность и не состояние содержать себя дневным пропитанием".

[8]) Архив м-ва внутр. дел, дело № 913. „По представлению Тамбовского гражд губернатора".

Возникает вопрос: как карались эти самоуправства?

Кажется, было принято оканчивать дело приказанием вернуть с новым урожаем взятое без разрешения властей плюс годовой взнос, что неуклонно взималось, а вопрос о наказуемости проступка не возбуждался. Едва ли можно предположить, чтобы это решение не казалось наиболее справедливым и крестьянам, по крайней мере, в известных нам случаях они подчиняются ему без всякого протеста. Но зато иной раз такое решение не удовлетворяло губернскую уголовную палату, на утверждение которой поступали приговоры нижних судебных инстанций. Пример этому мы имеем в деле о тамбовских крестьянах-однодворцах, разобравших самовольно хлеб из запасных магазинов. В первой инстанции суд вынес приговор вернуть взятое и переместить магазин в другое селение, но тамбовская уголовная палата постановила: оштрафовать каждое из селений за самовольство по 25 руб. в пользу Приказа общественного призрения [9]). Понадобилось вмешательство губернатора, который донес министерству, что артикул воинского устава, на который ссылалась палата, наказывает кражу и воровство и что прямые узаконения говорят в данном случае „с наказанием плетьми“, но последнее не может быть применено к жителям нескольких селений, которые были уверены к тому же, что хлеб принадлежит им и что, наконец, даже „нет закона приличнейшего на таковый случай, когда целое селение решилось на самовольный разбор хлеба“. Министерство утвердило постановление первой инстанции, но указанный случай не теряет от этого своего интереса, как показатель неопределенности юридических установлений, дававших широкий простор толкованиям судебной власти и личному усмотрению судей, и этим, конечно, только затруднявших положение крестьянина.

Необходимость несколько большей свободы и самостоятельности местных властей в решении продовольственных вопросов, в частности, в деле выдачи хлеба из магазинов, живо ощущалась не только населением, прямо страдавшим иногда от длительного ожидания, но и самими властями на местах. Так, сохранилось донесение вятского губернатора, в котором, указывая на расстояние между Петербургом и Вяткой, он высказывает опасение, чтобы не случилось так, что ко времени получения разрешения все крестьяне будут окончательно изнурены. Такое же положение должно было создаваться и в других местах, причем губернатору, если он не хотел или не мог оставаться сухим формалистом, приходилось на свой страх под своей личной ответственностью отдавать превышавшее его полномочия распоряжение о выдаче хлеба. В Петербурге относились к такого рода фактам двояко: то молчаливо принимали совершившееся, одобряя принятые меры, то строго распекали виновного, вынужденного просить извинения. Так, вятский губернатор писал: „прошу начальнического снисхождения на сделанные мною самим собою разрешения“, указывая, что причиной были чувства его к „страждущему человечеству“. Впредь он обещает быть осторожным.

Но проволочки и промедления канцелярий не только влекли за собою губернаторские извинения и крестьянские самовольства, но и зарождали в общественном сознании представление о безвыходности положения и этим невольно будили дремлющую общественную инициативу, вызывая к жизни частную благотворительность, подчас существенно облегчавшую и даже разрешавшую трудность положения. Такова, например, помощь, оказанная мезенцам исправником Актабиным [10]) и вельским купцом

[9]) Ссылаясь на Артикулы Воинского Устава № 195, Морск. Уст. § 131 и Высоч. ук. от 1808 г.

[10]) Архив м-ва внутренних дел, дело № 861 и 861а. „По представлению архангельского военного губернатора“.

Круковикиным, своими средствами доставившими семена из холмогорских запасных магазинов мезенцам и сделавшими это так во время, что привезенный ими хлеб многими крестьянами не был даже отвезен в дома, а прямо отправлен на поля, заранее приготовленные для посева, и там высеян. Правительство по представлению губернатора наградило и Антавина (орден Владимира 4 степени) и Круковикина (золотая медаль). Но сама помощь и того и другого была вынуждена тем же Петербургом, приславшим разрешение на выдачу хлеба тогда, когда сама необходимость заставила „взять другие меры, чтобы доставить мезенцам семена“.

Было бы, конечно, несправедливым на основании вышеуказанного рисовать роль Петербурга как отрицательную, представлять его в виде тормаза не столько кстати, сколько некстати задерживавшего иногда шатко ли, валко ли, но державшегося аппарата народного продовольственного снабжения. Есть ряд примеров, показывающих Петербург в выгодном свете беспристрастного защитника интересов слабейшего от покушений, иной раз ловко рассчитанных, со стороны сильнейшего. Так, приходится встречаться и с напоминанием из Петербурга о казенных крестьянах вице-губернатору, о чрезмерном рвении об интересах помещичьих крестьян забывшему, что есть еще и казенные крестьяне, имеющие такое же, как первые, право на пользование запасными магазинами [11]). Есть и сдержки местных властей, слишком самовластно распоряжавшихся крестьянским ссыпным хлебом. Так, министерство внутр. дел порицает таврического губернатора за выданное им новым поселенцам одного из селений разрешение получить до новой жатвы хлеб из запасного магазина данного селения, так как право пользования этим хлебом принадлежит только крестьянам, хлеб ссыпавшим, тем более, что на водворение и прокормление новых переселенцев до новой жатвы министерство имеет особые средства [12]).

Выдачи хлеба из магазинов носили характер займа, подлежащего возврату. Каким-же образом, в какой форме происходила эта отдача, легка ли она была для крестьянского хозяйства и как побеждались ее трудности, в особенности там, где новый урожай делал возврат взятого невозможным. При этом нужно иметь в виду, что на заемщика налагалась известная % надбавка и что помимо этого ему приходилось вносить еще и обычную годовую долю взноса.

На вопрос о легкости возвращения занятого лучше всего отвечает количество просьб об отсрочке его или же и о совершенном [illegible]. Вот несколько фактов. В Вятской губернии крестьяне не только не могут вернуть взятой еще в 1810 г. хлебной ссуды, но им не хватает на пропитание и на посев и они просят о выдаче второй половины. В Смоленской губ. крестьяне двух волостей не только не в состоянии были вернуть в запасные магазины хлеба, но не могли внести и следовавшей за 1811 г. годовой пропорции. Просили об отсрочке для крестьян [illegible] селений Херсонской и Лифляндской губерний. В Гродненской губернии об этом же просил поветовый маршал губернии, имея в виду и казенных крестьян. Он говорил, что ссуда из запасных магазинов в обычном положенном размере не может быть достаточною, чтобы обеспечить продовольствие до нового урожая и что поскольку это вынуждает помещиков употребить для прокормления крестьян собственные запасы, крестьяне и при

---

[11]) Архив м-ва внутр. дел, дело № 906. „По представлению херсонского вице-губернатора“. При этом напоминается об обязанности помещиков заботиться о прокормлении крестьян.

[12]) Архив м-ва внутр. дел, дело № 912. В деле № 944 (о сборе по [illegible] душ 4-й ревизии) указывается, что „на переводимых крестьян выдавать хлеб из запасных магазинов, но они должны внести его на месте нового поселения“.

[illegible] будущем урожае не будут в состоянии отсыпать [illegible] количество в запасные магазины, отдать [illegible] у своих помещиков [illegible] части хлеба, как на уплату податей, так и на прочие надобности, [illegible] единственного их на все то источника". В этом донесении как нельзя лучше изображено то положение, в каком оказывался большинство [illegible] хлеб из запасных магазинов. Даже при условии урожая, кто [illegible] ссужал половину вынутого хлеба, в свое время не уберегшего крестьянина [illegible] необходимости прибегнуть и к иной помощи, должен лечь тяжелым бременем на плечи крестьянина, не освобождаемого ни от одной из [illegible]. Отсюда понятны хлопоты о прощении или по меньшей мере [illegible] по взысканию недоимок и уплате податей, о чем в отдельных случаях ходатайствуют наравне с просьбами о дополнительных выдачах из магазина.

[illegible] не менее возвращать было нужно. Это сознавали и сами крестьяне, [illegible] на мирском сходе сделать за недостаточных заемщиков [illegible] собственными силами с тем, чтобы те из своих заработков произвели в мирскую кассу эквивалентную денежную выплату [illegible]). На этом настаивают и власти, не задумывающиеся в целях взыскания отдавать неисправных плательщиков на заработки на казенные и частные заводы, причем на выработанные ими деньги общества мирские должны были, закупив хлеб в других местностях, пополнить магазины (исполнение возлагалось на земского исправника), „а чего за ними не достанет", должно быть [illegible] взыскано при новом урожае. В другом уезде тот же губернатор предписал исправнику „изыскать способы к пропитанию поселян.... а [illegible] нынешнего набора, сообразно с прежними распоряжениями, предоставить мирским обществам отдавать неимущих крестьян в работы на казенные и частные заводы".

[illegible] одна необходимость применения подобной меры, одобренной министерством внутренних дел, не только иллюстрирует платежеспособность крестьянина, но показывает вместе с тем, в какой тупик его загоняла в конце концов помощь продовольственных магазинов.

В заключение коснемся запасных магазинов при заводах, в особенности старых, издавна выработавших свой способ содержания приписных к заводам крестьян, давно уже пролетаризировавшихся и в своей оторванности от земли отданных на произвол доброй воли владельца завода.

Заводчик Баташев ходатайствовал через своего поверенного об уничтожении заведенных при его заводах, согласно закону 29 ноября 1799 г., запасных хлебных магазинов или же о передаче последних в ведение заводских контор. При заводах Баташева имелись, как пишет его поверенный, с давнего времени устроенные, особые „непременные магазины", которые наполняются мукой заводскими конторами в удобное время, на заводские деньги заготовленной и затем отпускаемой рабочим по заготовочной цене. Несмотря, однако, на это, местные власти настояли на устройстве при заводах, разбросанных по губерниям Тамбовской, Владимирской и Нижегородской, запасных магазинов с ссыпным зерновым хлебом. Так как приписные к заводам крестьяне „земли не имеют и хлебопашеством не занимаются, упражняясь беспрерывно в заводских работах", то вместо них [illegible] в магазины принуждены делать заводские конторы, покупая для этого хлеб в отдаленных местностях. Купленный же — он лежит без всякого употребления, погибая от „гнилости и мышеядения", и переменять его [illegible] запасом должны опять таки заводские конторы, потому что ни-

[illegible] Архив м-ва внутр. дел, дела № 916 и 930 — „По представлению вятского губернатора"

какого сельского хозяйства, где бы этот хлеб мог быть употреблен, при заводах нет. Приходится хлеб этот возить для перемола опять таки на далекое расстояние (поблизости мельниц нет), теряя и деньги и рабочие руки, отчего всего, вместе взятого и получается, что заведение [illegible] зерновых магазинов причиняет владельцу завода „немаловажные убытки“, не принося никакой пользы рабочим, как раз в зерновом хлебе не нуждающимся.

После долгих мытарств это дело было наконец решено, согласно желанию владельца завода.

Такое же разрешение довольствовать крестьян-рабочих не [illegible]ных не зерновых, а мучных складов, получили одновременно с Баташевым и другие заводовладельцы, оказавшиеся в аналогичном с ним положении.

Но из сенатского указа, решившего все эти дела, мы узнаем [illegible] тие продовольствия рабочих и на казенных заводах. Их положение [illegible] труднее положения крестьян, приписных к частным заводам. За этих последних [illegible] их владельцы, рабочие же казенных заводов [illegible] сами, оказывались вынужденными покупать его на [illegible] плату, а по прошествии года, будучи обязаны переменить [illegible] для перемола возвращенного отлучаться от своих работ и через то лишаться некоторой части задельной платы, а иногда [illegible] и самой остановки работ.

Министр финансов признал необходимым освободить таких крестьян приписных и казенным заводам от взноса зернового хлеба и [illegible] указом, решившим [illegible], это постановление утвердил.

[illegible] Матков[illegible]

* * * *
*

К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли.

I.

Одним из наиболее ярких проявлений крепостного права помещика на личность крестьянина в 18 и 19 в.в. была торговля людьми без земли. Широкие круги помещиков были убеждены в законности такой торговли, каковое убеждение в значительной степени поддерживалось правительственными указами, ограничивавшими этот вид торговли, но ее не запрещавшими.

Петровское законодательство допускало, по крайней мере, один вид торговли людьми, разрешая поставлять в рекруты наемных людей [1], объявляя, что рекрутам «из служивых всяких чинов, кроме шляхетства», если захотят поставить вместо себя других, «наемщиков нанимать и людей вместо себя покупать повольно» [2]. Однако, развитие торговли крестьянами обратило на себя внимание Петра. По его поручению было объявлено Сенату: «Обычай был в России, который и ныне есть, что крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь кто похочет купить как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей от отца или от матери дочь или сына помещик продает, от чего не малый вопль бывает: и его Царское Величество указал оную продажу людям пресечь; а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь и о том бы при сочинении нынешнего Уложения изъяснить, как Высокоправительствующие Господа Сенаторы за благо рассудят» [3]. Это обращение проникнуто каким-то бессилием и неопределенностью. Стремясь к полному запрещению продажи людей, «как скотов», послание, повидимому, сознает неосуществимость этой меры и соглашается на меньшее: запрещение раздроблять при продаже семьи. Но и в этом виде оно, как простая инструкция для будущей работы, теряет обязательную силу. Важно, однако, отметить, что здесь определенно называется категория людей, такой торговлей промышляющая — «мелкое шляхетство».

В дальнейшем законодательство 18 века продажу людей в рекруты разрешает. Так, было дозволено купечеству Вятской провинции. «Московской Провинции у помещиков дворовых людей и крестьянских детей покупать и крепости на имя всего купечества писать» [4].

---

1) Полное собрание законов, № 3133. Указ 17 дек. 1717 г.

2) Тоже же, № 3654. Указ 29 окт. 1720.

3) Полное собрание законов, № 3770. 15 апреля 1721 г.

4) Полное собрание законов, № 7595, Указ 4 декабря 1738. В [illegible] составлении Свода законов 1820 г. № 449 о пресечении продажи людей порознь — [illegible] указание на то, что в комиссии по составлению проекта Уложения 1741 г. был готов проект запрещения продажи людей без земли.

Повидимому, торговля крестьянами производилась вообще в большей степени мелкими помещиками, чем крупными. В некоторых газетных объявлениях о продаже людей встречается указание на причину ее: «от нужды» 4). Что крупные землевладельцы, даже из числа наиболее упорных в отстаивании своих прав, не видели для себя ничего вредного в запрещении или ограничении продажи людей без земли, усматривается из дебатов Екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения 5). Повидимому, необходимость для правительства эпохи дворцовых переворотов считаться с интересами широких слоев дворянства и приводила к тому, что подобные проекты оставались на бумаге. Однако, указ 29 сентября 1766 года, стремясь положить предел уклонению мелкопоместных дворян от дачи рекрут путем продажи своих людей, воспретил продажу людей в течении 3-х месяцев до рекрутского набора, а в случае нарушения запрещения предписал брать с продавца 120 рублей за проданного рекрута, а с покупателя также 120 рублей и самого рекрута 7).

Типичным для Екатерининской эпохи стремлением не выставлять на свет божий темные стороны русского быта, прятать их под блестящей внешностью проникнут указ 1771 г., запрещающий продажу людей без земли с молотка 8). Существовал еще один вид продажи людей без земли, практиковавшийся самой властью: продажа их за казенные и частные долги господ.

Павел I воспретил продажу людей без земли с молотка и вообще с публичного торга и поднял вопрос о способах взыскания с помещиков казенных и частных долгов, 9) вследствие чего последовал указ о взыскании долгов с помещиков, имеющих одних дворовых и безземельных крестьян: по казенным взысканиям—крестьян оценять по работе и доходу, доставляемому ими владельцу, и брать в казну; по частным же долгам продажу чинить обыкновенным образом 10). Возникший вопрос о продаже крестьян без земли в Малороссии (где прикрепление состоялось, как известно, лишь в 1783 г.) был разрешен резолюцией Павла „без земли не продавать“, положенной на докладе сената, высказавшегося за дозволение продавать без земли. Однако продажа людей без земли продолжалась и впредь в Малороссии 11). Из сказанного видно, что к началу 19 века продажа людей без земли была ограничена только воспрещением продавать в течении трех месяцев перед набором, продажи с молотка и публичного торга, а также формальным запрещением таковой продажи в Малороссии.

II.

Были первые месяцы царствования Александра I. Молодой император, проникнутый неопределенным и отвлеченным либерализмом, еще терявшийся между различными группами сановников—своих личных друзей, заговорщиков 11 марта, убивших Павла I, и старых екатерининских вельмож—пытался как-нибудь проявить свои стремления к преобразованиям.

4) Романович-Славатинский, Дворянство в России от начала 18 в. до отмены крепостного права (СПб. 1870), стр. 337.

5) Сборник Русск. Исторического Общества, т. VIII, стр. 108 и 222.

7) Полное собрание законов, №№ 12748 и 13287.

8) Там же, № 13654.

9) Там же № 17809 15 февраля 1797.

10) Там же, № 18356 26 января 1798.

11) Там же, № 15708. Романович-Славатинский, цитир. сочинение, стр. 552—562.

По его повелению, генерал-прокурор Беклешов внес в 1801 г., в государственный совет записку и проекты указов о запрещении продажи людей без земли [13]). Записка указывает на то, что новое царствование началось с восстановления „прав и преимуществ" дворянства, а также „прав и [illegible] городов", а потому — обращается записка к чувствам „благородного сословия" — надлежит обратить „великодушное внимание и на состояние земледельцев и поселян", особенно помещичьих, с которыми „как с недвижимою собственностью поступается, и ими торг и продажа даже публично производится; а к тому самые земледельцы от земли и домов их отлучаются и обращаются со всем последующим родом их, в состояние дворовых людей, каковой переход, когда не ограничен, убавляя полезных людей, тем самым должен необходимо служить к отягощению и вреду общему"... Ссылаясь далее на уложение Алексея Михайловича, записка отмечает, что крестьяне „не суть особенное по себе имение, но неотлучимое от земли вотчинное заведение", что на них „служилых кабал брать запрещено", что „крестьянских людей никому продавать не велено" и в силу этого записка предлагает „продажу людей без земли запретить и [illegible], токмо по земле вотчинное, оставить вотчиннику крепкими".

В совет были внесены четыре проекта указа. Один из них предлагал воспретить продавать людей без земли каким бы то ни было образом, распространяя запрет и на покупку людей к фабрикам и заводам, и указывая на ряд мер, которыми может быть предотвращен обход уже ранее изданных ограничительных постановлений; считал возможным разрешить дворянам, не имеющим „недвижимых имений, кроме дворовых людей, и хлебопашеству неспособных", продавать их также для приписки к какому-нибудь цеху [14]) и разрешить продажу крестьян без земли „для поселения на другую землю для хлебопашества, а не для обращения в дворовые люди".

Основной мыслью записки и проекта является [illegible] прикрепления крестьян к земле без личного закрепощения их, как таковых, помещику. Но авторы очень озабочены охраной помещичьих интересов и борются только с злоупотреблениями, не которыми продажа мелкими помещиками в рекруты своих людей была невыгодна. Крупных помещиков проект вполне должен был удовлетворить, разрешая им продавать и покупать крестьян для переселения. Это правило, конечно, касается и тех средних и мелких помещиков, которым приходилось прибегать к продаже людей вследствие густоты населения при земельной тесноте. Но и дворянской беземельной мелкоте проект разрешает продавать не нужных людей как не на выгодных условиях. В невыгодных условиях остаются только те мелкие дворяне, которые захотели бы купить себе людей для личных услуг.

Возможно, что этот проект был составлен уже после ознакомления авторов его с другой запиской по тому же вопросу, которая в решительном тоне возражает против запрещения продажи, главную силу своих аргументов направляя на защиту мелких дворян.

[13]) Архив гос. совета, том III, ч. I-ая (1878 г.), стр. 761—772. В деле 1801 года имеются две записки по вопросу о продаже людей. Обе анонимные. Указанной выше записки Беклешова, кроме протокола гос. совета 6 мая, в деле не имеется. Из двух анонимных записок одна, если, может быть, и не принадлежит Беклешову, то во всяком случае проникнута мыслями и выражениями проекта и потому мы [illegible] на ней и останавливаемся.

[14]) На следующих условиях: за мужчину от 20—50 лет по 300 руб., от 10—20 и от 50—60 по 250 руб., менее 10-ти и более 60 лет—по 125 рублей, а за женщину от 20—50 лет по 150 руб., от 10—20 и от 50—60 по 75 руб., менее 10-ти и более 60 лет—по 25 руб., при этом женщины продаются только вместе с мужчинами, чтобы не раздроблять семейств.

Государств. совет, обсудив (6 мая) вопрос, нашел, что вообще нет разрешения на торговлю людьми, но „рассуждал, что простой народ, всегда жаждущий свободы и по неразумию часто самый малейший повод к ней принимая за законы, неоднократно и по меньшим причинам, а особливо в начале царствований... выходил из повиновения“, а посему, лучше привести эту меру в исполнение, когда «внимание умов к новостям, ныне во всей силе действующее... успокоится и... не будет ожидать перемен и принимать призраки своего воображения за истину».

Через три дня после этого заседания предмет его занятий послужил темой для беседы двух личных друзей императора, не входивших в то время в состав госуд. совета, но уже готовившихся к принятию власти и, в частности, проектировавших образование негласного комитета для выработки проекта реформ, — гр. В. П. Кочубея и гр. П. А. Строганова. Последний воспроизвел на бумаге эту беседу. По словам Строганова, вышеотмеченный проект указа был составлен Трощинским, по поручению государя; против него особенно возражал государственный казначей бар. А. И. Васильев, указавший, что эту меру лучше всего приурочить к моменту издания общего положения о крестьянах. Кочубей находил, что торговля крестьянами «есть такая великая гнусность, что не было бы никакого вреда от ее немедленного уничтожения». Но Строганов видел в этой неудавшейся попытке доказательство путаницы в воззрениях государя. По его мнению, обычай торговли крестьянами связан со всем порядком отношений последних с их владельцами, и нельзя трогать одного, не задев всей совокупности. Строганов полагал, что крестьянский вопрос должен войти в общий план реформы, но именно поэтому находил внесенный в госуд. совет проект слишком непродуманным и преждевременным. Кочубей скоро согласился, что лучше не спешить с вопросом, который задевает столько интересов. Но затем он развил более подробно свой взгляд, указав на желательность заимствования порядка Молдавии, Чехии и Галиции, где крестьяне прикреплены к земле, но где нет личного рабства. С другой стороны Кочубей находил, что воспрещение продажи не должно распространяться на право продажи для переселения в малонаселенные места, ограничив это последнее право обязательным дозволением правительства [14].

Дело ограничилось тогда изданием указа президенту академии наук о воспрещении печатать в ведомостях академии об'явления о продаже людей [15]. Но в кругах знати того времени так же, как в екатерининскую эпоху, вовсе не склонны были особенно противиться воспрещению продажи крестьян без земли. Вопрос должен был обсуждаться в негласном комитете, собиравшемся в кабинете государя, состоявшем из его друзей — Строганова, Кочубея, Н. Н. Новосильцова и кн. Ад. Чарторыского. Из приведенной беседы Строганова и Кочубея мы видели, что Строганов смотрел на этот вопрос шире. В его бумагах сохранился набросок по крестьянскому вопросу; здесь Строганов, желая точно определить отношения помещика и крестьянина, соглашался предоставить крестьянину пользование участком земли за оброк, поставив его в такие условия, чтобы у него оставался излишек для продажи, ибо ничем так не оживляется хозяйственная деятельность, как „обеспечением собственности и свободой спекуляции“. Из помещичьего крестьянина надо сделать хорошего фермера [16]. Если к этому прибавить, что Строганов набрасывал свои мысли, имея, по собственному признанию, в качестве материала уже данную в этом духе Новосильцовым инструкцию управителям его земель, то будет

14) В. к. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. Том II, стр. 34 – 36.
15) Полное собрание законов, № 19892. (28 мая 1801 г.)
16) „Гр. П. А. Строганов“, т. II, стр. 43 – 46.

очевидно, что мы здесь встречаемся с группой просвещенных крупных землевладельцев, мечтавших о крупном предпринимательского типа хозяйстве на английский манер, и потому не враждебных скромным полуэмансипаторским проектам.

4-го ноября в заседании негласного комитета Александр сообщил о двух имеющихся у него проектах. Первый касался разрешения купечеству, мещанству и казенным крестьянам покупать земли. Второй—проект князя Платона Зубова —содержал в себе запрещение продажи крестьян без земли и выкуп казной дворовых, которых предлагалось приписывать к цехам. По поводу выкупа в комитете было высказано опасение, что он потребует громадных сумм и будет казне не по плечу, что он вызовет большое недовольство помещиков и преувеличенные ожидания крестьян. Тем не менее государь поручил гр. Кочубею разработать к следующему заседанию проект указа [17].

Проект Кочубея содержал в себе: 1) запрещение продажи без земли; 2) запрещение брать крестьян в дворовые; 3) разрешение свободной покупки земель купцам, мещанам и казенным поселянам, а также разрешение и помещичьим крестьянам покупать земли обществами с воспрещением помещикам отчуждать их; 4) оставление пока дворовых в прежнем положении, чтобы не раздражать помещиков. По мнению Кочубея, дворовые—настолько испорченные элементы, что о них нечего заботиться, как о других [18]). Проект Кочубея, тесно привязывая крестьян-хлебопашцев к земле и давая им возможность приобретать земли, подготовляет будущий переход крестьян к положению фермеров. Но так как Новосильцов указал, что вступительная часть проекта, говорящая о намерениях государя придти на помощь крестьянству, вызовет недовольство дворян, то Новосильцову было поручено посоветоваться с Лагарпом и адмиралом Н. С. Мордвиновым: не следует-ли сначала издать только указ о разрешении купцам, мещанам и каз. поселянам покупать земли, а указ о запрещении продажи людей пока отложить. Лагарп и Мордвинов, с мнением которых Новосильцов был вполне согласен, находили, что одновременное издание обоих указов крайне опасно: второй указ раздражит дворянство и тем парализует благодетельное значение первого. Кочубей, Строганов и Чарторыский выступили с противоположным мнением. Особенно любопытны возражения Строганова. Кого тут бояться? спрашивал он. Дворянства? Но оно в значительной части состоит из людей, „сделавшихся благородными только по службе, не получившими никакого воспитания и не знающими ничего выше власти императора. Ни право, ни справедливость - ничто не может у них породить мысль о малейшем сопротивлении. Это класс наиболее невежественный"... Так нечего бояться помещиков, живущих в деревнях, еще менее внушают опасения служащие дворяне, просвещенная же часть дворянства будет только аплодировать этой мере [19]). Вряд ли может быть сомнение, что все жало этой речи блестящего аристократа-„якобинца" было направлено против „непросвещенного" среднего и мелкого дворянства, не имевшего возможности делать опыты рационального хозяйства и видевшего все свое благосостояние в неограниченном владении крепостными душами. Государь, однако, склонился к мнению Лагарпа и Новосильцова.

Вопрос был снова возбужден в начале 1802 года. Пять крестьян умершего торопецкого помещика Калетина подали жалобу государю на своего покойного господина, отдавшего их петербургскому купцу Бородину,

[17]) Протокол заседания см. „Граф П. А. Строганов", II, стр. 100—104.
[18]) Архив кн. Воронцова, кн. XV, стр. 254—255.
[19]) „Гр. П. А. Строганов", т. II, стр. 109—111.

и по смерти своей в 1796 году не оставившего на них купчей крепости; Бородин же, уверив их, что через пять лет он их отпустит на волю, не исполнил своего обещания. Генерал-прокурор Беклешов внес по этому поводу записку в госуд. совет [20]). В записке этой он, ссылаясь на Уложение и указы XVIII в., предлагал: 1) воспретить купечеству укреплять себе людей в вечное владение; 2) продавать людей могут лишь те владельцы, „кои имея оных, не имеют недвижимых имений и деревень, где бы их при излишестве или ненадобности могли употребить"; 3) разрешить покупать только тем, „кои имеют деревни, следственно возможность обратить их к хозяйству в том имении"; 4) воспретить имеющим деревни продавать людей без земли, за исключением тех случаев, когда продажа вызывается размножением крестьян при недостатке земли, с тем, чтобы продавались в этом случае помещикам, имеющим изобильное количество земли. Проект этот гораздо умереннее прошлогоднего: он не запрещает, а ограничивает продажу, сохраняя готовность считаться с нуждами всех групп помещиков— как крупных сельских хозяев, так и мелких и вовсе безземельных.

При рассмотрении этой записки в государственном совете гр. А. Р. Воронцов [21]) предложил следующее. Прежде всего надо воспретить покупку людей к фабрикам и заводам иначе, как деревнями. Должно быть ограничено право покупки деревень купцами. Продажа людей в рекруты должна быть ограждена мерами, указанными в проекте Трощинского. Помещики должны быть освобождены от платежа податей за отпускаемых на волю людей для поощрения последних к образованию „среднего рода", „tiers état". Дворянам, не имеющим земель, надо разрешить продавать людей в казну на условиях проекта Трощинского. Продажа людей для своза с одной земли на другую разрешается. Во всех других случаях продажа крестьян без земли запрещается.

Мнение Воронцова, решительно охраняющее права крупных землевладельцев из среды родового дворянства, вместе с тем очень гибко и осторожно: он извлекает из проекта Трощинского все, могущее сгладить трения между разными группами помещиков, и в то же время решительнее Беклешова подходит к цели. Все члены госуд. совета присоединились к мнению Воронцова. Но гр. П. В. Завадовский, гр. Н. П. Румянцев и генерал-прокурор заявили, что если запрещение нужно, то уж без из'ятий. А граф В. А. Зубов и Н. С. Мордвинов, поддерживая мнение Воронцова целиком, предлагали также продажу дворовых в казну распространить и «на продажу части селений для перевода и водворения крестьян на землях казенных с заплатою помещикам известной за них цены».

Несмотря на такое настроение госуд. совета, проект остался неосуществленным. По мнению В. И. Семевского «и в данном случае дурную службу сослужила нерешительность государя, поддерживаемая быть может и Лагарпом» [22]). Можно, однако, предположить, что «нерешительность» в данном случае об'яснялась сложностью вопроса, задевавшего слишком широкие интересы.

Многочисленное мелкое дворянство требовало бережного отношения к себе...

Все же рассмотренные нами проекты при всей склонности некоторых из них считаться и с мелким дворянством, выражают интересы крупных землевладельцев, магнатов, руководящим стремлением которых было по-

---

[20]) Архив Гос. Совета, т. III, ч. 1-я, стр. 772—782.

[21]) Брат лондонского посланника, С. Р. Воронцова, осенью 1802 года назначенный государственным канцлером.

[22]) В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888, стр. 251.

вышение доходности хозяйства путем перехода к новой системе. Оброчное хозяйство, в глазах большинства помещиков, осужденное жизнью и сменившееся барщинной эксплуатацией труда крепостных, этой группой приветствовалось, в качестве переходной стадии к фермерству. Нерациональная эксплуатация здесь уступала место расчетливому хозяйственному ведению дела. Любопытно еще отметить, что проекты Трощинского, Беклешова и Воронцова стараются сохранить право продажи крестьян на своз в малонаселенные местности. В этом были заинтересованы крупные помещики, имевшие земли в Новороссии (в частности между Бугом и Днестром) и получавшие льготы от податей до заселения земель. Новороссия и была рынком для сбыта крестьян [23]).

В последующие годы было издано несколько указов, ограничивавших право продажи людей без земли. Было воспрещено купцам приобретать крестьян и дворовых без земли; для борьбы с продажей в рекруты было повелено крестьян, продаваемых без земли, принимать в рекруты не ранее, чем через три года после совершения купчей на продажу; была воспрещена продажа людей без земли на ярмарках; воспрещено совершение купчих крепостей на людей без земли по верющим письмам [24]).

Скромность и, более того, платоничность всех этих указов несомненна, но указ, говоривший о продаже в рекруты, вызывал сильные нарекания в широких кругах дворянства. Такой признанный выразитель чаяний среднего и мелкого дворянства, каким был Н. М. Карамзин, находил, что «небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользою для себя и для общества; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской; а работящий, трезвый остался бы за сохою» [25]).

В правящих кругах в эти годы не только не думали о полном воспрещении продажи крестьян без земли, но даже стремились ее до известной степени узаконить. В распубликованном 2 ноября 1814 года мнении госуд. совета содержится указание, чтобы при совершении купчих на продажу крестьян «ц е н а о н ы м п о л а г а е м а б ы л а е д и н о о б р а з н а я с з е м л е ю, и л и б е з з е м л и», а именно: 200 рублей за мужчину и 100 рублей за женщину.

III.

16 января 1816 года граф Аракчеев сообщил председателю госуд. совета кн. Н. И. Салтыкову [26]), что государь, в виду частых случаев неповиновения крестьян при переселении, повелел пересмотреть соответствующие законы. Между тем скоро после этого поступило прошение крестьян деревень Рудаковой и Саитовой Касимовской округи, Рязанской губернии, принадлежавших статской советнице Нестеровой. Крестьяне утверждали, что предки их принадлежали „некрещенным мурзам“ и „п о ч и т а я с е б я м у р з и н с к и м и, и у д о с т о в е р е н ы б у д у ч и наслышкою, ч т о з а н е к р е щ е н и е мурз и татар в е л е н о находящихся во владении их крестьян о т п и с ы в а т ь в к а з н у“, покупали себе земляные дачи, леса и

[23]) В 1811 г. херсонский губернатор доносил, что военные и др. тяжкие обстоятельства (прекращение вывоза хлеба и т. п.) отбивают у помещиков охоту „употребить капиталы, нужные для заселения земель“, и потому просил о продлении им податной льготы. „Арх. Гос. Сов.“, т. IV, Журн. д-та экон., ч. II, стр. 985.

[24]) Полное собрание законов №№ 21481, 21442 (1804 г.), 23157 (1808 г.), 25107 (1812 г.).

[25]) Н. М. К а р а м з и н. Записка о древней и новой России (Спб. 1914), стр 77—78.

[26]) Архив гос. совета, департ. законов, дело № 213 — О переселении крестьян.

угодья. Каким образом достались они Нестеровым — крестьяне не знают, но признают, что „прежние помещики Нестеровы" брали с них малый оброк и ничем не обременяли, почему они спокойно ожидали обращения их в казенное ведомство. Нынешняя же владелица стала «поступать с нами жестоко, и угнетая семейства наши тягчайшими работами, расположилась на последок к сугубому нещастию нашему распродать всех живущих в тех деревнях Рудаковой и Саитовой крестьян в разные отдаленные места навывоз, с раздроблением даже семейств", и уже продала несколько семейств на своз Донским казакам. В качестве представителя последних, в деревнях уже живет казачий чиновник Гнутов. Здесь мы встречаем указание еще на один рынок сбыта крестьян — Область Войска Донского. Чиновники Войска Донского, „получавшие при пожаловании им чинов права дворянства, стали приобретать крестьян во внутренних губерниях и переселять их на Дон" [27]). Это делала, очевидно, прежде всего войсковая знать, а затем понемногу и менее крупные войсковые чиновники, первоначально промышлявшие скотоводством и коннозаводством, наживавшие на этом промысле капиталы, необходимые для колонизации края крепостными. В Петербурге в это время господствовало неприязненное отношение к Донской войсковой знати, и потому особый указ даже впредь до рассмотрения вопроса в госуд. совете воспретил войсковым чиновникам покупку крестьян без земли для поселения их на войсковых землях [28]). Департамент законов госуд. совета пришел к выводу, что перевод крестьян из одного места в другое по безплодию земли или ее недостаточности следует разрешить, но без раздробления семейств; покупку же с переводом в землю Войска Донского воспретить, „ибо никто не имеет там собственной земли своей, и земли в Войске Донском принадлежат войску без разделения на частные собственности» [29]). Мнение департамента законов осталось без движения, если, конечно, не считать уже приведенного ранее изданного указа о донских чиновниках.

В мае 1817 года крестьяне помещика Курской губернии Жданова подали жалобу государю на своего помещика, что „он продает крестьян по одиночке, отнимает у них имущество и детей и, сохраняя закон, запрещающий продавать людей без земли, пишет в крепостях земли десятины по две при семействе, которую покупщики после ему возвращают" [30]). Оказалось, что в 1815 и 1818 г.г. Жданов продал с малым количеством земли пять семейств (4 целиком, а из пятого оставил у себя отца семейства), что проданная земля, действительно, осталась у него, а проданные крестьяне были „нерадивы к хозяйству и непорядочного поведения". Сенат нашел поступки Жданова законам не противоречащими. Министр юстиции кн. Д. И. Лобанов - Ростовский, соглашаясь с определением сената, обратил внимание на то, однако, что указом 1721 года продажа людей с раздроблением семейств признана нежелательной, и потому возбудил вопрос о выработке соответствующего законопроекта советом комиссии составления законов [31]). В совете комиссии в это время при-

---

27) Столетие военного министерства 1802 — 1902. Главное Управление Казачьих войск. Истор. очерк. XI, ч. I, Спб. 1902, стр. 63. См. также: Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами ген. штаба войска Донского. Составил шт.-кап. Н. Краснов, Спб., 1863, стр. 193 — 194 — и статью И. И. Краснова, „Беспоместные и мелкопоместные чиновники Войска Донского"—„Русский Вестник" 1865 г., № 7.

28) П. С. З., т. XXXIII, № 26164—указ 26 февр. 1816 г.

29) Арх. гос. совета. Том IV, ч. II, Журналы д—та законов, стр. 315—320.

30) Цитаты приводятся из определения сената, имеющегося в архиве гос. сов., в деле комиссии сост. законов—о пресечении продажи крестьян и дворовых людей порознь, № 449.

31) Архив к—та министров. Прил. к журн. к—та мин., май, 1819 г., т. 183. Журналы к—та мин., май 1819, т. 171.

нимали участие бар. Розенкампф, А. И. Тургенев и Данило Мороз. А. Тургенев привлек к участию в этом деле своего брата, члена тайного общества „Союз Благоденствия“, Ник. Тургенева, как крупного экономиста и знатока крестьянского вопроса. Конечно, участие Ник. Тургенева могло быть только неофициальным. Ник. Тургенев первоначально, однако, повидимому, не торопился с выработкой законопроекта: как раз в конце 1819 года он был занят составлением общей записки по крестьянскому вопросу. Но 22 января 1820 года Розенкампфу, как старшему члену комиссии, было сообщено председателем госуд. совета кн. П. В. Лопухиным, что государь приказал решить дело о воспрещении продажи людей без земли немедленно, и потому законопроект должен быть готов к ближайшему воскресенью [32]). Розенкампф внес в комиссию сост. зак. им самим составленный законопроект. Проект этот содержал в себе, напр., следующее положение: продажа крестьян без земли и с раздроблением семейств воспрещается, но вместе с тем, выработанный под очевидным давлением кн. Лопухина, проект Розенкампфа оставлял, как и предыдущие проекты, возможность продавать крестьян без земли в ряде случаев. А, И. Тургенев, повидимому, к проекту не присоединился и, может быть, убедил и Данилу Мороза: по крайней мере, журнал комиссии подписан одним Розенкампфом, чего обыкновенно не водилось. На следующий день, по заведенному порядку, Лопухин, в качестве главноуправляющего комиссией сост. зак., препроводил проект в государственный совет, председателем которого он состоял.

Между тем, в госуд. совет поступили две записки по вопросу о продаже людей без земли с новыми фактическими материалами — от петербургского генерал-губернатора Милорадовича и министра внутренних дел гр. В. П. Кочубея. 12 февраля эти записки слушались в департаменте законов, причем, очевидно, департамент еще не имел проекта Розенкампфа, каковой был, повидимому, задержан А. Тургеневым, статс-секретарем этого департамента. Под очевидным влиянием А. Тургенева, Розенкампф взял назад свой проект, ссылаясь на новые материалы, требующие его переработки и Николай Тургенев занялся этой переработкой. Однако, кн. Лопухин, узнав о всем происшедшем, сообщил гос. секретарю Оленину, что взятие проекта было совершено без его ведома, и препроводил этот проект снова государственному секретарю, настаивая, чтобы комиссия вынесла свое мнение по запискам и представила его в госуд. совет.

Ник. Тургенев в своем дневнике следующим образом изложил этот инцидент: „Не знаю, что выйдет из проекта о запрещении продажи людей без земли. Розенкампф представил князю Л., а этот отправил в совет первый проект, ни на что не похожий. Брат остановил его в совете. Я написал другой, и Розенкампф, возвратив первый, собирался представить новый проект, сходно с моим изложенный. Вдруг старый грешник Л. об‘явил Оленину, что Розенкампф без его ведома взял первый проект, и возвратил его Оленину. Так как брат не подписал сего первого проекта, то ничего не остается более, как представить второй от его имени. Бездушная светлость может очень этим повредить доброму делу. Между тем я различными способами стараюсь приготовить двух или трех членов в пользу нового проекта. Надеюсь, но мало. Надежда, впрочем, не на со-

---

32) Архив Гос. совета. Дело комиссии сост. законов, № 449. „О пресечении продажи крестьян и дворовых людей порознь“. Дело Д — та зак. „По предмету непродажи крестьян порознь и без земель“, 1820 г. № 10 и 40 и 1829 г. № 28.

вет, а на государя. Граф Милорадович думает, что государь согласится на уничтожение продажи. Voilà à quoi nous en sommes" [33]).

Мы остановились на этом инциденте, так как он освещает несомненную борьбу двух групп. С одной стороны председатель госуд. совета, как то странно форсирующий изготовление проекта, очевидно, не желая серьезной и обстоятельной подготовки его, и надеясь поспешным проведением какого-нибудь чиновничьего проекта похоронить дело. С другой стороны— член тайного общества, аболиционист, основательно работающий над вопросом и желающий осуществления серьезного проекта. Приведенная выдержка из дневника Тургенева свидетельствует о его раздражении против „бездушной светлости" князя Лопухина и намерении не сдаваться так легко. Братья Тургеневы решили провести через комиссию сост. зак. новый проект, пользуясь, как предлогом, тем обстоятельством, что первый не был подписан А. Тургеневым. Кроме того, пользуясь своими связями,— он был помощником статс-секретаря департамента экономии — Ник. Тургенев агитировал за свой проект среди членов гос. совета.

Комиссия сост. законов заслушала (9 марта) обе упомянутые записки и проект закона, выработанный Ник. Тургеневым. В дальнейшем Ник. Тургенев, оставаясь официально в стороне, ведет борьбу за свой проект.

В записке Милорадовича приводились следующие факты: 1) коллежский ассессор Лупандин продал по одиночке из своего имения 3 вдов, 17 девок и 1 подарил; 2) отставной штабс-капитан Раздеришин покупал по одиночке малолетних девок „для непотребства"; 3) статская советница Полонская продала полковнице Андреевой своего дворового человека Чернышова с женой и младшей дочерью, а старшую дочь оставила у себя; 4) 3-й департамент надворного суда приговорил продать двух дворовых людей покойного тит. сов. Дьякова для погашения его долга купцу Иванову. Милорадович запросил спб. палату гражданского суда, на каком основании она совершает купчие на крестьян и дворовых порознь. Палата сослалась на жалованную грамоту дворянству и другие законы, разрешающие дворянам продавать свою собственность. Указывая на существование законов, ограничивавших право продажи людей, гр. Милорадович предлагал „в пресечение вышеозначенных злоупотреблений, нетерпимых в благоустроенном государстве" запретить—1) продажу крестьян без земли и по одиночке, хотя бы и с землей, и 2) продажу дворовых отдельно от семейств.

Записка гр. Кочубея сообщала историю крестьян слободы Кленовки, принадлежавшей помещице Камышинского уезда, Саратовской губ. Киреевой. Поверенные этих крестьян, Федоров и Тарасов подавали жалобу на высочайшее имя: их слобода (сост. из 262 душ муж. пола) была куплена Киреевой у надв. сов. Бахметьевой за 130 тыс. руб., при чем она заключила с крестьянами условие о переводе их в вольные хлебопашцы, с уплатой за каждую мужскую душу по 700 руб., а всего 183.400 руб., в течении 6 лет. Крестьяне внесли 14.800 руб., потом еще 1200 руб. Но, Киреева, вместо освобождения, стала их угнетать чрезмерной работой. Комитет министров приказал саратовскому губернатору произвести расследование. При расследовании поверенный Киреевой генерал Хвитцкий показал, что крестьяне были у Бахметева на оброке, а Киреева обратила их к хлебопашеству; они же по непривычке к этому делу просили об увольнении их на волю; сумму хотели выплатить в 3 года, а не в 6 лет.

[33]) Арх. бр. Тургеневых, вып. 5-й. Дневники и письма Н. И. Тургенева. за 1816—24 г.г. Под ред. и с прим. проф. Е. И. Тарасова. Изд. Рос. Акад. Наук. Петроград. 1921, стр. 224. Редактор издания ошибочно назвал „старого грешника Л." —Лобановым, тогда как из предыдущего ясно, что речь идет о кн. Лопухине.

Уплатили только 14.800 руб., а 1.200 руб. она с них не получила; потом они заявили о своей несостоятельности и отказались от освобождения. Крестьяне показали: срок был 4 года, часть выкупной суммы думали заработать на стороне, а часть должна была, как их уверила Киреева, заплатить казна. Но их обратили на господскую работу, работают на помещицу и в праздники, поэтому они лишены возможности заработать выкупную сумму. 10 человек крестьян обвиняли во всем Тарасова: он их уверил, а не Киреева, что заплатит казна, выкупа они не хотят, работают в праздники добровольно, им дают за это вино. Наконец, 45 крестьян отказались подписать свое показание, считая, что подпись будет примирением с помещицей, а они ждут результатов своей жалобы. Заключение следователей было: в виду несостоятельности крестьян, условие потеряло силу и Киреева должна вернуть им деньги; совершено 9 купчих на 26 душ и дана доверенность на купца Куликова для совершения купчей на 7 душ. Губернское правление постановило: 1) проданных крестьян вернуть на старое место жительства, 2) в предупреждение дальнейшей распродажи крестьян сделать распоряжение всем гражданским палатам о несовершении на них купчих, 3) Кирееву предать суду. С своей стороны министр внутренних дел сделал следующее заключение по делу: 1) Киреева должна вернуть крестьянам деньги, 2) несомненно, что крестьяне были обременены работой, 3) крестьян продавали без земли, теперь их вернули назад, но надо решить общий вопрос: можно ли продавать людей без земли?

Так с разных сторон, казалось, создавалась благоприятная обстановка для удовлетворительного разрешения вопроса.

Слушавшийся комиссиею (9 марта) проект Ник. Тургенева содержал в себе две части—мотивировку и самый проект. Так как в данном случае мы встречаемся с проектом, серьезно обоснованным, то необходимо на нем остановиться подробно.

Н. Тургенев еще в поданной Милорадовичу записке по крестьянскому вопросу находил, что „никогда закон не водворял рабства в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны; что сначала они для порядка, которого тогдашнее правительство не могло утвердить иными, более справедливыми средствами, что для сего крестьяне были приписаны к земле, но еще не отданы чрез то в собственность помещикам, которым принадлежала одна только земля; что впоследствии сие приписание к земле мало-по-малу и совсем не по законам, а по праву сильного, обратилось в рабство“ [31]). Предлагая далее начать с мер, имеющих целью охрану крестьянина от произвола помещика (подтверждение закона о 3-х дневной барщине, запрещение детского труда, обязательные отчеты помещиков о крестьянских повинностях), Тургенев в своей записке следующей мерой считает—запрещение продажи людей без земли и вообще какое бы то ни было отделение их от нее, напр., обращение в дворовые. Далее должно следовать установление правительственного надзора за помещиками и разрешение обсуждения крестьянского вопроса, „согласно с правилами цензурного устава“, в печати. Конечной целью должно быть издание нового закона о вольных хлебопашцах, как и старый, ни для кого не обязательного, а всецело расчитанного на добрую волю самих помещиков: тут к правительству переходит административная власть над крестьянами, помещик же, освобождая крестьян, удерживает за собой землю и заключает с остающимися на ней жить крестьянами условия. Для автора нового проекта запрещение продажи людей без земли—есть первый шаг

[31]) Записка Н. И. Тургенева, напеч. в „Русск. Заграничн. Сборнике“, ч. V, тетр. II, 1862 г. и на франц. яз. в его соч. „La Russie et les Russes“, t. II, Paris, 1847, pp. 473—499.

к уничтожению крепостного права, а это уничтожение он хотел видеть в постепенном переходе к фермерскому хозяйству с вольнонаемным трудом.

В деле комиссии сост. зак. «о пресечении продажи крестьян и дворовых людей порознь» имеется много копий и подлинников указов о крестьянах; имеются также их изложения и толкования, свидетельствующие об очень серьезном отношении к делу, душой которого был Ник. Тургенев. Всего точнее взгляд автора проекта на мотивы его изложен в журнале комиссии 26 ноября. Здесь указывалось, что «по коренному закону Российской империи, Уложению царя Алексея Михайловича, крестьяне были крепки земле той вотчины или поместья, к коим были приписаны по писцовым книгам (1); и не могли быть отлучены от земли, разве помещик отпускал их на волю (2), или переводил, но не иначе как с дозволения правительства с вотчинной земли на вотчинную, или с поместной на поместную, —что беглых крестьян велено было возвращать владельцу (3), и что помещик, хотя и имел право продать или заложить целую вотчину или свой жеребей, с водворенными в оной и написанными за нею крестьянами, однако же он не был властен удалить крестьянина от земледелия, яко законного его состояния, ни брать его к себе во двор, ниже уступить кому другому в холопство, и что помещик не могши продать кабального холопа, еще менее имел право продавать своих крестьян порознь (4)». Дворовые люди были, по мнению автора, по Уложению, особым элементом. Они разделялись на: 1) кабальных или летних, временных, служивших по контрактам и не могущих быть проданными и 2) вечно-крепостных, старинных, пленных и купленных, из которых, однако, продавать можно было только некрещеных. Потом развился обычай продавать людей без земли, причины этого следующие: 1) по Уложению, на беглых, возвращаемых старым владельцам, могли совершаться сделки, записываемые в крепостных книгах, а потом это распространилось и на вотчинных крестьян. Отсюда инструкция 1738 года, предписывавшая иметь две книги для совершения купчих: а) на крестьян без земли и б) на дворовых. Но это нельзя рассматривать как разрешение продажи без земли, ибо инструкция не могла отменить коренного закона, каким является Уложение; 2) ревизии и подушная подать сравняли все слои крестьянства. Однако, царская воля всегда стремилась к прекращению продажи людей: отсюда— указ Петра I 1721 г., проект комиссии 1741 года и все последующие ограничения продажи.

В мотивировочной части к законопроекту к этим историческим справкам прибавляется совершенно необычное для канцелярских проектов указание, что «продажа людей по одиночке, как бессловесных животных, не соответственна духу времени» и вообще имеет «неудобства весьма вредные для государства и для нескольких миллионов подданных», что «продавать человека, существо разумное нельзя, а продается земля, без которой крестьянин не должен быть».

Самый законопроект может быть также разделен на две части. Первая содержала в себе: запрещение всякой продажи, заклада и укрепления крестьян иначе как селениями, со всем имуществом и землею (§ 1); об‘явление немедленной переписи дворовых людей и внесение их в ревизские сказки отдельно от крестьян (§ 2); запрещение отделять крестьян от земли взятием во двор (§ 3); устройство судьбы дворовых людей: они должны быть приписаны не к городским домам, а к селам, и подати за них должен платить помещик, они не могут быть продаваемы отдельно от сел, у безземельных помещиков они могут быть приписаны «до дальнейшего распоряжения» к домам, но продавать их также нельзя, можно

только передавать по наследству, а в случае отсутствия наследников, они становятся свободными, наконец, дворовых можно обращать в хлебопашцы, но уже назад брать во двор нельзя (§§ 4, 5, 6 и 7); воспрещение продавать за долги казенные и частные иначе, как селениями, с отпуском дворовых на оброк, который идет на погашение долга (дети этих оброчников уже должны быть совсем свободны §§ 8—9); ограничение переселения крестьян их владельцами только обязательным разрешением правительства (§ 14); освобождение с обязательством уплаты до 60-ти летнего возраста оброка крепостных, принадлежавших прежде личным дворянам, а потом их наследникам не-дворянам (§ 15); воспрещение раздробления семейств при всяком переходе людей от одного владельца к другому, считая семейством мужа, жену и детей мужского пола до 17 лет, а женского пола до замужества (§ 16); и, наконец, предупреждение, что всякий проданный, заложенный или переданный вопреки этому закону крестьянин тем самым делается свободным, а нарушитель закона подлежит ответственности (§ 17).

Вторая часть законопроекта содержит в себе меры к ограничению раздробления помещичьих имений. Она постановляет: никакое имение, состоящее из нескольких сот душ, не может быть продано, заложено или разделено частями, заключающими в себе менее, ста душ (§ 10); имение, состоящее из 100 душ и менее, не может быть вовсе раздроблено (§ 11); при всякой продаже имения нельзя отделять для себя менее 100 душ (§ 12); если каждый из наследников не может владеть ста крестьянами, все имение целиком должно быть продано (§ 13).

Что этой части проекта придавалось важное значение, видно из журнала заседания 9 марта, когда рассматривался проект. Здесь первой части уделено меньше внимания, а необходимость второй указывается, как главный мотив для внесения в государственный совет нового проекта вместо старого, внесенного Розенкампфом, потом взятого им обратно и вторично внесенного, как мы видели выше, кн. Лопухиным.

Здесь указывается, что раздробления имений причиняют «величайший вред для благосостояния крестьян и общих Государственных польз. Раздробления сии чинятся помещиками укреплением за детьми, женами и родственниками частей имений, составляющих не более 20 крестьян. Главная тому причина есть намерение избавиться каждому от поставки рекрут, чрез что тягость падает на остающиеся неразделенные имения. Злоупотребления сии умножились до такой степени, что по ведомости, составленной за последнюю 7-ю ревизию, видно, что ныне существуют в России более 743 т. мелких имений, от 1 до 20 крестьян заключающих, между тем как, обращаясь ко временам 1760-х годов, едва ли могло их быть до 50 т. Ежели Правительство не решится положить сему преграду, то таковый вред и настоящая Государству убыль год от году должны умножаться». Вторая причина — неограничение законом разделов по наследству. «Селение тогда только обильно в своих средствах, когда в нем есть целое общество нескольких сот крестьян, или мир, который во всяком несчастном или непредвидимом случае пособляет впавшему в немощь и истощение, делает всегда, когда нужно, свои общие мирские сходки и приговоры, составляет раскладки податям и платит их за пришедших в несостояние. На сем твердом основании сосредоточена вся прочность взыскания их. Когда же общество крестьян бывает рассеяно, то с сим соединено совершенное их раззорение и безнадежность во взимании податей. Люди сии лишены всякой защиты своего помещика, они идут напоследок в руки покупщиков, которые для умножения оброка посылают их по паспортам в другие губернии для разных промыслов и услуг, отдают

в рекруты и чрез то отвлекают их совершенно от земледелия и лишают крестьянской жизни». Здесь таким образом один мотив—казенный, устранение «безнадежности во взимании податей». А вот другой—хозяйственный. «Ограничение же продажи и разделов имений, ни коим образом не нарушая права собственности, послужит напротив того к умножению земледелия и благосостояния самих помещиков. Оно должно соответствовать желанию и собственным выгодам каждого коренного владельца, пекущегося о благоустройстве и улучшении своего имения, не говоря о тех мелких дворянах, кои привыкли смотреть на крестьян своих, как на вещь, лишь бы только достать чрез нее более денег,—зная, что продажею целого имения можно им получить менее прибыли, нежели распродавая его малыми частьми, дабы каким бы то ни было способом удовлетворить своему корыстолюбию». Таким образом эта мера должна не только предохранить от разорения крестьян, но и укрепить «нравственность самих дворян, удержать их от способов проматывать части мелких имений, им достающихся, а также и сохранить дворянские фамилии и родовое их имение».

Касаясь теперь по существу всего проекта в целом, нельзя не отметить, что он, действительно, совершенно запрещает всякую торговлю людьми без земли и отнюдь не склонен считаться с нуждами мелких дворян, столь резко аттестованных в журнале 9 марта. Кроме того, для автора проекта последний есть несомненно первый шаг к освобождению крестьян. §§ 7, 8, 9 и 17 увеличивают число случаев возможного освобождения. Вторая часть проекта гармонически слита с первой: она рекомендует нам автора, как сторонника крупного рационального хозяйства, боящегося гибели крупного и среднего землевладения и старающегося внушить помещикам идею разумного хозяйственного расчета [35]).

Сам Н. И. Тургенев впоследствии в своих воспоминаниях указал, что проект был направлен против мелких помещиков. «Мой брат», говорит он там, «исполнявший обязанности статс-секретаря департамента законов и одновременно бывший членом комиссии составления законов, привлек меня к совместной работе над представленным последней проектом. Принужденные ограничиться вопросом о продаже крепостных по одиночке и без земли, мы не могли внести в эту работу ничего, относящегося к крепостному праву в общем. Тем не менее наш проект был либеральнее проекта министра юстиции [36]). Однако, я припоминаю, что он содержал в себе не только воспрещение продажи без земли и в розницу, но он также устанавливал принцип нераздробимости имений с крестьянами, заключавших в себе сто и менее крестьян... Как бы ни мало значила подобная мера, она все же дала бы кое-что доброе, так как судьба крепостных наиболее тяжела именно у мелких помещиков». В другом месте об этих последних Н. И. Тургенев говорит, что они «слишком исключительно владельцы крепостных, чтобы быть во состоянии улучшить культуру земли сколько нибудь ощутительным образом) [37]).

---

[35]) Взгляд на Н. И. Тургенева, как сторонника аграрного капитализма, был мной обоснован, еще в 1913 году в статье „Обществ. и политич. взгляды Н. И. Т-ва в Алекс эпоху"—„Современник" 1913, №№ 5—6.

[36]) Здесь, очевидно, под проектом министра юстиции надо подразумевать мнение, поданное последним в Гос. совет, о чем см. ниже.

[37]) „La Russie et les Russes" par N. Tourgueneff. Tome II. Paris, 1847, pp. 105—106 et 166.

На другой день после заседания комиссии, где был принят проект Н. И. Тургенева, Розенкампф сообщил Лопухину, что комиссия, заслушав записки Милорадовича и Кочубея, решила дополнительного мнения не представлять, а выработала новый проект, который теперь кн. Лопухину пришлось передать на рассмотрение д—та законов.

Между тем, пока проект лежал в департаменте, возникло еще новое дело. 4-го июня министр внутренних дел гр. В. П. Кочубей внес по повелению государя в комитет министров следующее сообщение [38]). Отставной 9 кл. Шмаков привез в Петербург 50 душ мужеского пола, 39 —женского, в том числе одного старика 90 лет и двух слепых. Они отправлены обер-бергмейстером 7 кл. Бердом, Псковской губ., Холмского у., на его чугунный завод, находящийся в Петербурге. Берд купил их по 250 руб. за душу у помещика Креницына, который «продал их за недостатком удобной к хлебопашеству земли и по множеству болотных мест». Кочубей передавал повеление государя обсудить поступок Креницына в комитете министров [39]).

Комитет министров поручил министру юстиции представить свои соображения—«не воспрещены ли подобные продажи людей на том основании, как сия сделана». Характерно, что председатель комитета кн. П. В. Лопухин, бывший на заседании, и не подумал осведомить комитет, что вопрос о продаже людей находится на рассмотрении государственного совета. Государь остался неудовлетворенным решением и велел комитету министров рассмотреть дело немедленно. В заседании 29 июня комитет занялся этим делом и пришел к выводу: 1) Уложением Алексея Мих. продажа холопов не воспрещена, 2) указ Петра Вел. 1721 г., воспрещая продажу людей вообще, в крайнем случае разрешает продажу семействами, 3) другого закона, запрещающего продажу нет, и так как по делу о Жданове продажа семействами была признана законам не противоречащей, то из всего этого следует, что и продажа людей Креницыным была вполне законной, и «поступок его не может подлежать никакому преследованию». Но в виду отсутствия каких-либо единообразных правил по этому вопросу, комитет министров полагал просить государя повелеть государственному совету изготовить закон [40]).

Председатель, очевидно, страдавший отсутствием памяти по таким вопросам, и на этот раз забыл упомянуть, что именно в связи с делом о Жданове вопрос уже был передан гос. совету, что там уже лежит проект и не каких-то «единообразных правил» продажи, а полного ее воспрещения. Не видно также, чтобы и гр. Кочубей напомнил при этом о своей записке, за полгода перед тем переданной в государственный совет.

Всего интереснее, однако, резолюция государя, переданная комитету 28 сентября. Александр приказывал комитету самому заняться выписками из всех существующих законов, высказывая свое убеждение, что «продажа людей без земли решительно давно уже запрещена» [41]). Даже давно уже ни чему не удивлявшийся и ко всему привыкший, граф Кочубей был этим настолько поражен, что в одном из заседаний госуд. совета, подойдя к Н. И. Тургеневу, сказал ему «с улыбкой, наполовину

---

38) Н. И. Тургенев ошибочно говорит в своих воспоминаниях, что именно этот случай послужил поводом для обсуждения в 1820 г. вопроса о продаже людей без земли.

39) Отношение Кочубея за № 100—в Арх. к—та мин., в деле „Приложения к журн. к—та министров, июнь 1820 года“.

40) Архив комитета министров „Журн. К—та Мин.“, июнь 1820 г., т. 207.

41) Характерно, что, поглощенный делами Священного Союза, император, очевидно, забыл или вовсе не знал о своем желании немедленного запрещения продажи людей, прикрываясь которым кн. Лопухин еще в январе торопил Розенкампфа.

горькой, наполовину насмешливой: «Подумайте только, что государь убежден, что в течении двадцати лет в его государстве не продают людей по одиночке!» [42]).

20 октября, наконец, проект ком. сост. зак. обсуждался в департаменте законов. Журнал д—та подписан членами его: Вас. Ланским, Александром Шишковым и Иваном Пестелем. Н. И. Тургенев говорит, что А. С. Шишков стал во главе оппозиции его проекту, и что журнал департамента законов был составлен Шишковым [43]).

Действительно, журнал этот составлен в резко-полемическом тоне.

Комиссия ссылалась на указ Петра I 15 апреля 1721 года. Департамент находит, что этот указ «скорее мнение, отданное на суд сенату, чем закон». В нем одни только условные предложения, вроде: «а ежели невозможно пресечь, то хотя бы по нужде и продавали» и проч. «Законы таким двуличным образом не пишутся». Далее в указе встречаются неопределенные выражения, вроде фамилия или семья. Наконец, есть выражения и вовсе неправильные, напр.: «в России продают людей, как скотов». «Сего выражения никаким образом в настоящем смысле принять не можно, ибо в России продаются люди, как люди, а не как скоты». Притом указ никогда не был внесен в Уложение, и потому на нем нельзя основываться. Но комиссия, принимая этот указ за закон, другие законы игнорирует, называя их обычаем и злоупотреблением, и об'ясняя укоренение этого обычая видами «некоторых корыстолюбивых людей». Департамент это решительно опровергает, указывая, во-первых, что это не обычай, а «законопостановление», во-вторых, что неизвестно кого разумеет комиссия под корыстолюбивыми людьми (если частных лиц, то они не мешали «видам правительства», а если государственных деятелей, то такое предположение ни на чем не основано), в-третьих, «в нашем Богохранимом отечестве не было примера ослушания повелению самодержавной власти», которой никакие корыстолюбивые люди не могли бы препятствовать.

Далее, по мнению д—та, именно из доставленной комиссией выписки из законов видно, что «продажа крепостных людей вообще по оным дворянам дозволена без всякого ограничения», и что нет ни одного закона, эту продажу запрещавшего. Комиссия указывает, что продажа людей, на подобие неразумных существ, унизительна для человечества. Д—т заявляет, что он не может принять проекта, основанного «на умствованиях, не токмо с существующими законами несообразных, но и несправедливых». К числу таких «умствований» департамент относит мысль, что «продажа людей лично по одиночке, на подобие бессловесных животных, несвойственна духу нынешнего времени». Что значит продавать лично и по одиночке?—недоумевает департамент. «Всякий человек продается лично, ибо одного за другого продать не можно». Почему одного продавать хуже, чем нескольких? Зачем предполагать, что помещик берет к себе в дом людей безродных для притеснения, а не для обучения ремеслам? Наконец, что разуметь под «духом времени»? Под словом «дух времени» часто разумеется стремление к своеволию и неповиновению. Департамент законов подобных выражений к суждению принимать не может, ибо мнит, что где правительство твердо и законы святы, там они управляют духом времени, а не дух времени ими». Далее надо доказать, почему человек, продаваемый с землею, есть существо разумное, а—без земли—бессловесное жи-

---

[42]) N. Tourgueneff, op. cit., p. 110.

[43]) В. С. Ланской—впоследствии министр внутр. дел, адмирал А. С. Шишков—известный консерватор и сторонник старого слога в литературе, И. Б. Пестель—бывш спб. губернатор, отец декабриста П. И. Пестеля. N. Tourgueneff, p. 107.

вотное. Вообще, по мнению д—та, в обоих случаях человек не может быть сравниваем с животным, так как его ограждает закон, и владелец, притесняющий своих людей, несет ответственность.

Департамент считает, что от принятия проекта может возникнуть много дурных последствий, напр.: «часто могут на малом количестве бесплодных полей сидеть излишнее количество работников, тогда как на великом количестве плодоносных земель недоставать будет делателей, поелику законы, привязывая каждого к своей полосе, возбраняют делать нужное для сего уравнение». Часть проекта, касающуюся ограничения раздробления имений, департамент находит не имеющею связи со всем вопросом и потому отказывается о ней говорить. Переходя далее к случаям, послужившим поводом к запискам Милорадовича и Кочубея, департамент находит прежде всего, что в действиях Лупандина нет ничего преступного: «быть может, что в соседней деревне понадобились невесты, и он продавал своих девок в невесты, то не противно ли нравственности и государственным заботам о народонаселении препятствовать брачным сочетаниям?» Преступление Раздеришина, по мнению д—та, заключается «не в покупке девок, а в непотребстве, за что он и предан суду, и потому нет причины запрещать другим покупать девок для выдачи их в замужество». В действиях Полонской нет ничего преступного, ибо, если даже старшая дочь проданной семьи была оставлена против своей воли, «как же препятствовать законным правам владелицы?» По делу о дворовых людях Дьякова д—т не видит иного, кроме продажи их, средства удовлетворить кредиторов. Наконец, по делу Киреевой следует, по мнению д-та, во-первых, решить вопрос—имела ли Киреева право не возвращать своим крестьянам денег, а во-вторых, обратить внимание на то, что одно судебное место совершает крепости, а другое, равное ему, их уничтожает.

В заключение департамент, сославшись на слова Св. Писания о повиновении властям, и указав, что в то время, как все европейские державы «мятутся и волнуются», Россия пребывает в состоянии спокойствия, и ей нечего желать перемен, об'явил самое стремление к переменам, заимствованным из «училищ и умствований» волнующихся стран, где «под видом свободы ума, разливаемые учения, возбуждающие наглость страстей, наиболее господствуют!» На основании всего сказанного департамент считал необходимым проект отклонить.

Нельзя не признать громадной силы, сказавшейся в полемике Шишкова,—силы быта. В ответ на ссылки на указ Петра здесь совершенно правильное соображение о полной юридической неопределенности этого «указа» (если оставить в стороне курьезное замечание, что людей продают не как скотов, а как людей) и противопоставление этому указу других. Не менее правильно и указание на тесную связь продажи людей без земли с «законными правами» владельца, т. е. крепостным правом. Отразились на доводах Шишкова и интересы малоземельных дворян. Но в общем за запиской чувствуются—и в этом ее главная сила—не интересы отдельных групп дворянства, а весь помещичий быт в данной стадии с порождаемой им психологией страха перед новшествами. Этой психологии недоступны мечтания о рациональном хозяйстве, она не прельщается ограничением раздробления имений: она боится новшеств, ибо в них видит начало конца дворянского господства. Как Растопчин, например, по замечанию проф. Кизеветтера, был против конституции—даже дворянской,—ибо видел, что *всякое* проявление либерализма неизбежно обратится против того же дворянства, так и Шишков—по тем же соображениям—во *всяком* ограничении прав помещиков, хотя бы и сопряженном с вы-

годами для крупных землевладельцев, предвидел неизбежность движения против дворянства в его целом. Шишков—человек прямой: зная настроение в этом вопросе царя, министра внутренних дел и генерал-губернатора, он не стесняется критиковать даже указ Петра — он знает, что за ним сила быта. Наконец, зная хорошо, кто автор проекта, Шишков резко вооружается против либерального выражения «дух времени» и против влияния заграничных «училищ и умствований» [44]).

Н. И. Тургенев не хотел оставить без возражения полемических выпадов и всей аргументации Шишкова и написал ответ, который был внесен его братом в комиссию сост. зак. и был ею принят для внесения в общее собрание гос. совета. Продолжая здесь доказывать правильность своего мнения об историческом происхождении обычая продавать людей без земли и незаконность этого обычая, Н. И. Тургенев утверждает, что указ Петра не только мнение, но и воля этого государя. Выражение «дух времени» означает собою только «из'явление состояния какого-либо общества в нравственном отношении... В одно время народ бывает груб, не просвещен, в другое более образован. Прежде, например, было в России обыкновение отдавать дворян другим головою, наказывать их телесно, прежде наказания в России были сопряжены с большею жестокостью, ныне же, и особенно в последние времена, смягчены. Сие происходит от усовершенствования понятий, нравственности, образованности, от смягчения нравов»... Указывая на отмену крепостного права в Прибалтийском крае, Н. И. Тургенев находит, что с тем большим основанием можно говорить о несоответствии продажи людей без земли «духу времени». Наконец, на замечания об училищах и революциях, следовал ответ, что революции в последнее время имели место в Испании и Неаполе, которые «не имеют училищ и весьма далеки от всякого просвещения». Вообще, напоминает Тургенев, проект возник не из училищ, а на основании сообщенной министром юстиции воли государя, в проекте нет никаких заимствований из-за границы: «все основано на одних только Российских законах, более или менее древних и отчасти новейших» [45]).

Заседание госуд. совета 29 ноября, когда слушались проект ком. сост. зак., мнение д-та зак. и ответ комиссии, было очень бурным. По словам Ник. Тургенева, большинство совета было скорее на стороне проекта. «Состоявший из первых сановников империи, этот орган мог несомненно урегулировать и ограничить по своему желанию права бедных и невежественных помещиков; но он не мог скрыть от себя, что не в этом будет главное значение проекта, что он создаст впечатление о существовании в правительстве тенденции, благоприятной освобождению крепостных [46]). Среди оппозиции проекту, кроме Шишкова, выступавшего очень резко [47]), выделились гр. Литта и адмирал Мордвинов. Первый на-

---

[44]) Журнал д-та законов 20 окт. Напеч. в изд. „Архив Гос. Сов." т. IV, журн. Д-та Зак., стр. 327—331. Психология страха перед новшествами, захватившая даже прежде чуждых ей крупных землевладельцев, стоит в тесной связи с общей реакцией, воцарившейся в Европе. Аристократические круги этой эпохи буквально галлюцинируют надвигающейся революцией. См., напр., письма графини М. Д. Нессельроде к мужу— „Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850", том VI.

[45]) Этот ответ за подписью Розенкампфа А. Тургенева и Д. Мороза имеется в цитированном деле деп. законов.

[46]) N. Tourgueneff, op. cit., p. 106.

[47]) Он потребовал, чтобы был назван автор неприличного, по его мнению, ответа комиссии, и престарелому председателю пришлось, чтобы выгородить комиссию, взять авторство на себя.

ходил, что надо утвердить или отвергнуть мнение д-та законов по частным делам, возбужденным записками генерал-губернатора и министра вн. дел, а что касается «до желания некоторых господ составлять законы», то, если на это будет «высочайшее соизволение», предоставить каждому сколько угодно времени для составления новых законов и критики старых. Адмирал Мордвинов в поданном позже мнении, проводя разницу между правом собственности, как правом естественным, и правом зависимости, как правом гражданским, доказывает, что в России, как и в Европе, человек не является предметом собственности другого человека, но находится от него в зависимости. «По малонаселению в России, по великому пространству ее, по различию почв земли, тощих и плодородных, по различию климатов, холодных и теплых, по степени просвещения, по недостатку капиталов, для заплаты посева прежде снятия с полей урожая, зависимость крестьян от помещиков должна быть для общего благосостояния, в высшей мере, нежели существует она в Англии, Швейцарии и Италии»[48]. В продаже людей, по мнению Мордвинова, нет ничего предосудительного, если она вызвана нуждою, а не корыстолюбием. В последнем случае она должна быть наказуема, как наказуемы вообще злоупотребления правом зависимости.

Тургенев в дневнике от 8 декабря отметил, что Мордвинов «гнусно умничает». Но в мнении гр. Мордвинова проекту Тургенева противостояли могущественные интересы. Полоса помещичьего предпринимательства, опыты рационального хозяйства терпели поражение, благодаря «недостатку капиталов». А «малонаселение» и «различие почв» неотразимо напоминали о задачах колонизации. Мордвинов — сам южный помещик — прекрасно понимал эти последние. Главное же: при начавшемся упадке помещичьего хозяйства либерализм Тургенева, отражавший опыты предпринимательства, терял почву.

Более умеренными были мнения государственного контролера бар. Кампенгаузена и министра юстиции кн. Лобанова-Ростовского. Кампенгаузен, соглашаясь, что воспретить продажу людей без земли было бы полезно, опасался, однако, что издание нового закона вызовет потрясения, и предлагал сделать распоряжение гражданским палатам, сомневающимся в этом вопросе, приостановить совершение купчих на людей без земли, а правительству заняться изучением вопроса со всех сторон.

Министр юстиции «отвлекаясь от всякого умствования», находил, что, оставляя в силе право дворян продавать крестьян как с землею, так и без земли, надо воспретить только раздробление семейств.

Тем не менее, по словам Тургенева, большинство было за проект. «Но было замечено, что государь больше не думал об этом деле, и министр внутренних дел гр. Кочубей заявил в конце заседания, что вопрос должен быть еще изучен в его министерстве». По мнению Тургенева, поступок Кочубея об'яснялся его разочарованием, как опытного государственного деятеля, в таких бесплодных попытках реформ, как эта[49]. Следует, однако, думать, что в данном случае главную роль играла обычная чуткость Кочубея к настроениям правящих сфер: пусть Шишков и Мордвинов были в меньшинстве, но за ними стояли и действительное со-

48) Курсив мой. А. Ш.
49) N. Tourgueneff, op. cit., pp. 109—110.

стояние помещичьего хозяйства, и мистически-реакционное настроение императора и знати.

В журнале заседания было записано, что суждение по вопросу откладывается до представления мнений гг. членов. Члены же, кроме названных, мнений своих не представляли, и вопрос оказался похороненным [1]).

(Продолжение следует).

А. Шебунин.

[1]) Журнал заседания и [illegible] Арх. Гос. Сов. т. [illegible] ст. [illegible]

Условия труда и быт рабочих на Государственном фарфоровом заводе.

В процессе производства фарфора отдельные стадии работы связаны строгой последовательностью и конечный результат находится в прямой зависимости от предварительной обработки. Качество сырых материалов (каолина и пр.), равномерное смешение составных частей массы, формовка изделий, сушка и обжиг — все это требует со стороны рабочих неослабного внимания и заботы. Коэффициент расширения массы должен быть одинаковым во всех ее частях, т. к. при различности массы получается различная усадка, что выражается в трещинах или в искажении формы. Чтобы устранить эти недостатки, необходимо тщательно перемешивать составные части массы перед дальнейшей обработкой. Готовую массу нужно хорошо размять и вымесить, чтобы в ней не осталось пузырей воздуха. Все эти условия весьма существенны для благоприятного исхода обжига.

Следующая стадия обработки возможна путем ручной лепки или с помощью вытачивания на гончарном кругу, или при помощи форм (выдавливание и отливка). В этой работе особенно важно мастерство, бережность и зоркость. Токари, резчики и формовщики должны быть в известной мере артистами своего дела. Обжиг [illegible] вещей требует большой технической опытности, также как и глазурование (покрытие фарфора стекловидным слоем). Наконец, роспись вещей является художественным увенчанием всей предыдущей работы. Грубый, чисто механический труд стоит в производстве фарфора на заднем плане. Основным двигателем является артистический труд и от каждого участника работы требуется доля артистичности. Поэтому в отношении производства фарфора нельзя резко разграничить термины "рабочий" и "художник": все трудящиеся на фарфоровом заводе являются рабочими, труд которых должен быть *художественным*.

Условия труда на Государственном фарфоровом заводе претерпели многосложную эволюцию на протяжении 175 лет.

В начале деятельности Императорской фарфоровой фабрики (основанной в 1745—48 гг.) организация производства не была продумана каким-либо образом и складывалась постепенно, по мере развития дела.

В 1747 г. при фабрике состояло 47 рабочих; в этом числе были не только мастера-керамисты, но и каменщики и др. В конце 1750-х годов число постоянных рабочих и мастеровых устанавливалось до 1757 г. [illegible] в пределах 40—55 человек, а в 1757 году в ее штате состояло более 70 человек. Фабрикой заведовал металлург Д. Виноградов с двумя помощниками, затем имелись два живописца, два токаря, [illegible], [illegible], два обжигальщика, четыре машиниста, четыре [illegible], три [illegible], один [illegible] и [illegible]. Постепенное усовершенствование производства требовало увеличения числа рабочих, и правительство разрешило [illegible] принимать на фабрику новых людей [illegible]

[illegible] из крепостных и не состоявших на казенной службе. Желая обеспечить фабрику специально-обученными мастерами, Виноградов принимал не только взрослых, но и малолетних, обучая их грамоте и разным отраслям фарфорового производства. О некоторых ученицах-живописцах известно, что они занимались исключительно [illegible] на табакерках. Более сложные работы поручались иностранцам, т. к. [illegible] в ту пору невозможно было найти живописцев.

В 1765 году количество рабочих достигло 80 человек, четвертую часть из них составляли малолетние ученики. О размерах производства в конце 18-го века можно судить по тому, что общий заработок всех служащих за треть года составлял 15 тысяч рублей — суммы по тому времени весьма значительной (чистый капитал завода в 1792 году составлял 188 тысяч рублей).

Более или менее законченные формы организация завода приняла в 1787 году, когда была окончена постройка второго корпуса главного здания. Завод состоял из пяти главных частей (не считая конторы). Первую часть составляло машинное отделение, где обрабатывались материалы, потребные для составления фарфоровой массы. Во второй части — так называемой точильной палате, сосредоточивалась вся скульптурная часть производства (токарное, резное и скульптурное отделения). Третью часть — горновая палата служила для обжигания вещей в первом огне, для глазурования и обжига во втором огне. К горновому отделению относилась и мельница для глазури. Далее помещалась живописная палата, где расписывался фарфор и, наконец, лаборатория, в которой изготовлялись фарфоровые краски и находились муфели для обжигания расписанных вещей.

О размерах производительности завода можно судить по данным 1794 года: в этот год завод переработал более 36 тысяч пудов сырых материалов, исполнил [illegible] тысяч фарфоровых предметов и 657 форм и моделей; в горновом отделении было изготовлено и пережжено в первом и втором огне более 67 тысяч вещей. В живописном отделении было исполнено и расписано свыше 19 тысяч вещей. Стоимость готового фарфора, поступившего в склад за 1794 год, равнялась 60 тысячам рублей.

К этому времени русские мастера научились управлять обжигом, так что процент испорченных вещей понизился до минимума. Обжиг производился в [illegible] горнах, топка которых производилась исключительно сосновыми дровами.

При Павле [1]) был принят ряд мер, направленных к улучшению быта рабочих: так в 1797 году при заводе был устроен лазарет; в 1800 году были сооружены [illegible] магазины и больница для мастеровых [illegible], кроме лазарета, [illegible]. К 1801 году завод насчитывал 200 человек служащих (цифра эта [illegible] увеличилась до 405 служащих [illegible]). В эту пору при Фарфоровом заводе было оборудовано мраморное отделение (под руководством [illegible]), в котором работали [illegible] учеников.

Для составления фарфоровой массы служила исключительно гжельская глина, которая еще раньше заменила почти все другие сорта глины. Кварц и шпат (ежегодно более трех тысяч пудов) доставляли [illegible] в [illegible] виде, т.-е. [illegible]. [illegible] материалов [illegible] на качестве [illegible]. Для [illegible] перемалывания материалов [illegible] массы, [illegible].

[1]) В 1796 году [illegible]

[illegible] пестиком. Такое ручное околачивание было весьма непрактично, т. к. требовало много времени и не гарантировало в достаточной степени от [illegible] воздуха и от пустот, опасных при выделке изделий и обусловливающих большой процент брака.

Со вступлением на престол Александра I Фарфоровый завод и [illegible] перешел в ведомство Кабинета его величества. К этому времени всех служащих и рабочих было около 250 человек. Управляющий заводом граф Д. Гурьев старался повысить производительность работы выписками иностранных мастеров; главною причиною [illegible] выработки он считал "нерадение мастеровых" и потому дал строжайший приказ конторе: наблюдать, чтобы люди в положенное время безотлучно находились при своих работах; принимать от них выработанные вещи по [illegible], а [illegible], с целью точного контроля производительности труда каждого рабочего, [illegible] подмастерьям следить не только за исправною отделкою вещей, но и за [illegible] работы подчиненных им людей; выбрать из учеников заводских училищ [illegible] к рисованию и назначить их навсегда в полировщики, чтобы самим живописцам не [illegible] времени на собственноручную полировку, как было раньше.

В течение более полустолетия со времени основания завода образовался [illegible] постоянный контингент служащих, пополняемый естественным приростом. Формулярные списки за различные годы показывают, что в числе приписных к заводу были люди самых различных званий и положений: крестьяне, мещане, [illegible] духовных лиц, штаб-офицеров, солдат, придворных служителей и др. Значительный процент составляли иностранцы. В отличие от чиновников, состоявших [illegible] главнейшие квалифицированные мастера и художники Фарфорового завода получали вознаграждение не по штату, а каждый по степени своего искусства. Прочим мастеровым полагалась задельная плата на основании определенной таксы. Для поощрения "отлично трудившихся" выдавали вознаграждение из заводской прибыли.

Гурьев признавал, что положение рабочих неудовлетворительно, и, вводя задельную плату, надеялся, что эта мера поможет выйти из "состояния [illegible]". Впрочем, система задельной платы существовала не для всех рабочих: [illegible] получали только жалованье, другие только задельную плату — [illegible]. Ответственные лица — художники и мастера получали обыкновенно известный процент с выделанных вещей. Например, модельмейстер получал, кроме жалованья (800 р.), по 2% с [illegible] (около 900 руб.); мастер, заведующий составлением фарфоровой массы, не получая жалованья, вырабатывал на заделе более 1500 р. (по 20% с удачных вещей, без брака выходивших из горнов); главный [illegible] Зейфферт и мастер Сергеев имели по 1% с трех горнов, так что первый имел вместе с жалованьем около 1000 р., второй около 900 руб. Для [illegible] мастеровых задел определялся, смотря по способностям каждого. Токари [illegible] вошедшие ученики состояли только на жалованьи.

Значение для рабочих задела было в то время [illegible], чем теперь: [illegible] меру коррективом установленной системы жалованья, размеры которого в России в первой половине 19 века были весьма незначительны во всех почти [illegible] и учреждениях. Увеличение окладов, возможное в большинстве случаев только законодательным путем, совершалось весьма медленно, а увеличение жалованья [illegible] и подмастерьям, в большинстве принадлежавшим к крепостным, было тем [illegible], что по тогдашним обычаям нельзя было назначать им оклады более высокие, чем людям свободных профессий. Кроме того, однажды установленное жалованье с каждым годом все меньше удовлетворяло потребности рабочих, как вследствие [illegible] ного понижения покупной силы денег, так и в особенности потому, что сумма жалованья выражалась тогда в рублях ассигнациями, курс которых в царствование Александра I стоял очень низко и, за немногими исключениями, падал с каждым годом. Вот почему задел иногда являлся настоящим благодеянием для рабочих.

Помимо денежной оплаты в быту рабочих Фарфорового завода большое зна-

рение всех различные права и преимущества, предоставленные им с начала 19-го столетия: право постройки домов на казенной земле, пользование огородами и покосами, выдача ссуд в счет жалования на постройку собственных домов, предоставление казенных квартир, обеспечение на случай инвалидности и под старость и т. д. Кроме того, Гурьев предложил образовать постоянный капитал для выдачи престарелым и потерявшим трудоспособность мастерам ежегодных пенсий. Из заводских прибылей в пенсионный капитал ежегодно отчислялось 2 тысячи рублей.

Большое значение для поднятия благосостояния рабочих завода имела новая прирезка земли к Фарфоровому заводу из дачи Невских кирпичных заводов. Гурьев ввел меру, напоминающую в некоторой степени мюльгаузенскую систему: для рабочих Стеклянного и Фарфорового заводов строились небольшие деревянные домики, которые отдавались на выплату, подобно тому, как это имело место в Мюльгаузене. Позднее завод стал давать своим рабочим в счет жалования ссуды на постройку домов на казенной земле. Поселившиеся на заводских свободных землях рабочие платили заводу небольшие поземельные деньги, делаясь таким образом как бы вечно-наследственными арендаторами, и этим было положено прочное основание для возникновения поселка Фарфорового завода. В царствование Александра I значительная часть рабочих, повидимому, владела собственностью.

Ученикам, успешно оканчивавшим заводскую школу, предоставлялась возможность продолжать учение.

Рабочим Фарфорового завода не был закрыт доступ и к чинам: например, мастера Г. Неунокьев и Воинов дослужились до чина 9-го класса. В 1820 году были пожалованы чином кабинетного регистратора четыре живописных подмастерья. Это поощрение, несомненно, вызывало соревнование среди рабочих.

Потребность во врачебной помощи удовлетворялась заводской больницей, а более серьезных случаев заболевших мастеровых отправляли в городские больницы: в Обуховскую и Калинкинскую. Администрация завода нередко оказывала помощь и семьям рабочих: вдовам выдавались пенсии и пособия, сирот устраивали на службу или помещали в Сиротский Воспитательный Дом. Однако некоторые рабочие были плохо обеспечены заработком, и поэтому убегали с завода.

В эпоху Александра I в технике производства фарфора произошли некоторые перемены. Были сооружены новые горны взамен примитивных прежних. Качество фарфоровой массы было улучшено. Мельница, служившая для ее обработки, оставалась по-прежнему конною, но производительность ее была повышена почти вдвое.

В 1835 году было введено новое положение об управлении Фарфоровым заводом: общий состав служащих был определен в 50 человек при конторе (с содержанием до 30 тысяч руб. ассигнациями) и 197 человек при работах на самом заводе (с содержанием до 70 тысяч руб. ассигнациями). А по штатам 1853 года было 30 классных и 49 неклассных чиновников и 206 человек мастеров и рабочих.

В эпоху Николая I Фарфоровый завод разделялся на две главные части: "искусственную" (т.-е. художественную) и хозяйственную. "Искусственная" часть состояла из шести отделений: 1) состава массы, 2) гончарное, 3) выделки белых вещей, 4) обжига вещей, 5) лабораторное и 6) живописное. Отделение состава массы заключало машину для изготовления фарфорового теста и целильню. При отделении находились 1 мастер, 1 ученик и 10 мастеровых. Гончарное отделение, занимавшееся изготовлением капселей и огнеупорных кирпичей для горнов, имело 8 человек мастеровых при одном подмастерье. Отделение выделки сырых вещей находилось в ведении модельмейстера и состояло из 7 мастерских: токарной, модельмейстерской, скульптурной, глазурной, резной, формовской и подпачивальной. Личный состав отделения выделки сырых вещей слагался из токарей (2 подмастерья и 5 мастеровых), скульпторов (4 мастера, 3 подмастерья, 4 мастеровых, 5 учеников), резчиков (1 мастер, 4 подмастерья, 3 мастеровых), глазурщиков (1 подмастерье, 1 мастеровых, 1 ученик), формовщиков (1 подмастерье и 1 мастеровой), подпачивальщиков

ков (2 мастеровых). При отделении обжига вещей, в течение при горнах находились 3 подмастерья, 25 мастеровых и 1 ученик. При лаборатории (вместе с муфелями) находились: мастер обжига живописных вещей, помощник его, 2 краскотера и 5 чернорабочих. Живописное отделение, наиболее обширное, разделялось на 4 части по роду живописи: отдел пейзажный и перспективный—7 мастеров, фигурный—3 мастера, 14 подмастерьев, 1 живописец и 3 ученика, цветочный—4 мастера, 4 подмастерья, 4 живописца и 4 ученика, орнаментный—11 мастеров, 9 подмастерьев, 15 живописцев, 6 учеников, 6 полировщиков.

Состав рабочих менялся, главным образом, в связи с нетрудоспособностью стариков: администрация завода периодически составляла список мастерам и мастеровым, назначенным к увольнению за старостью лет и неспособностью к работам. Иностранных мастеров становилось постепенно все меньше, их место занимали вновь подготовленные русские рабочие и живописцы.

Отношение администрации к рабочим во времена Николая I было весьма суровым, — на заводе господствовал почти военный режим. Однако, оплата труда была вполне удовлетворительной. Квалифицированные мастера получали довольно большое жалованье; в среднем на каждого работника приходилось около 400 рублей серебром заработной платы. Старший мастер живописи получал один процент с оконченных живописных вещей, что составляло до 2300 рублей в год. Кроме материального поощрения, прибегали к мерам, рассчитанным на честолюбие: была заведена "книга для вписывания имен отличных художников" (своего рода мраморная доска), мастерам дали право носить мундир министерства импер. двора и пр. Леность и небрежное отношение к работе вело к штрафам и к смещению из разряда мастеров в мастеровые; за своевольную отлучку с завода, за пьянство, буйство или кражу виновных сдавали в солдаты.

Крупная перемена в положении рабочих завода произошла с освобождением их от обязательного труда. В 1860 году было утверждено новое "положение о рабочих людях" при Фарфоровом и Стеклянном заводах, согласно которому все мастеровые и рабочие освобождались от всякой зависимости от заводов, с правом приписаться в течение года в свободные податные состояния. Они освобождались также на 12 лет от рекрутской повинности, а по истечении этого срока могли отбывать рекрутскую повинность денежным взносом. При освобождении бывшие заводские люди вознаграждались за их прежний труд пожизненными пенсиями (прослужившие не менее 15 лет) и единовременными пособиями (прослужившие от 5 до 15 лет).

Освобождение от крепостной зависимости вначале не оказало почти никакого влияния на ход самого заводского производства, на распорядок работ и на штаты. Способ вознаграждения также остался прежний — задельная плата и в виде исключения жалованье. Количество труда было оставлено прежнее, рабочий день ограничивался десятью часами, исключая суббот, когда работы продолжались 5 часов.

Неблагоприятная сторона свободного труда состояла в необеспеченности рабочих, особенно в случае потери трудоспособности. В виду этого администрация решила организовать при заводе вспомогательную кассу "для призрения больных и престарелых рабочих". Все расходы, назначение пенсий из нее должны были производиться не иначе, как с согласия выборных из среды рабочих. Это было, в сущности, невольным проявлением демократизации. Однако, рабочие отнеслись к этой затее отрицательно, предвидя, что "давление" начальства на выборных неизбежно, и проект учреждения кассы не был осуществлен. Не питая доверия к начальству, рабочие учредили свою собственную трехпроцентную ссудо-вспомогательную кассу, вскоре, однако, закрытую, в виду ее нелегальности. Усадьбы заводского селения вскоре после освобождения рабочих от обязательного труда перешли в частные руки. В технике производства Фарфорового завода при Александре II было введено существенное новшество: живая двигательная сила была заменена механической, паровой, однако, она применялась только для перемалывания кварца, шпата и черепя, и потому не оказала

существенного влияния в смысле сокращения числа рабочих рук. В 1858 году вместо конной машины была установлена паровая 12-ти сильная, замененная в 1875 году новой, более сильной. В белой палате была устроена особая печь и большой сушильный шкаф. Сырые вещи обжигались в четырех горнах прямым пламенем.

В начале восьмидесятых годов состав завода определялся в 233 человека. К этому времени относится улучшение медицинской части, организация библиотеки и устройство четырех новых горнов по образцу заграничных заводов. В 1896 году была устроена вспомогательная касса, с обязательным участием в ней всех рабочих, зарабатывающих менее 1500 руб. в год. К концу 1904 года эта касса владела капиталом в 145 тысяч рублей. Рабочее время было строго нормировано: зимою работа продолжалась 6 часов, летом 8½.

Новая эра в жизни Фарфорового завода наступила в 1917 году. Завод, бывший прежде исключительно поставщиком императорского двора (если не считать военных заготовок), сделался народным достоянием. Организация и направление его деятельности изменились коренным образом. Завод перешел в ведение сначала Комиссариата Земледелия, затем в Отдел Изобразительных Искусств Комиссариата по просвещению.

Руководство заводом с 1917 года до сего времени ведется в тесной связи с фабрично-заводскими комитетами. Состав рабочих остался почти тот же. В живописном отделении 12 — 14, всего же на заводе 100. Заведующему художественной частью С. В. Чехонину удалось привлечь к заводу ряд даровитых художников и обновить работу живописного отделения.

Установившийся издавна обычай копировать картины обезличил своеобразие росписи фарфора и потом пришлось заново прививать рабочим технические навыки. С целью поднять производительность, рабочие были переведены на „простое" заполнение фарфора росписью массового характера, познакомил их с работой кустарного типа. Постепенно был произведен отбор мастеров и принят ряд новых живописцев на правах рабочих. Подражание старым образцам было принципиально отвергнуто. Художникам завода удалось под влиянием Чехонина создать совершенно новый, своеобразный стиль, характеризующийся культом чистого мазка, самодовлеющим значением краски. Обильно использованы в современном фарфоре коммунистические лозунги и революционные мотивы: в фарфоровых изделиях своеобразно и ярко отразилась пролетарская идеология, быт и нравы современности.

Наиболее тяжелы в экономическом отношении были для Фарфорового завода 1918—20 гг., но ни на один день завод не прекращал своей деятельности. В указанные годы технические изделия преобладали — завод выпускал около 200.000 технических предметов и всего около 2.000 художественных. Ныне (1922 г.) количество художественных изделий в несколько раз и неуклонно продолжает расти.

Необходимо отметить, что впервые за все время своего существования Фарфоровый завод перешел на самоснабжение и покрывает расходы по производству. Особенно усилилась производительность завода с введением, так назыв., новой экономической политики, т.-е. с начала 1921 года. Несмотря на множество трудностей, сопряженных в наше время с производственной работой, несмотря на крайне скудную оплату труда рабочих и художников завод продолжает идти в авангарде русской художественной промышленности [2]).

В настоящее время оплата труда рабочих и живописцев Фарфорового завода производится по усмотрению особой расценочной комиссии, в которую входят заведующий живописным отделением, выборный от рабочих, представитель администра-

[2]) Подробная характеристика художественной деятельности Фарфорового завода в 1917—1922 гг. дана в иллюстрированной монографии Э. Голлербаха „Фарфор Государственного завода" (Москва, изд. „Среди коллекционеров" 1922).

ции и наборный от живописцев. Всякая художественная работа оценивается с трех точек зрения: со стороны композиции, качества и продуктивности. Живописцы, исполняющие работу массового характера, получают вознаграждение по тарифу; кроме того, существует поштучная оплата. Когда на заводе выдавалось государственное снабжение продовольствием, оплата по тарифу была более выгодной, чем сдельная плата; с отменой же государственного снабжения — наоборот. В последнее время большинство живописцев находится одновременно и на тарифе и на сделке.

"Трехстатейная" оценка работы применяется не ко всем живописцам. Всем трем требованиям (композиции, качеству и продуктивности) удовлетворяет только художник М. Адамович; за ним следуют художницы: Кобылецкая, Щекотихина и др.

Производительность рядовых рабочих зависит от сложности работы: рабочий, расписывающий сервиз с многосложным узором, может сделать не более двух тарелок в день; тарелей средней сложности можно сделать 8 — 10 в день; обыкновенная же посуда вырабатывается в количестве от 20 до 30 экземпляров в день.

Сбыт произведений Фарфорового завода возрастает с каждым годом. Русский фарфор пользуется большим успехом у иностранцев и на последних выставках во Флоренции, в Кенигсберге и в Берлине привлекал особое внимание.

Э. Голлербах

К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае.

(По освобождении от крепостной зависимости).

Неподготовленность населения к принятию реформы. — Надежды на „другую" волю.— Бездейственное отношение к ним властей. —Волнения на Благовещенском заводе 1861 и 1862 г.г. Требование крестьян о переводе их в разряд мастеровых.—Волнения 1863 г.— Взгляд на требования крестьян. —Отношения властей к „мирским ходокам".—Записка министерского чиновника Гаврилова.—Отзыв владельцев. —Волнения 1864 г. Представление министров внутр. дел и финансов в Главный Комитет. — Положение Гл. Комитета (1864 г.). —Переселение (в 1865 г.) мастеровых на казенные земли. —Судьба переселенцев в Сибири. Самовольное возвращение их на заводы. —Разрешение (в 1869 г.) мастеровым вернуться на заводы.

Частные горные заводы Оренбургского края [1] находились в ведении двух министерств —внутренних дел и финансов, которые нередко противодействовали друг другу из опасения ослабить предоставленную каждому власть, что печально отражалось на крестьянах. Обыкновенно их судьбой власть начинала интересоваться лишь тогда, когда они, доведенные до крайности, выходили из своего обычного состояния тупой рабской покорности и допускали нарушение «установленного порядка». В таких случаях крестьяне-ослушники становились предметом сугубого внимания не только местных, но и центральных властей. Но как только порядок восстанавливался, об элементарных нуждах крестьян забывали впредь до нового напоминания каким-нибудь из ряда вон выходящим случаем. Этим обстоятельством можно объяснить следующее явление. В архиве министерства внутренних дел за предшествовавшие крестьянской реформе годы имеются богатые материалы по делам тех частных горных заводов, где крестьянам тогда жилось особенно тяжело, например: Шильвинского (Подъячева), Канонипольского (Загряжского) и Юрюзанского (Сухозанет), о тех же заводах, на которых положение крестьян было тогда сравнительно лучше, почти не упоминается. После же крестьянской реформы, изменившей весь уклад жизни горнозаводских крестьян, картина меняется: центром внимания правительства становятся те именно заводы, которые раньше не причиняли ему беспокойства. Повидимому, более угнетавшиеся при крепостном праве крестьяне менее сильно чувствовали крушение тех надежд, с которыми у них связывалось представление о воле, и потому слабее реагировали на гибель этих надежд, чем крестьяне относительно лучше обставленных заводов, в роде Благовещенского, Симского и др., разочарования которых обнаружились с особенной яркостью вскоре по введении „уставных грамот" и протесты которых поэтому были особенно упорны.

Уставные грамоты были теми актами, в которых по словам закона должны быть определены постоянные поземельные отношения между поме-

1) Архив истории труда в России, кн. 3, стр. 26—39; кн. 4, стр. 57—67.

щиком и крестьянами. Составление грамот было предоставлено помещику, от которого зависело приглашение крестьян к участию в их разработке. По каждому имению грамота должна была быть составлена и представлена в течение года со дня получения на месте Положений о крестьянах. В Оренбургской губернии этот срок истекал 15 марта 1862 г. Окончательным же сроком введения в действие грамот вообще было установлено 19 февраля 1863 г. [2]).

Оренбургский губернатор Барановский и возглавлявшееся им губернское по крестьянским делам присутствие [3]), обнаруживше кипучую деятельность по проведению в жизнь крестьянской реформы, выдвинули вопрос о скорейшем — до истечения года — введении уставных грамот по горнозаводским имениям. Губернатор представил об этом министру внутренних дел. И оренбургский и самарский генерал-губернатор Безак заявил министру, что „скорейшее введение уставных грамот, устраняя произвол заводовладельцев в вознаграждении крестьян за их труд и в предоставлении им дарованных льгот, может служить самым надежным средством к прочному обеспечению быта заводского населения". Убаюкиваемый этими многообещающими уверениями, министр сделал соответствующее представление в главный комитет об устройстве сельского состояния, и в ноябре 1861 г. оно было утверждено. Сообщая об этом губернатору, министр выразил надежду, что введение уставных грамот будет закончено к 15 марта 1862 г. [3]).

Но действительность не оправдала надежд ни на быстроту исполнения, ни на благодетельные последствия введения уставных грамот. Власти, очевидно, не учли целого ряда чрезвычайно важных обстоятельств и, главным образом, того, что грамоты знаменовали собою резкий перелом во всем жизненном укладе горнозаводского населения. Ведь горнозаводское дело в Оренбургском крае возникло не вследствие выгодности местных условий, а „произволом землевладельцев, которые, выстроив заводы на доставшихся им от башкир за бесценок, богатых рудой и лесом землях, заселяли их людьми, выведенными издалека против их воли". Большинство горнозаводских имений лежало в местностях, по бесплодию почвы и суровости климата неудобных для земледелия. Население в значительной своей части имело одни усадьбы и покосы, а у иных не было и покосов. Лишь при некоторых заводах имелись пахотные участки — чаще всего незначительные. При крепостном праве на полевые работы горнозаводскому населению давалось не более 2—3 месяцев в году, ибо остальное время поглощали заводские и рудничные работы [4]).

---

[1]) Полное собрание законов, т. 36, № 36657, [illegible] 19 февраля [illegible].

[2]) Архив истории труда в России, книга 4, стр. 58 и след.

[3]) Архив министерства внутр. дел, земск. отд., [illegible] 1861 г., [illegible] № 5.

[4]) О количестве земельных угодий, которыми обладало [illegible] горных заводов, [illegible] следующие цифры, получающие особое значение, [illegible] что заводы находились в местностях [illegible] на душу.

Название завода.	На душу в десятин. Пашни.	Покоса.	Название завода.	На душу в десятин. Пашни.	Покоса.
Архангельский	1,8	1,9	Троицкий	0,35	2,[illegible]
Благовещенский	1,9	2,8	Усть-Ивановский	[illegible],2	[illegible],9
Белорецкий и Тирлянский	2,1	1,4	Юрюз. и Миньский	1,3	4,1
Верхоторский	2,7	3,4	Авзяно-Петровские	не было	1,9
Катав-Ивановск. и Усть-Катавский	0,99	5,[illegible]	Кано-Никольский	„	не было
Преображенский	5,1	5,8	Кагинский и Узянский	„	„
Симский и Миньярский	1,8	2,9	Шальвинский		„

Воскресенский и Богоявленский заводы количество земельных угодий не указано, но крестьяне занимались хлебопашеством.

Таким образом главный источник обеспечения населения заключался не в землепользовании, а в заводских заработках. До введения уставных грамот заводчик обязан был давать своим людям заработную плату и провиант в счет этой платы или в дополнение к ней, а также платить за них подати и повинности. Уставные грамоты открыли в этом отношении новую эру в жизни населения: на него возложена была обязанность платить владельцу оброк за усадьбы и земельные наделы, казне—подати и повинности, мирские сборы на содержание общественного управления, лазаретов, школ, церквей и проч. На население легли и заботы о продовольствии той его части, которая не работала на заводах. Средства на покрытие всех этих нужд при вышеуказанном состоянии землепользования должны были черпаться преимущественно из вознаграждения «за вольный» отныне труд. Между тем вследствие хронического безденежья заводов, кризиса горно-заводской промышленности, дурного хозяйства и многих других причин большинство заводчиков начали сокращать, а некоторые и прекращать действие заводов [1]) Вообще-же, с заменой крепостного труда вольнонаемным и, следовательно, более производительным, на всех заводах естественно должен был обнаружиться значительный избыток рабочих рук. В этом отношении имела влияние и обнаружившаяся к тому времени тенденция к замене ручного труда машинным. С потерей заводского заработка, при невозможности обратиться к хлебопашеству, как к надежному источнику к существованию, население неминуемо должно было оказаться в крайне тяжелом положении.

Все эти обстоятельства, не в достаточной мере взвешенные властями, напомнили о себе, когда приступлено было к проведению уставных грамот [2]). Ближайшими последствиями этого явились крестьянские волнения и беспорядки, охватившие значительную часть горнозаводских имений.

Волнения эти, представляя каждое в отдельности известные особенности, в зависимости от местных условий, все-же в существе своем имели много общего, ибо вызывавшие их причины были большей частью одни и те-же. И внешние формы, в которых волнения проявлялись, равно как и меры, которые принимались для подавления их, были чаще всего одинаковые. Общая картина такова.

При составлении помещиками грамот, особенно первых, осенью 1861 г. крестьяне, очевидно, плохо понимая значение совершавшейся перемены, слабо реагировали на происходившее. Затем, уже при введении грамот, а в некоторых случаях и позднее, когда крестьяне почувствовали практическое значение возлагавшихся на них грамотами обязанностей, они стали указывать на неприемлемость условий грамот в виду незначительности наделов, недоброкачественности почвы, суровости климата, обременительности оброка и других повинностей и т. д. Вскоре стало все чаще и чаще обнаруживаться недовольство полученной «волей», возник сначала желание, затем надежда и, наконец, вера в получение в недалеком будущем иной, настоящей воли—без оброка и повинностей в пользу помещика. Эту веру охотно поддерживали как те, которые сами искренне верили в эти «бессмысленные мечтания», так и те, которые в ней искали забвения от серой, неприглядной действительности. Недовольство крестьян питалось также причинами, коренившимися в их внутренней жизни. Таковы: преобладающее влияние более зажиточных и давление их на более

---

[1]) Архив истории труда в России, кн. 4, стр. 65-67.

[2]) Впоследствии Оренб. губ. присутствие, поняв свою ошибку, стремилось искусственно замедлять ход введения в действие грамот в отдельных случаях, чтобы продлить обязательное для заводчиков снабжение заводских людей провиантом (Архив министерства внутр. дел, земский отдел, [illegible] делопр. 1861 г., дело № [illegible]).

селения, образование элемента кулачества и, как неизбежный спутник расслоения, неравномерная, в ущерб беднейшим, раскладка повинностей, распределение угодий и т. д.

Главной заботой властей при ликвидации волнений было скорейшее восстановление внешнего порядка, а отнюдь не справедливости в отношении к крестьянам. С требованиями справедливости считались лишь постольку, поскольку они не шли в разрез с «порядком» в виде своевременной уплаты оброка, податей и т. д. Уездные исправники и мировые посредники охотно начинали восстановление порядка с «увещаний», которые по их уверениям никогда не выходили за пределы «кротости», а по жалобам крестьян нередко принимали со стороны исправников форму «своеручной расправы». Эти увещания оставались обыкновенно безрезультатными. Тогда исправники доносили губернатору (Аксакову, сменившему Барановского), у которого просили содействия. Губернатор рекомендовал вразумление ослушников, а при безуспешности более решительные меры воздействия. В случае особого упорства крестьян губернатор лично появлялся в месте волнений. Начинал губернатор тоже с увещаний и вразумлений, затем переходил к угрозам, обыкновенно завершавшимся военной экзекуционной командой, арестом наиболее упорных и активных, которых до отсылки в тюрьму нередко наказывали розгами [7]). Случалось, что уже после экзекуции губернатор вступал в разговоры с крестьянами и, по его словам, убеждался в полной основательности их недовольства. Обо всех событиях на заводах губернатор доносил министру внутренних дел и государю. «Верхи», повидимому, одобряли способы прекращения крестьянских волнений [8]).

Волновались крестьяне заводов: Архангельского, Белорецкого и Тирлянского, Благовещенского, Верхоторского, Воскресенского, Преображенского, Симского и Миньярского и др. [9])

Особенно характерно дело крестьян Благовещенского медиплавильного завода Дашковых. При обнародовании положений 19 февраля 1861 г. заводское население образовало два сельских общества—Благовещенское и Потемкинское, живших в одном селении и пользовавшихся землей в одном месте нераздельно [10]).

До введения грамот мастеровые пользовались усадьбами, а выгоном—обще с владельцами, всей пашенной землей подворно и сенокосами—на общинных началах; пользовались также бесплатно дровяным и строитель-

---

[7]) Впоследствии эти приемы стали применять и уездные исправники, а также командированные губернатором жандармские офицеры.

[8]) Только в одном случае министр вн. дел счел нужным отнестись критически к действиям местных властей. Усмотрев из рапорта губернатора, что он предоставил крестьянам право посылать делегатов к государю с прошениями, министр поспешил указать губернатору на „неуместность и неудобство" этого разрешения. Губернатор принял это указание своего шефа к точному руководству и исполнению, как-бы желая искупить свою [illegible] снисходительность к крестьянам. Обо всех крестьянских делегатах, отправлявшихся в Петербург от имени своих обществ с просьбами и жалобами о своих нуждах, губернатор немедленно доносил министру, который в срочном-же порядке давал надлежащие распоряжения Петербургскому военному генерал-губернатору, и в результате крестьянские ходоки едва успевали прибыть в Петербург, после долгого и утомительного путешествия, на которое они тратили трудовые мирские гроши, как их отправляли на родину по этапу...

[9]) Архив мин. внутр. дел по земскому отделу 4 делопроиз. 1861 г. № 32, 1862 г. № 41, 1863 г. № 16.

[10]) Архив. мин. внутр. дел по земск. отделу 6 делопр. 1863 г. дело № 6. По Благовещенскому обществу числилось по ревизии 2154 души за Е. В. Дашковой, а по Потемкинскому—470 душ за нею-же и ее сыновьями. Земли при заводе состояло: усадебной 207 д., выгонной 146 д., пашни и покосов до 7.400 д., леса 14.300 д. Пашня образовалась главным образом путем расчистки (раскорчевки) леса мастеровыми много лет тому назад.

ным лесом. Провиант отпускался мастеровым по себестоимости, [illegible] ным по 47½ коп. ассиг. за пуд муки. Неимущим и сиротам [illegible] в год безвозмездно до 2500 п. муки. Больные лечились бесплатно [illegible] водском госпитале и на дому. Казенные подати вносились [illegible] размере 6500 р. в год. Главные средства к жизни заключались в [illegible]граждении за заводские работы. Земледелие занимало второстепенное место. Скотоводство было незначительное; лесной промысел в виде [illegible]ных ремесл (выделка мочал, лубков, лопат, изготовление экипажей и т. д.) при бесплатном пользовании лесом—служил подспорьем. Пчеловодство было сильно развито. Отношения крестьян к заводоуправлению были хорошие; крестьяне вообще были довольны; положение имения было не лучшим.

Уставные грамоты, составленные отдельно на Благовещенское и Потешенское общества, поверялись в начале ноября 1861 г. Крестьяне при этом, по выражению мирового посредника, проявляли какое-то странное равнодушие и непонимание совершающегося события. При рассмотрении грамот в губернском присутствии были найдены в них некоторые дефекты, почему их вернули посреднику для исправления. При новом рассмотрении грамот в присутствие были вызваны выборные от крестьян, которые заявили: «мы видим, что грамоты составлены по Положению и должны быть для нас законом, но не знаем, что скажет мир, а мы люди [illegible]». Согласно грамотам, все население завода было причислено к разряду [illegible]ских работников. Не делая прямых возражений против этого, крестьяне просили дать им полный надел, в чем владельцы отказали за отсутствием потребного количества земли. Крестьянам оставили ранее существовавшие наделы даже с некоторыми сокращениями. Всего в постоянное пользование крестьян поступило—по Благовещенскому обществу по 2 дес. 210 [illegible], а по Потешенскому обществу около 3 дес. на душу. Повинности денежные были определены по Благовещенскому обществу 5 р. 21 к., а по Потешенскому по 5 р. 86 к. с души. Даровое пользование лесом было прекращено.

Вскоре крестьяне заявили, что они не в силах исполнять возлагаемые на них грамотами обязанности, что грамоты составлены без их участия и согласия, и стали отказываться от платежа следуемых с них денег, прося дать им трехмесячный срок, чтобы обдумать и решить [illegible] быть. Попытки мирового посредника и исправника урезонить крестьян успеха не имели. Тогда исправник сообщил обо всем губернатору, который, распорядившись о высылке на завод военной команды, сам отправился туда. Крестьяне так мотивировали свой отказ в принятии грамот[1]: они не уверены, что и впредь будут иметь работу на заводе, где отныне вольные цены на труд, при возможной конкуренции со стороны соседних татар, могут быть сильно понижены; они не в силах перейти сразу на новое положение (последние годы хлеб уродился плохо, а в [illegible] ржи вовсе не было), этот резкий переход они находят и несогласным с законом, по которому, по их мнению, грамоты вводятся в течение двух лет; их пугала потеря пастбищных мест, а также права на бесплатное пользование лесом; многие из них до сих пор землей не владели, а владеющие ею не считают возможным теперь произвести передел земли и отвечать друг за друга круговой порукой, притом они «и привычки не имеют, как делать эти расчеты»; они желают доподлинно узнать, прикажет ли царь принять грамоту, и представить свои возражения.

Губернатор заявил, что немедленно будет составлена годовая [illegible] работам с означением цен, более значительных, чем прежние, а если кому-нибудь приходится трудно, тот может войти с владельцами в полюбовную

[1] Архив министерства внутр. дел по зем. отд. 4 делопр., 1861 г. дело № 3[illegible]

...ьному, а не требовать общей отсрочки; близость Уфы, завод и пристань обеспечат возможность уплаты оброка; от самих крестьян зависит сделать правильную раскладку повинностей по состоянию каждого и разверстку угодий, но они потому не берутся за расчет, что не хотят платить за бедных; от круговой поруки можно избавиться, заменив общинное владение подворным; если затем крестьяне будут упорствовать в принятии грамоты, то военная команда будет расположена у них и кормиться на их счет. Сельские старосты и затем весь сход, пав на колени, просили отсрочки на три месяца, в течение которых продовольствие заводского населения лежало бы на владельцах. Губернатор потребовал от схода и бывших старостах принять списки с грамот, но все в один голос отвечали: «не в силах». Тот же ответ следовал на все дальнейшие увещания губернатора. Но все же от схода отделилась небольшая толпа, выразившая готовность подчиниться требованиям начальства. Тогда губернатор распорядился арестовать сельских старост и еще двух влиятельных крестьян, а военную команду разместить по домам крестьян. После этого был составлен список крестьян, изъявивших согласие принять грамоту, и на сторону согласившихся перешли еще несколько «хороших» крестьян, а также двое из арестованных.

Доводя о происшедшем до сведения министра внутр. дел и государя, губернатор прибавил, что, так как среди крестьян, уже изъявивших покорность, есть много влиятельных и уважаемых людей, то он питает надежду, что мало-по-малу все изъявят покорность; что буйства со стороны крестьян не было, но было «такое упорство, которое питалось надеждой на новый царский указ о полной свободе и даровом наделе землей». В список «благоразумных» крестьян было включено всего 100 человек; остальные продолжали упорствовать вследствие молвы, что крестьяне будут строго отвечать перед царем за отступление от решения общества не принимать грамоты. Среди большинства населения завода жила вера в ожидавшийся новый царский указ о настоящей воле. Это ожидание, обнаруживавшееся во всей России [14]), сыграло не малую роль и в деле крестьян Благовещенского завода: они верили, что с принятием уставной грамоты, которую считали новой кабалой, они потеряют право на пользование льготами, ожидавшимися от настоящей воли. Это обстоятельство побудило губернатора обратить сугубое внимание на обнаружение распространителей ложных слухов.

Командированный на завод жандармский офицер Колычев решил действовать путем убеждения преимущественно через тех крестьян, которые замечены в подстрекательстве народа». Созвав сход, перед которым по желанию народа было совершено молебствие, Колычев прочитал слова, сказанные государем Полтавским старшинам. Вслед затем мировой посредник передал копии грамот вновь избранным старостам. Большинство толпы, став на колени, отказалось от принятия копий грамот. Колычев арестовал 20 человек более упорных и повторил свои «убеждения», но встретил «одно лишь грубое упорство (по его уверениям), заранее условленное». Тогда Колычев подверг телесному наказанию одного из влия-

14) 15 августа 1861 г., во время приема [illegible] в Полтаве [illegible] старшин [illegible] крестьян Полтавской губернии, [illegible] со следующими словами: „До меня доходят слухи, что вы [illegible] другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. [illegible] Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам". Эти слова государя легли в основание [illegible] министерства внутренних дел 2 декабря 1861 г. за № [illegible] [illegible]

тельных и упорных крестьян (Шванникова), который «во время наказания хотя и не вполне согласился подчиниться условиям грамоты, но обещал посоветоваться о том со своим сыном». Наказание было прекращено. Крестьянам был дан день на размышление. В это время на завод прибыл, командированный епископом по просьбе губернатора, уважаемый крестьянами протоиерей Челноков; он склонил упорствовавших крестьян подчиниться требованиям правительства. На сходе Колычев потребовал от крестьян, в доказательство искренности их раскаяния, выдачи подстрекателей, что было исполнено.

Так на Благовещенском заводе закончился 1861 год. В 1862 году дело в начале шло спокойно. Крестьяне пользовались пашнями и лугами; но платеж оброка все-же производился туго. В середине года власти признали нужным прибегнуть к принудительному взысканию. В это время крестьяне, основываясь на данном им губернатором дозволении, решили отправить в Петербург трех ходоков с прошением на имя государя о предоставлении им права выкупа их надела, прирезке земли к этому наделу и сбавке повинностей. Посредник, указав на бесцельность посылки делегатов в Петербург, заявил, что вследствие неплатежа ими повинностей казне и владельцам их ходокам не могут быть выданы паспорта на отлучку. Тем не менее трое крестьян в июле 1862 г., уйдя без паспортов, отправились, по слухам, в Петербург. Губернатор поспешил донести об этом министру внутр. дел, который, в свою очередь, просил Петербургского военного ген.-губернатора задержать и отправить на родину по этапу этих делегатов [17].

В виду того, что крестьяне продолжали отказываться от уплаты повинностей, в декабре 1862 г. вновь была введена на завод экзекуционная команда. К тому времени ранее обнаружившийся среди крестьян раскол принял вполне определенную форму: меньшая часть—в числе 132 домохозяев наиболее зажиточных — подчинилась требованиям властей, большая-же часть продолжала отказываться от их исполнения. Желая отмежеваться от большинства, меньшинство решило выделиться в особое общество и приступить к выкупу своих наделов. Так как, при отсутствии у них участкового или подворного владения землею, на это требовалось согласие двух третей общества, на которое меньшинство расчитывать не могло, то оно обратилось за содействием к губернскому присутствию. Поддерживая ходатайство меньшинства перед министром внутр. дел, присутствие привело тот мотив, что удовлетворение этого ходатайства может поколебать нерешительность других выкупить их наделы и рассеять царящие между ними ложные слухи о какой-то другой воле. Министр. внутр. дел присоединился к этому предложению и постановлением главного комитета просьба 132 крестьян-домохозяев была удовлетворена.

Между тем на заводе события шли своим чередом. По введении экзекуционной команды взыскание недоимки и текущих податей пошло успешнее. Но вскоре для недовольства крестьян оказался новый повод: они узнали о законе, которым мастеровым, неполучившим в надел покос-

---

17) Присутствия этих крестьян [illegible] в Петербурге [illegible] не было обнаружено [illegible] на [illegible]. [illegible] 1863 г. Оренбургский губернатор [illegible] министру, [illegible] вернулись [illegible] [illegible] (Архив [illegible] зем. [illegible] 1862 г., дело № [illegible]).

ной земли, были предоставлены значительные льготы [14]. Почти все заводское население отказалось от земли, требуя перечисления их в мастеровые. Последовавшее к тому времени оправдание комиссией военного суда двух крестьян, обвинявшихся в подстрекательстве своих односельчан к неповиновению властям, еще больше взбудоражило крестьян, на которых не подействовала устрашающе постигшая этих двух оправданных крестьян административная кара—высылка в Пермскую губернию на два года под надзор полиции [15]).

В таком приподнятом настроении застала крестьян Благовещенского завода весна 1863 г. Они отказались от посева ярового хлеба, городьбы полей и отбывания повинностей. Только небольшая часть крестьян приступила к городьбе полей и то по наряду военной команды. Признавая вредным для соседних имений такое «продолжительное беспокойство умов», губернатор сам отправился на завод. Приступив к опросу 18 арестованных крестьян, он встретил «такое упорство, грубость в требованиях льгот и отказ в исполнении требований начальства, что счел себя вынужденным подвергнуть двух телесному наказанию». Видя, что наказание поколебало многих, губернатор прекратил его до следующего утра. На другой день, несмотря на настойчивые требования губернатора, лишь четверо арестованных и несколько из собравшихся 800 человек проявили раскаяние; тогда же стало известным, что многие крестьяне отослали своих лошадей и семена в соседние черемисские деревни для доказательства своей несостоятельности. В виду этого губернатор велел более упорных подвергнуть телесному наказанию и отправить в Уфу для заключения в тюрьму, объявив им, что «оттуда они пойдут прямо в Сибирь». Только первый из арестованных был подвергнут «более сильному наказанию», остальные, получив несколько ударов, изъявили готовность подчиниться закону. После такого «успешного начала», губернатор обратился к остальным крестьянам, стоявшим на коленях, но встретив повторение «таких-же нелепых требований», об'явил крестьянам, что все они до единого будут подвергнуты наказанию розгами, к чему исправник тут-же приступил. После наказания одного особенно упорного крестьяне стали толпами переходить на сторону повинующихся. Скоро все «признали свои заблуждения» и прислали к губернатору выборных просить прощения. Вступив с крестьянами в разговоры, губернатор убедился в том, что «одна часть населения действительно не в силах выполнить уставную грамоту и— что многие, бывшие до того мастеровыми, не имевшими пахотных участков, и попавшие в сельские работники нечаянно, без сознания своего будущего положения, заслуживают особого внимания».

Крестьяне, как сообщил губернатор в Петербург, разделили отведенную им землю, приступили в свое время к посеву и составили приговор об уплате оброка в сроки по соглашению с владельцами; воинская команда была выведена. Лишь один крестьянин продолжал упорствовать, за что его предали суду. Однако повиновение крестьян было только наружное. Скоро обнаружилось, что в действительности ни раздела земли ни разверстки повинностей крестьянами произведено не было, под озимой посев была вспахана только самая незначительная часть земли, озимой хлеб не посеян, кроме небольшого количества, сенокосы не поделены и уборка

14) В виду того, что заводчики, лишившись дарового труда, все настойчивее стали стремиться к сокращению или даже прекращению действия своих заводов, был выдвинут вопрос об обеспечении горнозаводского населения в случае сокращения производства или закрытия того или иного завода. 3 декабря 1862 г. был издан соответствующий закон.

15) Архив министерства внутр. дел по земск. отд. 6 делопроизв. 1863 г. дело № [illegible].

лугов еще не была начата в августе месяце. Платеж оброка в срок произведен не был, при чем общество уклонялось от раскладки и принятия мер взыскания.

Такой затяжной характер беспорядков и упорства крестьян Благовещенского завода серьезно обеспокоил министра внутр. дел. Он командировал на завод своего чиновника Гаврилова. Ознакомившись на месте с создавшимся положением, Гаврилов донес министру, что крестьяне отказались входить с заводоуправлением в какие бы то ни было соглашения и наниматься на заводские и рудничные работы, ссылаясь на незначительность заработной платы, неимение лошадей, проданных на покрытие повинностей, несподручность работ и т. п. Часто слышались опасения, что всю заработную плату будут удерживать на оброк, не только свой, но и за других в силу круговой поруки. Практические результаты разыгравшихся на заводе событий таковы: благосостояние крестьян сильно потрясено троекратным введением экзекуции в течение полутора лет, беспорядком в хозяйстве, оставлением заводских работ, заброшением значительной части полей, неуборкой лугов и неиспользованием лесов. Вследствие всех этих причин от 140 до 170 семейств с трудом кормятся. Эти семейства, разумеется, не в состоянии уплатить самый легкий оброк, хотя вообще повинность в пользу владельцев сама по себе не представляет особенной несоразмерности с наделом. Раскладка повинностей крайне несправедлива. На всякой семье числится оброк по количеству ревизских душ; между тем в пашенной и сенокосной земле раздела по душам не было, а за иную богатую, обширную усадьбу, стоящую на лучшем месте и стоющую несколько тысяч рублей, платится меньше повинности, чем за бедную лачугу, владелец которой имеет в своей семье больше душ, часто составляющих для него только тягость, чем богач. Круговая порука стала особенно ненавистна крестьянам после выделения зажиточных в особое (Дашковское) общество, благодаря чему процент недоимщиков еще увеличился. Крестьяне Благовещенского и Потешенского обществ, крайне недовольные создавшимися условиями уставной грамоты для них положением, находятся в состоянии высшего раздражения против действий местных и губернских властей. Все, идущее из Уфы, считается обманом и нарушением воли высшего правительства. Желания крестьян сосредоточены на перечислении их в мастеровые. Они твердо надеятся, что центральные власти внемлют их мольбам.

Первоначальной причиной беспорядков Гаврилов признал слишком резкую и крутую перемену, произведенную уставными грамотами в жизни населения. До грамот оно жило «за плечами владельцев», после них оно сразу было предоставлено самому себе—обязывалось себя содержать, платить за себя подати, а оставалось при прежней земле, за которую должно было еще платить оброк, и при заводской работе, сделавшейся средством шатким, неопределенным, где могла возникнуть и действительно возникла конкуренция праздных башкир. Все население было зачислено в сельские работники, тогда как *большая часть его несомненно принадлежала к разряду мастеровых*, главным средством к жизни для которых служили заводские работы. Очутившись «на своей воле и своем ответе», крестьяне, по их выражению, сробели — боялись, что не совладают со своим положением. Бедному разряду населения, знавшему только рудники, завод да кое-какие лесные промыслы, которые он потерял с лишением его дарового леса, положение это было не под силу. Люди обеспеченные, бесспорно, могли вынести новые условия; но их пугала круговая порука и под влиянием этого страха они поддерживали жалобы бедных. Приписывать значительное влияние подстрекателям было бы

[illegible]сторонние: если подстрекателей и слушали, то только потому, что были созвучны их неудовольствию, а лица, считавшиеся подстрекателями, часто являлись избранниками населения, выражавшими лишь его волю.

Останавливаясь на тех мерах, которые диктуются положением завода, Гаврилов заявил, что источником раздражения и неустройств является желание крестьян воспользоваться льготами от податей и повинностей, дарованными мастеровым, и несостоятельность значительной части семейств к уплате повинностей, а некоторых даже к пропитанию, при чем вся тяжесть за эти семейства должна ложиться на общества. Разрешение всем крестьянам завода перейти в мастеровые, что являлось единственной радикальной мерой, встретило со стороны интересов владельцев возражение в виду невозможности при таком условии получить выкупную ссуду за заводские земли. Но едва ли выкуп мог бы быть осуществлен при тогдашнем состоянии заводского населения. С точки же зрения правительственной возражение [illegible], что удовлетворение домогательства Благовещенских крестьян может вредно повлиять на других, но еще вреднее [illegible] длительных [illegible] и неустройства, царивших на этом заводе.

Вместе с тем Гаврилов [illegible] на две частные или компромиссные меры. Первая: выделение наиболее недостаточных семейств, примерно 150—200, в разряд мастеровых со всеми их правами и льготами. Оставшаяся надельная земля этих семей могла бы быть обращена на увеличение наделов прочих. Вторая мера: предоставление крестьянам права переселения на казенные земли на одинаковом основании с мастеровыми, с поступлением их наделов обратно к владельцам и со сложением с общества соответствующей части повинностей.

Между тем от Благовещенских крестьян продолжали поступать прошения как на имя государя, так и министра внутрен. дел. В этих прошениях содержались жалобы на «притеснения, чинимые правительством Оренбургской губернии»: наказание розгами, содержание в тюрьме, высылка крестьянских заступников из местных людей, обременение непомерными налогами, продажу скота и птицы за недоимки, выделение богатейших в отдельное общество с освобождением от имущественной ответственности за бедных и т. д. Все эти прошения откладывались впредь до рассмотрения по существу общего вопроса об улучшении быта Благовещенских крестьян. Поэтому министр по просьбе оренбургского губернатора в сентябре 186[illegible] г. выслал крестьянам обратно одно такое прошение, разъяснив им, что им своевременно будет объявлено имеющее последовать по их ходатайствам решение, а до того они обязаны как обрабатывать отведенный им надел, так и вносить установленный по грамоте оброк под опасением в противном случае подвергнуться ответственности по всей строгости закона.

Вместе с тем владельцам завода было предложено высказать свое мнение.

«Неудачные распоряжения начальства при введении уставных грамот», заявили они, довели волнения крестьян до явного неповиновения, которое вскоре было подавлено мерами строгости, после смены губернатором крестьянских должностных лиц и отдачи нескольких крестьян под военный суд". Эти „меры строгости", повидимому, казались владельцам слишком слабыми, так как они тут же заявляют, что „нерешительность и непоследовательность действий" местных властей подорвали в крестьянах всякое доверие к этим властям. Потеряв же уважение к власти, крестьяне пришли к убеждению, „что бессильное преследование их угрозами и полумерами" продолжается единственно в угоду владельцам противозаконно, и без ведома высшего правительства. Льготы, предоставленные законом 3 декабря 1862 г. мастеровым, позволение [illegible] крестьянам других заво-

[illegible] переселиться на казенные земли и ложные известия, распространенные [illegible] в 1862 г., еще более укрепили в крестьянах уверенность в том, что старания их увенчаются успехом и что Положение 19 февраля 1861 г. далеко не последнее слово правительства в устройстве их быта. При [illegible] хозяйственной жизни крестьян и накоплении огромной недоимки за ними, владельцы оказались вынужденными прибегнуть к обязательному выкупу, несмотря на всю его невыгодность, как к единственному средству прекратить свои недружелюбные отношения к крестьянам и по крайней мере остаться в стороне при дальнейшем неудачном образе действий местного начальства".

По поводу мер, которые могут внести успокоение среди крестьян, владельцы указывают, что если уничтожить силу уставных грамот и допустить переход в мастеровые всех или некоторых крестьян, то быт последних может быть устроен двумя способами: или вновь образующиеся мастеровые могут отказаться от льгот закона 3 декабря 1862 г. и сохранить за собою прежние угодья в полном составе, или же они могут приобрести все предоставленные мастеровым преимущества, лишившись всех своих земельных угодий или части их. В первом случае владельцы, получив известные денежные выгоды, вместе с тем утратят возможность произвести выкуп и положить когда-либо конец обязательным отношениям своим к крестьянам, отношениям столь тягостным в настоящее время и [illegible] не обещающим улучшиться в будущем. Крестьяне же ничего не выиграют, кроме права в известных случаях на новое изменение их быта [illegible] то, что пуще всего должно быть устранено в настоящее время. Во втором случае заводоуправление должно будет вести [illegible] расчет [illegible] с каждого мастерового повинности и разбирать, сколько у каждого состоит в пользовании земли, т.-е. вступить с крестьянами в [illegible] столкновения еще больше теперешних. Бросив земледелие, [illegible] не будет в состоянии содержать достаточную конную силу и [illegible] от заводских работ при возможности найти занятия на стороне. [illegible] когда-нибудь крестьяне совершенно откажутся от заводских работ, то каково будет положение владельцев без права не только прекратить, но и уменьшить производство, не предупредив за год (по закону 3 декабря 1862 г.) мастеровых? Ведь владельцы тогда будут лишены возможности привлечения посторонних рабочих и завести собственных лошадей, ибо в распоряжении заводоуправления останутся одни пашни, без покосов, необходимых для содержания лошадей, и без усадебной земли для поселения посторонних рабочих вокруг завода. Ничего подобного не может случиться, если крестьяне останутся сельскими работниками и сохранят [illegible]. Население будет в состоянии отбывать конные работы, оно не будет [illegible] в сторону ради мелочных барышей, имея дома полное хозяйство. Заводоуправление будет дорожить местными рабочими, готовыми при умеренном вознаграждении обратить на заводские работы свои силы, [illegible] вне времени сельских работ; а если население и разовьется [illegible], оно, оставшись от работ все же обеспеченным наделом земли, а владельцы будут вправе без новых [illegible] прекратить производство при слишком невыгодных и высоких ценах на работу. Возражая против заявлений крестьян о недоброкачественности надела, владельцы утверждают, что угодья Благовещенского завода не [illegible] окрестным селениям, как по качеству почвы, так и по [illegible] [illegible].

[illegible]

Из намеченных Гавриловым мер лишь выселение части крестьян с соразмерной сбавкой повинности и возвращением владелице усадебной земли и надела уходящих семейств пришлось по душе владельцам, видевшим в ней средство для прекращения беспорядков. „Те крестьяне, которые действительно стеснены настоящим своим положением, переселятся, может быть, с радостью на казенные земли, интересы владельцев не будут нарушены, спокойствие восстановится, ибо после ухода беспокойных членов общества будут в состоянии привести в порядок свое внутреннее управление".

В заключение владельцы делают следующее весьма характерное заявление, повидимому, желая им подчеркнуть скромность своих требований и готовность ликвидировать конфликт с крестьянами на справедливых началах, а на самом деле доказывающее, что они ревниво охраняли только свои личные интересы... Какое бы ни последовало решение по настоящему делу, „владельцы будут вполне удовлетворены, если им или выдадут сполна капитал, испрашиваемый в ссуду по выкупу, или возвратят часть надела (пашенной, луговой и усадебной земли в совокупности), за остальную же отходящую землю обеспечат получение повинности по расчету уставной грамоты и притом не стеснят их права пользоваться [illegible] надела и не обяжут их удовлетворять крестьян работой в случае [illegible] щения или прекращения производства завода. Все ли затем крестьяне останутся на месте или часть их выселится, будут ли они носить звание мастеровых или сельских работников, владельцам нет до этого никакого дела". Но на каком бы решении правительство не остановилось, оно должно быть последним: для обоих сторон необходима уверенность, что дальнейших изменений уже не будет, иначе они примут и теперешнее распоряжение с тем же недоверием, какое высказывали крестьяне в 1861 году.

Когда в октябре 1863 г. крестьянам Благовещенского завода было объявлено предписание министра внутренних дел о безотлагательном исполнении требований уставной грамоты, не выжидая результатов поданных ими всеподданнейших прошений, они заявили, что недавно опять послали в Петербург ходоков с прошениями на имя государя. Сообщая об этом министру, губернатор просил его о высылке на родину названных ходоков, из которых один в своих письмах односельчанам сообщал различные «нелепости» в роде того, что государь оказал ему милостивый прием и вполне обнадежил на счет благоприятного исхода дела. Министр исполнил просьбу губернатора, и крестьянские депутаты были высланы из Петербурга по этапу.

В октябре же 1863 г. была произведена продажа имущества крестьян на пополнение недоимки; но было выручено всего 1,037 р. [illegible] к. сер., при чем, по утверждению мирового посредника, значительную часть

виннность распределялась так: на усадьбу, [illegible] душевого надела [illegible] дал 2 р. 50 к. [illegible] на каждую десятину угодий [illegible] 1 р. [illegible] этого [illegible] заявили владельцы [illegible]. Интересны [illegible] сведения [illegible] приводимые более [illegible] исследователем, членом Оренбургского губернского [illegible] ствия И[illegible]. Касаясь вопроса о том, [illegible] можно говорить о [illegible] тельном [illegible] при заведении крестьянам усадеб в тех случаях [illegible] это установл[illegible], он обращает внимание на то, что с введением уставной [illegible] с владельцев [illegible] сняты и перенесены на крестьян государственные подати, [illegible] содержание [illegible] управления, лазаретов, [illegible] церковных причтов и [illegible] ров, каковые расходы [illegible] не менее 3 р. 50 к. на душу [illegible] душ на десятину [illegible], владельцы получили [illegible] на [illegible] 17 [illegible]

проданного имущества купили через подставных лиц прежние хозяева. Когда вслед затем крестьянам было об'явлено о необходимости немедленно назначить рекрут в предстоящий набор, они (за исключением Дашковского общества) категорически отказались от составления соответствующего приговора, ссылаясь на то, что они, как мастеровые, свободны от рекрутской повинности. Но по настоятельному требованию министра внутр. дел крестьяне составили приговор о следующих с них рекрутах (что затем и выполнили), но сами приговора все таки не подписали, поручив это сделать сельским старостам, чем они хотели подчеркнуть, что они в качестве мастеровых не отказываются от своих притязаний на свободу от рекрутской повинности.

Всю зиму 1862 г. на Благовещенском заводе продолжало царить тревожное настроение, которое с наступлением весны 1864 г. стало проявляться вовне в виду неполучения крестьянами ожидаемого ответа от центральных властей. Телеграммой от 23 апреля губернатор извещает министра внутр. дел: «крестьяне Благовещенского завода не приступают к севу, если не принудить, разорятся, придется помогать. Испрашиваю разрешения содействовать или ожидать окончания об обязательном выкупе». В этот же день министр по телеграфу ответил губернатору: «Вопрос о Благовещенском выкупе еще не решен. Прошу вразумить крестьян и привести к повиновению». За безрезультатностью увещаний крестьян мировым посредником и исправником, губернатор вновь—уже в четвертый раз распорядился о вводе на завод роты солдат. По прибытии команды крестьяне, по словам губернатора, «без особенно крутых мер из'явили покорность и из их числа оказалось нужным подвергнуть телесному наказанию, и то весьма снисходительному, только шесть человек». Но вскоре местные власти нашли необходимым дополнительно «принять при участии военной команды некоторые полицейские меры к побуждению крестьян к полевым работам». Распахав часть полей, крестьяне обещали и остальную часть распахать и засеять. Тогда исправник распорядился вывести военную команду.

Между тем в министерстве внутр. дел подвергались обсуждению все собранные по делу крестьян Благовещенского завода материалы при участии бывшего на месте чиновника Гаврилова, двух членов Оренбургского губернского присутствия и представителя министерства финансов. Результатом всех этих работ явилось представление министром внутр. дел в декабре 1864 г. подробной записки в главный комитет об устройстве сельского состояния. При этом между министрами внутренних дел и финансов обнаружилось коренное разногласие, которого не удалось устранить путем междуведомственной переписки.

Исходя из того положения, что причисление всего населения Благовещенского завода по уставной грамоте в разряд сельских работников было неправильно, министр финансов, во внимание к исключительным обстоятельствам настоящего дела, находил возможным допустить изменение в уставной грамоте, дозволив крестьянам, имевшим на это право по правилам 19 февраля 1861 г., перечислиться по их желанию в разряд мастеровых, не требуя от них непременного переселения; тем же из них, которые этого пожелеют и для которых Оренбургское губернское присутствие признает это необходимым, должно быть разрешено переселиться на казенные земли с пособием от казны.

Не соглашаясь с министром финансов относительно разрешения крестьянам зачислиться в мастеровые и оперируя в значительной степени доводами, высказанными владельцами, министр внутренних дел говорит: «Необходимо только, чтобы прекратилось волнение в населении, вызван-

ное преимущественно, как следует признаться, несоответствовавшими [illegible] местными административными распоряжениями, волнение, продолжавшееся слишком два года и подающее весьма вредный и опасный пример. [illegible] этого министр внутр. дел предложил следующие меры, одобренные высочайше утвержденным 9 июня 1864 г. положением главного комитета:

1) Население Благовещенского завода через месяц по объявлении ему настоящего высочайшего повеления должно заявить категорически [illegible] права изменения, кто желает переселиться на казенные земли. 2) Падающая на переселяющихся недоимка слагается со счетов и не взыскивается ни с переселяющихся, ни с обществ. 3) Усадебная земля переселяющихся возвращается владельцам с сложением с общества соответствующей доли повинности, причем переселенцам разрешается бесплатно жить в усадьбах до фактического их переселения, но не далее 1-го мая 1865 г. 4) Обществу предоставляется право принять полевой надел переселяющихся или часть его за установленную законом повинность; в случае отказа общества надел возвращается владельцам. 5) С принятием обществом надела переселяющихся или отказом от него владельцам предоставляется немедленно приступить к обязательному для крестьян выкупу.

Для объявления Благовещенским крестьянам этого высочайшего повеления был командирован член совета министра внутр. дел Ржевский, который обставил этот акт надлежащей торжественностью. По словам Ржевского, крестьяне «приняли высочайшую милость с непритворной благодарностью» и просили у него разрешения представить государю благодарственный адрес.

Ржевский указал крестьянам, что им следует обратиться к губернатору, который им вероятно не откажет, если они своим поведением, покорностью и устранением от себя всех своекорыстных подстрекателей к спорам докажут, что понимают и умеют ценить степень оказанного им снисхождения и значение сделанного им благодеяния". Всех записавшихся на переселение оказалось: Благовещенского общества 1 732 души и Потемкинского 400 душ, а всего 2.132 души [1].

В виду того, что поверка записавшихся на переселение окончилась уже глубокой осенью, дело затянулось. Между тем был выдвинут вопрос о том, как быть с записавшимися на переселение в отношении рекрутской повинности в объявленный набор. Министр внутр. дел сообщил губернатору: „Крестьяне Благовещенского завода, изъявившие желание переселиться, подлежат объявленному набору по ст. 17 общего рекрутского устава. Вовсе не нужно поощрять к переселению другим видом преждевременной льготы".

В свою очередь, Благовещенские крестьяне решили осуществить свое желание преподнести государю благодарственный адрес. За разрешением они обратились к губернатору, как им рекомендовал Ржевский. Но губернатор просьбу направил генерал-губернатору, ответа которого велел и ждать. Крестьяне, однако, ждать не пожелали и отправили в Петербург двух ходоков для вручения государю адреса и [illegible] [illegible] (которыми славилась их местность). Вслед затем от генерал-губернатора получился отрицательный ответ на просьбу крестьян. Губернатор поспешил донести министру об ослушании крестьян. Когда крестьянские ходоки прибыли в

---

[1] Далматовское общество, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] почти остается на прежних местах. Оставалось на Благовещенском заводе: в Благовещенском обществе 67, в Потемкинском 69 и в Далматовском 326 душ, а всего 462 души или 163 домохозяина. Так как Далматовское и Потемкинское общества оказались смешанными с Благовещенским, то губернское присутствие [illegible] прежнее деление населения Благовещенского завода на [illegible] общества.

Петербург, их уже ждала следующая записанная министром царская резолюция на докладе министра об обстоятельствах и цели прихода в Петербург: „высочайше повелено отправить обратно по надлежащем внушении“. Благодарственный адрес, сочиненный, повидимому, деревенским грамотеем в высоком стиле, все же очутился (в декабре 1864 г.) в руках государя [15]), от которого он был переслан министру внутренних дел, уже успевшему исполнить царскую резолюцию и, сделав ходокам „надлежащее внушение“, выслать их на родину.

Между тем стала приближаться весна 1865 г., а большинство записавшихся на переселение крестьян продолжали оставаться на прежних своих местах. Это дало повод владельцам, хотя недовольным тем, что такая огромная часть населения пожелала выселиться с завода, все же просить министра внутр. дел принять меры к своевременному осуществлению высочайшего повеления 9 июня 1864 г. Вслед затем (март 1865 г.) министр отправил оренбургскому губернатору конфиденциальное письмо, в котором в отступление от ранее преподанных ему указаний [16]) дал губернатору следующие предначертания:

Для успешного устройства Благовещенского завода и для пользы заводского населения, распоряжения правительственных властей должны быть последовательны и в известной мере решительны: колебание в столь важном деле, возбуждая естественно недоверие к правильности и стойкости правительственных мер, может служить основанием к новым недоразумениям и даже беспорядкам. Поэтому точное и скорое исполнение высочайшего повеления представляется настоятельно необходимым. Переселение ни в каком случае не должно быть отложено на неопределенный срок, дабы не внушить крестьянам намерения домогаться новых льгот. Не допуская мысли о принудительной очистке к требуемому владельцами сроку всех усадебных мест без предварительного обеспечения участи переселенцев, следует, однако, в видах убеждения крестьян в необходимости их фактического переселения, очистить хоть часть усадебных мест к назначенному сроку или путем действительного переселения некоторых крестьян, или путем уплотнения переселяющихся. Только при полном убеждении населения в неотложности осуществления царской воли, министр надеется на окончательное его успокоение, ибо, не ожидая больше новых льгот, оно, может быть, вступит в столь желательное соглашение с заводоуправлением.

В апреле 1865 г. небольшая група Благовещенских крестьян (в 97 душ) перечислилась в государственные крестьяне Оренбургского уезда, куда, получив установленное пособие, вскоре и переселилась, образовав отдельный поселок.

К середине августа 1865 г. выселение крестьян из Благовещенского завода было закончено. Из 2132 записавшихся на переселение в Томскую губернию для водворения на казенных землях были отправлены 1527 ревизских мужского пола душ (495 домохозяев) [17]), в государственные крестьяне Оренбургской губернии зачислены 97 душ, в временно-обязан-

[15]) [illegible] государ[illegible] [illegible] (Дело [illegible] министерства внутр. дел по земск. отд. 6 делопр. 1864 г., № [illegible])

[16]) В декабре 1864 г. министр писал губернатору: „З[illegible] Благовещенского завода [illegible] потребности [illegible] льготами [illegible] В [illegible] крестьян [illegible] действительности приняло более [illegible] характер.“

[17]) На [illegible] 20 550 [illegible]

ные и крестьяне собственники 92 души, к городским обществам Оренбургской и Уфимской губерний [22]) 361 душа и 50 душ остались в составе прежних обществ. Осталось никуда неприписанных 5 душ, принадлежавших к семействам, главы которых, состоя под судом, находились в тюрьме. На оставление этих лиц в их усадьбах владелец изъявил согласие, с тем, чтобы по окончании дел этих подсудимых они были удалены с завода.

Так на месте закончилось дело крестьян Благовещенского завода. Большинство из них, не осилив новых условий жизни, введенных уставными грамотами, покинули насиженные места, ища лучшей жизни в далекой Сибири. К тому времени правом переселиться на свободные казенные земли [23]), преимущественно в Сибирь, воспользовались многие крестьяне большинства частных горных заводов Оренбургского края. Многих несомненно влекло в неведомую даль желание порвать с теми местами, где они еще так недавно были в рабстве и где, став „людьми свободного состояния“, они все же не чувствовали под собою твердой почвы в смысле обеспечения необходимых потребностей еще в большей мере, чем при крепостном праве. Стремление горнозаводского населения порвать с безотрадным прошлым и начать в новых местах новую, лучшую жизнь в этот период приняло почти стихийный характер, что дало повод губернскому присутствию охарактеризовать его, как „эпидемическую переселенческую горячку“. К сожалению серьезность предпринятого крестьянами шага не была в достаточной мере продумана: не были с должным вниманием обследованы ни самими крестьянами, ни властями, имевшими попечение о них, те условия, среди которых переселенцам придется строить новую жизнь. Очень многих на новых местах ждали горькие разочарования. Об этом повествует одно архивное дело министерства внутренних дел [24]), из которого видно следующее.

В 1865 г., т. е. одновременно с благовещенцами, свыше 2000 мастеровых Симского и отчасти Миньярского заводов, охваченные царившей тогда переселенческой горячкой, переселились в Томскую и Тобольскую губернии. В виду того, что эти губернии принадлежали к числу многоземельных и потому нуждались в земледельческом населении, переселенцы же всю свою жизнь занимались главным образом заводскими работами, а земледелием лишь как делом второстепенным, они вскоре по прибытии на место нового своего назначения увидели, что местные условия крайне неблагоприятны для применения их труда. Приспособиться к новым условиям жизни переселенцы могли бы лишь по прошествии некоторого довольно продолжительного времени; но у них не оказалось материальных средств, необходимых для возможности выжидания наступления этого момента. А жизнь с ее ежедневными потребностями напоминала о себе.

Горемычные мастеровые уже весною 1866 г. обратили свои взоры на старые, недавно покинутые пепелища. Будучи приписаны к новым обществам, они обратились в Томскую казенную палату с просьбой о разрешении им возвратиться на прежние заводы. Эта палата запросила Уфимскую, которая не встретила к этому препятствий при условии возврата переселенцами полученного ими от казны пособия и получения от заводских обществ приемных приговоров. Но генерал-губернатор Западной Сибири указал на недопустимость по закону [25]) обратного возвращения переселенцев, что затормозило дело. Так прошел год. Между тем положение переселенцев все ухудшалось. Тогда, не находя в местах нового водворения

[22]) К тому времени уже была образована отдельная Уфимская губ.
[23]) По закону 3 декабря 1862 г.
[24]) Архив мин. вн. дел, земск. отд. 3 делопр. 1868 г. дело № 21.
[25]) Ст. 46 Уст. благоустр. в казен. селен., т. XII св. зак., изд. 1857 г.

надлежащего приложения для своего труда, гонимые нуждой, они, преодолев ряд затруднений, вернулись на прежние заводы без разрешения властей, частью со своими семействами, частью без них. К счастью, в старых своих обществах возвратившиеся были встречены, как желанные гости. Составлены были соответствующие приемные приговоры. Заводоуправления тоже отнеслись доброжелательно к вернувшимся, энергично ходатайствуя перед местными властями об оформлении фактически уже состоявшегося возврата переселенцев. В феврале 1868 г. этот вопрос принял острый характер, когда Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие получило от Томской казенной палаты отношение о немедленной высылке переселенцев в места их перечисления, т. е. в Томскую губернию. Положение было катастрофическое. Тогда за крестьян заступились местные мировые посредники, указавшие на то, что принудительное возвращение переселенцев в Сибирь могло бы быть осуществлено не иначе, как при помощи особых мер строгости, что повело-бы к окончательному их разорению. Уфимское губернское присутствие, приостановившись исполнением вышеуказанного требования Томской казенной палаты, дважды обсуждало это дело, второй раз при участии оренбургского генерал-губернатора Крыжановского. Исходя из соображений о целесообразности и пользе местного края, а также «из чувства человеколюбия к переселенцам», губернское присутствие постановило просить генерал-губернатора поддержать перед министром внутр. дел ходатайство крестьян. В журнале губернского присутствия приведены следующие любопытные основания:

Переселение мастеровых в 1865 г. было вызвано не столько крайней необходимостью, сколько отчасти дарованными переселенцам льготами, отчасти опасением подпасть под кабалу к прежним владельцам в случае неиспользования предоставленных льгот, а также ложными слухами об ожидающих их на новых местах выгодах; возвращение на родину большей части переселившихся мастеровых — совершившийся факт; при возобновлении работ на горных заводах возвращение людей опытных в горнозаводском деле составляет необходимое условие успешного действия заводов; переселенцы уже получили приемные приговоры от своих прежних обществ [24] и насильственное возвращение мастеровых поведет к их полному разорению и в виду дальности мест переселения несомненно вызовет среди них усиленную смертность.

Оренбургский генерал-губернатор, перед которым ходатайство крестьян энергично поддерживало и заводоуправление в интересах горнозаводской промышленности, уведомил министра внутр. дел, что он вполне разделяет соображения присутствия, которые он дополнил указанием «на совершенную бесполезность горнозаводских мастеровых себе и государству в тех местах, куда они переселились». Запрошенный по этому поводу министром генерал-губернатор Западной Сибири на этот раз оказался сговорчивее, отступив от формальных требований закона перед более настойчивыми требованиями жизни: указав на то, что Томская и Тобольская губернии, как многоземельные, нуждаются в колонизации, но им необходимы хлебопашцы, горнозаводские-же мастеровые, к земледелию непривычные, не могут принести краю существенной пользы, генерал-губернатор не встретил препятствий к удовлетворению просьбы крестьян.

Имея в виду все собранные по делу материалы и считаясь, повидимому, с тем, что стремление горнозаводских мастеровых к возвращению

---

24) При этом выяснилось, что некоторые семейства мастеровых, получив разрешение в 1865 г. на переселение и даже пособия, только были исключены из прежних обществ, а фактически не переселялись.

на прежние заводы стало к тому времени бытовым явлением, министр внутр. дел вошел в главный комитет со следующим представлением, получившим 29 апреля 1869 г. высочайшее утверждение:

1) Мастеровым, которые по получении разрешения на переселение, уже перечислены на новые места водворения, но, переменив свое желание, остались на заводах, предоставляется перечислиться обратно в состав прежних заводских обществ. 2) Мастеровые, которые переселились на казенные земли, но потом возвратились с семействами на заводы и испросили приемные приговоры от заводских обществ, могут быть причислены к этим обществам. В обоих случаях мастеровые обязаны возвратить казне полученное от нее пособие в сроки по определению губернского по крестьянским делам присутствия. 3) Мастеровым, которые желают опять водвориться при заводах, но семейства которых находятся еще на местах водворения их на казенных землях, дозволяется увольняться из обществ государственных крестьян и причисляться к горнозаводским обществам и вместе с тем с соблюдением существующих правил и с обязанностью уплатить до переезда семейств на заводы полученное от казны пособие на переселение.

Л. Айзенберг.

Рабочие на постройке Уссурийских и Амурской железных дорог и участие каторжан в работах [1].

При постройке железных дорог в Приамурье, т. е. Северно-Уссурийской, Южно-Уссурийской и Амурской областях, естественно должны были возникать затруднения из-за недостатка рабочих рук. Край, в котором сооружались эти дороги, и до сих пор сравнительно мало населенный, тогда был почти пустынным. Поэтому местное население не могло выделить из своей среды хоть сколько-нибудь значительного числа рабочих на постройки, а между тем для нее требовались большие кадры трудящихся. С другой стороны отдаленность Приамурского края от более густо населенных областей России мешала большому приливу туда русских вольных рабочих. В виду указанных обстоятельств пришлось помимо русских вольных рабочих обратиться к другим трудоспособным элементам России и даже иностранных государств. Это делали и частные подрядчики, принимавшие участие в постройке железных дорог Приамурья, и казна. В результате, например, в 1895 году, из 13,000 слишком человек, занятых на четырех участках Северноуссурийской линии, всего лишь 400 человек принадлежали к числу вольных русских рабочих. Остальную массу составляли: иностранные подданные, т. е. китайцы, корейцы и японцы (8000 человек), затем нижние чины (3300 человек), ссыльно-поселенцы около 1000 человек и, наконец, каторжане (650 человек).

Рабочие различных категорий обнаружили далеко не одинаковую производительность в своем труде. В этом отношении лучше всех были вольные русские рабочие, которые в землекопных работах, а такие именно работы и велись в 1895 году, достигали в среднем выработки [illegible]0 кубической сажени в сутки на человека; второе место занимали ссыльно-поселенцы, их средняя выработка равнялась 0,40 куб. сажени; по 0,[illegible] куб. саж. вырабатывали в среднем солдаты; из числа китайцев, корейцев и японцев каждый вырабатывал в среднем лишь по 0,25 куб. сажени; наконец на последнем месте по производительности стояла работа ссыльно-каторжан — по 0,20 кубической сажени.

Условия жизни во время работы тоже были в некоторых отношениях не одинаковыми у разных категорий рабочих.

[1]) Архив Департамента железнодорожных дел Министерства путей сообщения, дело за № 142 (старые архивные № 10 и № [illegible] 1895 года) под заглавием „Журналы Комиссии Петрова“ (для данной статьи материал находится в №№ 16, 17 и 18 этого дела). Названное дело представляет собой [illegible] журналы комиссии, подлинники коих с приложениями хранятся в неразобранном фонде архива министерства путей сообщения и в настоящее время недоступны для исследования.

Мы не имеем сведений о том, как устроены были помещения для [illegible] русских рабочих. Можно лишь предположить, что они жили приблизительно в таких же жилищных условиях, как ссыльно-поселенцы, работавшие [illegible] у частных подрядчиков. Ссыльно-поселенцы же устроились следующим образом. Они образовали особые артели на строющейся линии, которые размещались в палатках и балаганах. Эти балаганы делались преимущественно из березовой коры.

Воинские команды были расположены лагерным порядком в десяти отдельных пунктах вдоль строющейся линии. Каждая из этих лагерных стоянок служила местопребыванием особого отряда, численностью свыше 200 нижних чинов, работавших под наблюдением и командой офицера. Лагери были устроены в возможно близком расстоянии от участков, где работали воинские команды. Жили солдаты в палатках. Эти палатки [illegible] пропускали влагу, что было особенно чувствительно при [illegible] частых дождях в Уссурийском крае.

[illegible] рабочие разделялись в 1895 году на две части. Одни работали на пристани у реки Амура, возвращаясь ежедневно для ночлега обратно в Хабаровку [illegible]. Другие, составлявшие большинство (до 400 человек), работали на линии, будучи размещены под присмотром [illegible] в особых летних балаганах из плетня, с крышами [illegible] коры.

Китайцы, корейцы и японцы жили в палатках и шалашах, устроенных [illegible] или подрядчиками. Первые две национальности из этих иностранных рабочих жили в антисанитарной обстановке. Японцы устроились [illegible] лучше, чем китайцы и корейцы. Шалаши и балаганы были [illegible] из древесной коры.

В общем условия жизни рабочих на постройке Северо-Уссурийской линии не были достаточно благоприятными. Комиссия, обследовавшая их положение в 1895 году, пришла к заключению, что с наступлением осенних холодов должно [illegible] появление между рабочими, помещающимися в палатках, разных простудных болезней, и во избежание этого, рекомендовала [illegible] одновременным устройством землянок, в которых рабочие, оставшиеся на линии до поздней осени для окончания летних работ или производства зимних, как-то рубки леса, каменной кладки, искусственных сооружений [illegible], могли бы найти приют от непогоды.

Врачебная помощь в 1895 году была организована на таких основаниях. Вся дорога в отношении подачи врачебной помощи была разделена на участки, на которых были устроены лечебные заведения. Те лечебные заведения, которые находились на Южно-Уссурийской дороге, были к назначенному сроку закончены, тогда как на северном участке некоторые из них были открыты лишь во временных помещениях. На Южно-Уссурийской линии были устроены три больницы: на станциях Владивосток, Никольское, Муравьев-Амурский и два приемных покоя на станциях: Спасская и Уссури. Из поименованных больниц Владивостокская была устроена только на пять кроватей и представляла собой скорее всего приемный покой. Больница же на станции Никольская, рассчитанная на 27 человек, была выстроена и оборудована неудовлетворительно. Во первых, в ней было плохое освещение, даже в операционной комнате. Клозеты были земляные, приспособлений не было и в виду недостатка вентиляции сильно портили окружающий воздух. Палаты для больных заразными болезнями не были изолированы от других больничных помещений. Не имела больница никаких приспособлений для дезинфекции белья и одежды заразных больных. Больница на станции Муравьев-Амурский была помещена во времен-

чем постройке и содержалась по отзыву вышеупомянутой комиссии [illegible] и чисто. Вместить она могла свыше двадцати больных. На Северно-Уссурийской линии лечебные заведения к 1895 году были устроены на станциях: Бикине, Бире и Щербинихе. Сверх этого был организован [illegible] лазарет на станции Лошаково и устраивались больницы на станции Медвежьей и в городе Хабаровске. На этой же линии имелись также два военных лазарета для нижних чинов, работавших на постройке.

Во всех перечисленных больницах медицинский персонал состоял из 6 врачей, 18 фельдшеров и одной акушерки. Острозаразных болезней среди рабочих, по крайней мере до конца июля 1895 года, не наблюдалось. Чаще всего встречались среди рабочих болезни дыхательных и мочевых органов, затем органов пищеварения и движения, а равно и некоторые травматические повреждения (раны и ушибы). Затем из числа прибывших на работы японцев оказалось довольно большое число зараженных сифилисом, и эти больные были отправлены в больницы. Впрочем рабочие иностранцы, как это было отмечено врачами, в случае заболеваний избегали поступления в устроенные вдоль железнодорожной линии больницы, несмотря на то, что они пользовались там помощью на одинаковых основаниях с русскими рабочими. Приходилось даже прибегать к усилиям, чтобы побудить таких рабочих обратиться в лечебное заведение в случае [illegible] травматических повреждений.

Продовольствовались рабочие на постройке при посредстве подрядчиков. Последние в зависимости от заключенных с ними условий или отпускали рабочим пищевые продукты по заготовительным ценам, или снабжали их готовой пищей. Повидимому, оба эти способа были [illegible] удобны для рабочих. По крайней мере они в течение нескольких лет лишь один раз подали жалобу Приамурскому генерал-губернатору на [illegible] честность своего подрядчика при поставке им съестных припасов.

За свой труд строительные рабочие получали поденную плату, причем вольный русский рабочий получал в среднем 1 р. 50 коп. в сутки, воинский чин—1 руб., ссыльно-поселенец—1 р. 25 к., иностранный рабочий (китаец, кореец, японец)—85 к. и ссыльно-каторжанин от 72 до 95 к. При этом ссыльно-каторжане получали на руки лишь часть заработка, остальное шло в распоряжение их начальства. Размер выдаваемого ссыльно-каторжникам вознаграждения равнялся 2,75 копейкам за 0,10 кубической сажени обыкновенного грунта, 5 копейкам за 0,10 куба среднего и 8 копейкам за 0,10 кубической сажени скалистого грунта.

II.

Привлечение ссыльно-каторжан к участию в строительных работах последовало в 1891 году по почину министерства путей сообщения в виду малонаселенности края. Министерство внутренних дел согласилось на это с тем, чтобы как привлечение ссыльно-каторжан к работам, так [illegible] образом и общее руководство всей намеченной операцией было поручено приамурскому генерал-губернатору. Определено было на первое время поставить на работы 600 человек ссыльно-каторжан и увеличивать [illegible] постепенно это число, чтобы в среднем выводе по трехлетнему [illegible] образовалась команда в 1.400 человек. Было выработано соглашение относительно участия ведомств в расходах, вызываемых привлечением ссыльно-каторжан. Тюремное ведомство брало на себя лишь те расходы, которые были потребны для содержания арестантов в местах их заключения, а также перерасходы, какие могли получиться при производстве подготови[illegible]

[illegible] операции, должны были покрываться суммами, заработанными ссыльно-каторжными.

Тогда же состоялось соглашение между тюремным инспектором и [illegible] строительства [illegible] о назначении порядка работ ссыльно-каторжных и вознаграждения их за труды (по 3 р. 20 к. за кубическую сажень обыкновенного грунта, по 5 р. 60 к. за кубическую сажень среднего и по 8 рублей за кубическую сажень скалистого).

[illegible] 10 марта 1891 года партия ссыльно-каторжных в числе 600 человек, которая предназначалась на Сахалинскую каторгу, была из Одессы направлена во Владивосток, где 20 марта приступила уже к устройству железнодорожного полотна Уссурийской дороги на первой версте линии в районе самого города.

В конце месяца большая часть каторжан была переведена для работ на более отдаленные участки, а в городе осталась лишь одна рабочая команда в 140 человек. Между тем пребывание каторжан во Владивостоке [illegible] вызвали среди населения неудовольствие, которое с течением времени все усиливалось. Поэтому в июне 1891 г. она была переведена и последняя партия ссыльно-каторжных на девятую версту. Но даже эта мера не вполне успокоила жителей Владивостока, так как часть каторжан и, быть может, наиболее опасная, успела убежать в тайгу, где сильно участились случаи краж, грабежей и разбоев.

Вместе с тем взаимоотношения строительного начальства с тюремным ведомством, возникшие вскоре по начатии работ, с осени 1891 года приняли более серьезный характер. Строительное начальство задерживало выдачу заработанных ссыльно-каторжными денег и требовало соблюдения лишних формальностей, а тюремное ведомство в виду задержки в платежах опасалось беспорядков среди ссыльно-каторжан.

В 1892 году ссыльно-каторжане переведены были на Сахалин, [illegible], что „работы, произведенные ими, обошлись железной дороге значительно дороже, чем при выполнении их железнодорожным ведомством или частными подрядчиками“. Комиссия генерал-лейтенанта Петрова, обследовавшая этот вопрос, пришла к довольно любопытным заключениям. Прежде всего, она выразила удивление, что „при переводе сюда значительного числа каторжан (до 900 человек [illegible], по [illegible])—суммами, выплачиваемыми управлением дороги в уплату за работы ссыльно-каторжных, не покрывались издержки тюремного ведомства по содержанию как самих каторжан, так и конвоя и тюремной администрации при них, на каковой предмет отпускались сверх того еще определенных сумм по смете тюремного ведомства“.

В виду этого по мнению комиссии убыточность работ ссыльно-каторжных при постройке Южно-Уссурийской железной дороги носила случайный характер и вызвана была ошибками, допущенными обоими заинтересованными ведомствами.

Несмотря на то, что первый опыт привлечения ссыльно-каторжан к работам при постройке Южно-Уссурийской дороги окончился неудачей, обстоятельства, т. е. хронический недостаток рабочей силы заставили строителей восточных сибирских дорог вновь обратиться к отвергнутому было мероприятию. В мае 1895 года было утверждено „Положение Комитета Сибирской железной дороги о привлечении ссыльных и арестантов разных категорий на работы по сооружению Северно-Уссурийской, Забайкальской и Амурской линии“. Немедленно после этого приамурский генерал-губернатор распорядился о высылке 200 ссыльно-каторжан с острова Сахалина

для того, чтобы они совместно с хабаровской каторжной командой приняли участие в железнодорожных работах на пристани у реки Амура.

Таким образом к июню месяцу 1895 года к земляным работам на Южно-Уссурийском участке было привлечено 650 ссыльно-каторжан, которые образовали три особых рабочих команды. Большее число ссыльно-каторжан местная администрация допустить к работам побоялась, принимая во внимание отдаленность места производства работ и затруднительность установления надлежащего надзора за работающими арестантами со стороны местной власти. Все работы на строящейся тогда линии были переданы [illegible]ству и частным подрядчикам. Поэтому приамурский генерал-губернатор согласился удовлетворить ходатайство частных подрядчиков, которое было поддержано и строительным начальством, о поставке ссыльно-каторжан к ним на работы.

В соответствии с этим одна из трех партий ссыльно-каторжан, состоявшая в административном ведении хабаровского полицеймейстера, стала с [illegible] 1895 года работать на устройстве амурской пристани у подрядчика Гуюса, принявшего на себя обязательства: а) уплачивать за каждого рабочего поденно по 64 копейки с человека, согласно ежедневных [illegible] табелей; б) производить сверх того особую плату ссыльно-каторжным на руки в размере не менее 3½ копейки за каждые 0,10 куб. саж. по выполнении работ мягкого грунта, 5,1 копейки — среднего грунта и [illegible] копейки — скалистого; в) нести расходы по содержанию технического надзора и по снабжению рабочих инструментами и инвентарем; г) принять на свой счет медицинскую помощь и лечение арестантов, на каковой предмет управлением железной дороги исчисляется 2 процента из общего валового заработка Гуюса. Кроме того было обусловлено, что денежные расчеты между сторонами будут производиться ежемесячно, что заведующими командою должны быть определены (по условиям местности и свойству грунтов) на каждые десять человек обязательная дневная выработка и, наконец, что старательская сверхурочная работа не будет воспрещена каторжным.

Кроме вышеуказанной партии ссыльно-каторжан, летом 1895 года работали и две другие: на 673 и 692 верстах от Владивостока у подрядчиков Д[illegible]на и Ферштера на условиях, сходных с только что приведенными, но с такими (вызванными тем, что работы шли довольно далеко от городских поселений) изменениями: 1) поденная плата в 64 копейки, определенная по договору с Гуюсом, увеличена до 95 копеек за человека; 2) Д[illegible] и Ферштер обязались устроить для каторжных летние балаганы, а для чинов надзора деревянные бараки; 3) названные подрядчики приняли обязательство доставлять тюремному ведомству, по мере его требований, жизненные припасы по определенным ценам, а также перевозить и доставлять его грузы на известных выговоренных условиях.

Порядок привлечения ссыльно-каторжан к строительным работам на изложенных выше началах по отзыву комиссии Петрова дал вполне удовлетворительные результаты. Между прочим, отдельные выработки арестантов значительно поднялись по сравнению с предшествующими годами. Так, в обыкновенном грунте ссыльно-каторжанин в 1896 году стал вырабатывать до 0,30 кубической сажени в день, тогда как на Южно-Уссурийском участке такой арестант вырабатывал 0,2[illegible] кубической сажени в день. По свидетельству комиссии, обстоятельство это может быть объяснено тем, что в настоящее время ссыльно-каторжные, получая на руки еженедельно (по субботам) плату в указанном выше размере (3½ коп. за 0,10 куб. саж.

и т. д.), а ссыльно-поселенцы [1])— ежемесячный расчет, в большей степени заинтересованы в успешности производимого ими труда. Поэтому означенный порядок, хотя и не согласуется с точным смыслом закона, но может, казалось бы, применяться и впредь, с одной стороны в виду достигнутых по настоящее время результатов, с другой вследствие большей гарантии в срочности выполнения работ, которую представляет этот порядок по сравнению с организацией труда ссыльно-каторжных в 1891—1893 годах.

В. Г. Васенко.

1) С... рабочими [illegible] постоянные рабочие

Землепользование новгородских дворцовых крестьян в 17 веке.

I.

История великорусского крестьянского землевладения и землепользования хорошо разработана только по Поморью (бывшие новгородские „земли“ и значительная часть Обонежской пятины). По другим местностям сохранившийся материал очень скуден, отрывочен, но аналогия с Поморьем помогает разобраться в нем.

История застает Поморье в эпоху зачатков нового быта на развалинах старого, родового [1]). Основа этого быта—экономическая. Личность, освобожденная от гнета рода, должна в силу экономической необходимости входить в новые товарищеские „складнические“ союзы. Эти союзы нередко образуются при помощи остатков того же родового быта (возникновение складства посредством покупки долей разложившегося деревенского двора), или пользуются его внешними формами („искусственные“ „складные“ семьи). Экономический принцип изменяет и отношения семейных между собою, нарушает и семейную иерархию: муж с женою могут участвовать в сделках на товарищеских началах, дочь может быть наемной работницей у отца, старики-родители, которых старинная песня называет „золотой вершинкой, позолоченной маковкой“ на дубе, олицетворяющем род, могут уступить руководящее место в хозяйстве новому поколению (иногда даже не родственному) в рабочем возрасте и пр. Иногда новый экономический принцип сочетается с остатками старого родового принципа.

На севере государство, пред'являя свои верховные права собственности на крестьянскую землю, долго не препятствовало ее владельцам распоряжаться ею на правах собственности, требуя только, чтобы деревенские участки не пустовали, не оставались без жильцов. Даже когда правительство стало стеснять крестьян во владении землей, сплошь и рядом оно смягчалось и делало уступки крестьянам - вотчинникам, внося разные оговорки в указы, запрещающие отчуждение государевой черной тяглой земли. Приказная же практика колебалась в своих решениях по случаю отдельных земельных дел между двумя принципами: государевой неограниченной собственности на черные земли и вотчинных прав на нее крестьян-владельцев.

Облик поморской деревни хорошо выяснен в научной литературе. „Село“ или деревня, что для севера едино, есть обособленная земельная

---

[1]) Стариннейшие документы по интересующему нас вопросу относятся к пятнадцатому веку. Надо оговориться, что темп хозяйственной жизни был неодинаков в разных углах нашего района: различные местные условия приводили к тому, что эволюция хозяйственной жизни шла с разной степенью скорости. Таким образом, что в одном месте начинается уже в шестнадцатом, в другом—надо искать лишь в веке восемнадцатом.

[illegible], в центре которой стоит двор, или небольшая сумма дворов.., к которым тяготеет известная совокупность земельных угодий, притянутых к этому центру трудовым захватом" [1]. Уже в документах 15 века мы видим [illegible] дробление первоначальной деревни-села посредством дележа, а также отчуждения долей ее. Но отчуждение земли не окончательно: [illegible], владелец старинной вотчины гораздо крепче связан с ней, чем современные владельцы недвижимости.

Как продавец земли, так и ближайшие его родные имеют право на выкуп проданного. Это право не является местной и сословной особенностью: мы видим его во всех [illegible] разных местностей старой Руси. Таким образом самый договор купли-продажи в древней Руси отличен от таковой же современного. Слово „продал" в старых северных документах не всегда имеет теперешнее значение: оно иногда употребляется при вкладе, при закладе и пр.

При сделках 16—18 вв. замечаем борьбу с правом выкупа как вотчинника, так и его родственников: в купчие включались оговорки, что земля продается без выкупа, что до нее владельцу и его родным „дела нет". Но такие оговорки мало помогали. Не помогали и особые отписи, в которых родственники свидетельствовали, что им дела нет до проданной земли. Иногда от предъявления родственных прав на деревенские участки откупались деньгами. Сородичи старались связать отчуждение земли особыми обязательствами в свою пользу, потому что право их на преимущественную покупку постоянно нарушалось: земли постоянно отчуждались на сторону [illegible]. Право отдельного члена семьи на свободное распоряжение своим участком и право рода на этот участок постоянно сталкивались и боролись.

Свободное распоряжение крестьян долями деревни явилось следствием распадения большой семьи, подобной сербской задруге. Каждый член распавшейся задруги получал право на долю во всем деревенском хозяйстве: [illegible] в хоромах, в пашне, в угодьях. Каждый дольщик деревни, владея реально своею долею..., не переставал быть идеальным представителем известной доли когда-то общего целого" [2]. Очень яркие иллюстрации к [illegible] дают старинные северные причитания. После отпевания умершего мужа горюющая вдова вопит, что она со смертью мужа лишилась [illegible] доли в деревенском участке и вместо полноправной дольщицы стала бедной [illegible]:

„[illegible] я дольщицей Никольской [illegible],
Половинщицей Варварской [illegible],
Ныне я дольщицей [illegible],
Половинщицей [illegible]"

Вот родные стали [illegible] на [illegible] столом, не [illegible]:

„Один [illegible] братец богоданой
Он [illegible] словечушко:
„Ты вдова наша [illegible],
[illegible], [illegible] любимая?
Ты [illegible], [illegible] стол [illegible].
Тоже дольщица, [illegible] подворница."

[1]) Ефименко. Исследования народной жизни, стр. [illegible].
[2]) Ефименко, стр. 224.

Ты участница участку деревенскому,
Ты, ведь, пайщица любимоей скотинушки
Половинщица хоромному строеньицу".

Про крестьянина, ушедшего в солдаты, соседи говорят:

„Не участник он участков деревенскиих,
И не дольщик он крестьянского, ведь, [illegible]"

А крестьянину, который пошел в солдаты, от брата причитают:

„И отговорят да тебе братьица родимые:
„И ты не дольщичек крестьянской нашей [illegible][1].
И не участничек участкам деревенскиим,
И не пристройщичек к хоромному строеньицу,
Ты не пайщичек любимоей скотинушки".

Вместо того солдат стал дольщиком в другой сфере:

„И ты, ведь, дольщичек все службы государевой,
И ты участничек солдатушков походныих,
И ты пайщичек казармам все казенныим,
И половинщик ты оружьям заведенныим".

Таким образом, пользуясь метафорами, причитанье с скрупулезной точностью переносит на понятие государевой службы и на образы смерти и кручины термины деревенского долевого владения. Получаются антитезы: вдова не дольщица, не половинщица деревенского участка, — она дольщица и половинщица смерти и кручины; солдат не дольщик „крестьянской [illegible]", а дольщик государевой службы, не участник деревенского участка, а участник походных солдат, пай у него в казармах, половина у него в заведенных оружиях".

Сущность товарищеского союза сябринства, складства — соединение капитала и рабочих сил для ведения общего предприятия. Сообразно затрате труда и капиталов складников распределяются и их доходы. Происхождение складства может быть непосредственно связано с распадением большой семьи — задруги, и тогда это название, во-первых, обозначает общее владение неразделенным имуществом, во-вторых, указывает на [illegible] связь между собой частей распавшейся деревни. Могло оно явиться и [illegible] следствием договора. Складство было так распространено на севере, что сплошь и рядом однодеревенцы оказываются складниками, а две-три деревни или и более могут образовывать сложные складнические группы. У сябров-складников также были права преимущественной покупки и выкупа относительно долей товарищеского владения, и в тексты земельных [illegible] вносились те же оговорки относительно сябров, что и относительно родственников. Нарушение прав складников приводило к необходимости вносить в купчие специальные обязательства в их пользу. Мы видим это уже в пятнадцатом веке. Право отдельного члена складнического союза на свободное распоряжение своим участком и право союза на этот участок постоянно сталкивались и боролись, т. е. здесь полная аналогия с отношениями между собой отдельного члена двора и его рода. При отсутствии родственников сябры-складники могли и наследовать.

Владение землей стало тяготеть к индивидуальной собственности, но это тяготение сдерживалось экономическою необходимостью, которая за-

[1] [illegible]

ставляла крестьян сплачиваться в союзы, а также и другими причинами, одной из которых было указанное верховное право государя на тяглые земли. Правительство смотрит на деревенские жеребки, как на наделы для несения тягла. Мы видим в 17 в., что обезземеление крестьян идет быстрым темпом вследствие начала относительной земельной тесноты и хищнической роли сильных людей. Поэтому правительство начинает запрещать крестьянам отчуждать землю, чтобы государеву тяглу не чинилось убыли от запустения черных земель. При этом стараются ликвидировать те земельные сделки, что уже состоялись; таким образом правительство поддерживает традиционное право родового выкупа, регулируя его своими нормами. Но по челобитью населения (частью тех же сильных людей) в запретительные указы вносились смягчения и оговорки, при том и льготы духовным владельцам окончательно запутывали пределы земельной мобилизации. Вообще признание вотчинных прав крестьян на деревенские участки, с одной стороны, и подчеркиванье тяглого значения этих участков, с другой, влияют и на крестьянские воззрения. В правительственной политике относительно крестьянских переходов заметны противоречия, об'ясняемые все той же заботой о том, чтобы государеву тяглу было прибыльнее. Двойственность сказывается и в отношении, как правительства, так и населения к оброчным имуществам, которые в принципе резко отличаются от тяглых, но на практике часто с ними сближаются.

Деревенское долевое владение постепенно разлагалось. Могли быть отдельные случаи появления в деревне настоящих переделов с меной жеребьями полевой земли, но преобладало стремление к разделам. Иной раз индивидуальные стремления крестьян могли сталкиваться с правительственной охраной складнических прав, которые рассматривались правительством все с той же тягловой точки зрения. Рядом с разложением долевой деревни идет переплетение складнических союзов разных деревень, причиной чего служит относительная земельная теснота и экономическая необходимость соединения сил. Можно отметить разделы и у сложных складств.

Посредствующим звеном между государством и отдельным тяглецом или оброчником была волость, служившая административно-тягловым об'единением. Не находя элементов общинного владения в обычном распоряжении волости запустевшими землями, можно находить зародыши общинных переделов в случаях дележа пустошей „в мир по достоянию". Волость является в хозяйственных делах или указанным внешним административно-тягловым об'единением, или сложным складническим союзом. Район для заимок и работ хозяйственных союзов определяется постепенно; постепенно вырабатываются и правила их пользования общим имуществом. Хозяйственные группировки населения исстари не покрывались волостными делениями. Но областные деления могли заслонять в казенных делах деления хозяйственные, а частью и сами пригодиться для хозяйственных целей.

Происхождение общинного землевладения в Поморье лишь косвенно связано с хозяйственными организациями, а основная причина его возникновения — воззрение на крестьян, как на тяглецов на государевой земле. Поскольку процесс разложения деревни и переплетения складнических союзов перекрещивался с процессом выработки понятия о нормах наделов для государевых тяглецов, постольку и можно говорить о происхождении общины из крестьянских земельных организаций. Переходной стадией от сложных земельных связей старого времени к новой общинной

---

*) В нашем крае мало удобной для обработки земли (больше по берегам рек

связи можно считать случаи слияния складнического значения волости с ее административно-тягловым значением, примеры чего мы видим в некоторых документах.

Землепользование крестьян на землях поморских монастырей мало отличалось от землепользования крестьян - вотчинников: стесняя своих крестьян во владении землей и в хозяйственных предприятиях северные вотчинники не оказывали существенного давления на формы их землепользования, и владельческая деревня шла по одному пути с деревней свободной, по пути разложения деревенской организации. Что же касается безземельных арендаторов владельческой земли, то их складство существенно отличается от складства крестьян-вотчинников только в тех случаях, когда руками арендаторов создавались новые деревни: в других случаях мы видим в их землепользовании явления, знакомые нам по деревням черным.

В центральных местностях мы находим некоторые указания на долевое владение. То же, что земельный быт Новгородско-Псковского края аналогичен земельному быту Поморья, кажется, никем не подвергается сомнению: не раз, разбирая поморские документы, ссылаются на судные грамоты Новгорода и Пскова и на новгородские писцовые книги и обратно. Мне случилось указать в печати на аналогии одной псковской порядной (порядная—арендный договор на землю) с порядными поморскими. Затем я пользовалась материалом о складниках-крестьянах архиепископа вологодского и белозерского, живших в местности, очень близкой к Поморью. Земельное хозяйство этих крестьян оказалось очень похожим на хозяйство владельческих крестьян Поморья, и в то же время один из документов, касавшихся их, трактует о порядках, от которых очень недалеко до земельных переделов.

Документы о землепользовании новгородских дворцовых крестьян дошли до нас от восьмидесятых годов 17 в. Они дают нам, между прочим, сведения о земельных переделах и могут подтвердить изложенные соображения о происхождении земельной общины. Как и следовало ожидать, мы замечаем в документах намеки на явления, знакомые по Поморью.

II.

Выборные крестьяне погостов - волостей [6]), на которые распадалась Ступенская волость, Новгородского уезда мерили, „по великих государей указу и по выбору волосных людей“ землю тяжелую и сенные покосы своего погоста и верстали их всем поровну. Мерой земли было „ужище“, и при размеривании высчитывали, сколько приходится на каждую деревню „костей“ тяглового обложения: дер. Сусанина—2 кости, дер. Харитонихи — 2 кости и пр. Писались две „росписи“: в одной записывалось, сколько намерили ужищ земли, а в другой—„что в которой деревни по мере выборных людей костей“.

В росписи измерения земли отмечались порою случаи сопротивления миру при земельном верстании. Так, в апреле 1683 г. роспись Николаевского Раевского погоста указывает: „И у той меры былъ взятъ попъ

5) Архив уделов, столбцы, связка 2, № 13. Справки о земельных переделах московского времени см. в 3 томе сочинений Павлова-Сильванского, стр. 123-134. Укажу еще на не попавший в печать мирской приговор по городу Шуе (Археогр. Комиссия, Акты Борисова, № 474), аналогичный напечатанному приговору о переделе.

6) В одном и том же документе встречаем названия для одной и той же административной единицы и погост и волость.

Гаврилъ Никитинъ тое же Раевские волости, и ево у старосты схода [illegible] и мы с нимъ мирьские люди на сходе были, и выборные люди [illegible] разверстали, а онъ, староста Серьгий Мартемьяновъ, отперилъ и земли не разверсталъ"[1]. Мирские выборные люди подали великим государям челобитье на этого старосту, жалуясь, что он их „меру и поверстъки [illegible] и всей волостью мутит неведомо для чего и побоки по крестьянам [illegible] ме против земли и поверстки. Дело в том, что у старосты [illegible] по мере „лишняя земля, кость, перед иными деревнями", с которой ему не хотелось нести тягло. Поступок старосты нарушал то взаимное обязательство, на котором строились мирские приговоры, закреплявшие выбор старосты. В нашем материале есть „выбор" уже от 1 сентября 169[illegible] г., написанный по государеву указу и по приказу Хлебного Дворца [illegible]. В нем читаем: „И будучи ему у нас старостою, а нашимъ мірскимъ деломъ ходить и воеводу и посланниковъ кормить и поить, а намъ, мірскимъ людемъ, ево, старосту, слушать и ни в чемъ не выдавать"[1]. Раз староста [illegible] корыстно нарушил мирские интересы, пало, конечно, обязательство мира о послушании ему и о стойкой его поддержке.

При мирском „деле" могли выделить землю и священнику. Так в селе Никольском, в Толмачевской слободе, дали попу Петру пустошь с сенными покосами на реке Медведные „по мірскому делу", т.-е. до [illegible] передела. При этом наделении считались с тем обстоятельством, что [illegible] и до того издавна владел этой пустошью. Товарищеский союз крестьян, живущий в [illegible] слободе и в деревне Митецкой, перебил было пустошь у попа. Эти крестьяне секли лес на пустоши насильством, не заключив с миром арендного договора, не взяв у него „порядной памяти" на пустошь и пытались закрепить за собой расчищаемую ими землю при помощи центральной власти. Сначала из Москвы и распорядились [illegible] указанным крестьянам землю, разделив ее между ними, согласно их [illegible]нию, по двум союзам, на которые распадался этот земельный [illegible] часть шла жильцам Толмачевой слободы Василию Тимофееву с товарищи, а другая — жильцам деревни Митецкой, Михаилу Прокофьеву с товарищи. Но толмачевские мирские люди отстояли свою мирскую дачу „къ церкви Божией".

Об отводе запустевших земель подавались челобитья в Москву от крестьян, нуждавшихся в земле. В челобитье указывалось, что живет челобитчик на малом участке и кормиться ему нечем, а потому он и просит дать ему во владенье участок [illegible] крестьянина „на жилье" или земельной распашки. Челобитья подавались и о не расчищенной земле. В Москве надписывалось на обороте челобитной такое, например, распоряжение: „Противъ челобитья велеть ему ту пустошь [illegible] дать и дать порядная память".

Челобитчики часто очень малоземельны. [illegible] получают [illegible] четвертью кости земли, и просят дать им вновь земли в том же размере. Есть челобитья и совсем безземельных бобылей об участках также не большого размера (четверть кости, пол кости, кость). Есть случай челобитья о замене участка в пол четверик земли на пустопорожнюю земляную пустошь размером в четверик земли, во избежание насилия от другого крестьянина, от „изгони" которого на старом участке „жить не мочно", потому что он „многожды находит". Встречаются случаи ходатайства о пустошах большего размера, с некоторым земельным простором. Так, товарищеский союз из двух лиц (земский дьячек Федька Игнатьев да крестьянин Митрошка Устинов) просит дать ему две пустоши из пуста [illegible]

1) Связка 19, № 24[illegible]

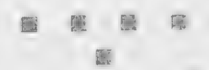
на две кости земли да еще одну пустошь „въ приволье для скотинного выпуску и на пашню и на сенокосъ“; у них земельных участков нет, потому что они отделились от братьев своих, и их дворы и прежние участки достались при разделе их братьям.

Бывало, что крестьянам становилось тесно на их участках, и они просили дать им пустошь „въ подмогу и для животинного выпуску“. Так, об этом ходатайствовал товарищеский союз крестьян дер. Ананкина, Введенского Козловского погоста, но, вопреки распоряжениям из Москвы, мирские люди не дали челобитчикам просимой пустоши, и им пришлось опять бить челом, прося заставить мир осуществить их права на пустошь и к ней „с ыных пустошей дать сенныхъ покосовъ противъ иныхъ жилыхъ жеребьевъ“.

Встречается столкновение из-за расчистки земли у старожильческого населения съ новоприходцем, корелом. „Старожильский староста Исачька Михеевъ, и иные старожилы“ пишут в челобитной, что корелянин завладел у них пустошью, землю пашет и суки на ней чистит насильством своим. Ответчик сказал на допросе, что указанною пустошью он не владеет, а только около нее лес чистит, нивы расчистил с полмину больше десяти лет тому назад, „а отъ старожиловъ объ техъ сукахъ и о пор[illegible] чистной земли челобитья не бывало“.

Мы видим, что практика мирских переделов не исключает существования земельных товарищеских союзов, которые руководствуются своими правилами относительно распределения земли между своими членами. По-видимому, это союзы выбора складников. Самая же практика переделов, связанная, очевидно, с земельной теснотой, относительно расчищенной пахотной земли появилась, по-видимому, под напором государева тягла. Нужно было достигнуть того, чтобы государевы поборы правились соответственно крестьянским земельным участкам, и земельное утеснение естественно подсказывало переделы, так как крестьяне сидели не на своей вотчинной земле, а на государевой в самом буквальном смысле слова. Недаром и выборные люди говорят в челобитной, что мерили землю прежде всего „по великихъ государевъ указу“, а потом лишь по выбору [illegible] людей. Спасением от земельной тесноты была расчистка земли из-под леса, и понятно, что старожилы ревниво смотрели, чтобы новые поселенцы не нарушили их прав на землю, данную им „въ приволье“ [illegible], порой и расширительно земельные границы этого приволья. Любопытно, что переделы не устранили возможности земельного обделения при родственных дележах. Отношения родственников по земле, подобно [illegible] ко отношениям товарищеских союзов, видимо не совсем укладывались в рамки мирского регулирования. Хозяйственная жизнь была сложна и земельные отношения мирских, родственных и товарищеских земельных союзов переплетались и скрещивались.

М. Островская.



Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году.

Из ряда случаев борьбы рабочих за улучшение своего положения при крепостном праве одним из наиболее ярких является дело о возмущении на Ревдинском заводе Демидовой на Урале [1]).

В 1841 г. крестьяне этого завода, занимавшиеся вспомогательными работами по поставке угля, обратились к исправнику с просьбой об'явить им штат на заводские работы и выдать провианта по 50 к. за пуд, основываясь на частных слухах о получении такового штата. После раз'яснения со стороны исправника, что закон воспрещает приносить просьбы или доносы скопом или заговором, они от шести человек из среды своей подали прошение на высочайшее имя, в котором жаловались на слишком высокий вычет из платы за выдаваемый им провиант, именно по 1 р. 25 к. за пуд, и просили ввести по всем цехам штат Златоустовских казенных заводов.

Со стороны исправника им было делаемо внушение, что размер урока не увеличился против прежнего, который был признан Горным департаментом в 1826 г. необременительным, что вычет из платы за провиант по покупной цене дозволен заводчикам высочайше утвержденным положением комитета министров от 26 ноября 1840 г. и что платы, выдаваемые Ревдинским крестьянам, по сравнению с платами казенных заводов оказались значительно высшими, особенно по перевозке угля. Однако, через две недели крестьяне вновь явились в количестве 200 человек с настоятельной просьбой об'явить новый штат и освободить из-под стражи трех арестованных поверенных. Впрочем, последние сами разломали загородку в полиции и присоединились к толпе. При от'езде исправника из полиции толпа покушалась остановить его и вытащить из экипажа. На следующий день волнение продолжалось, при чем крестьяне задержали приказчиков завода, угрожая им и другим служащим смертью за наблюдение за ними. Затем по прибытии в завод советника Горного Правления Карпова, командированного для поверки претензий углежогов и приведения их к повиновению, они, собравшись на горе против церкви, сделали условие быть во всем единодушными и никого не выдавать, в чем дали клятву и целовали икону; убеждения же, делаемые Карповым и местным священником, отвергли с „буйством и ругательством“. При этом трое поверенных, приступив к советнику Карпову, требовали, чтобы он шел с ними в церковь и, приняв присягу, дал им подписку об отсутствии штата для их завода и дал им билеты для принесения просьбы лично государю. Карпов приказал было бывшим с ним военнослужителям взять их под арест,

[1]) Архив Департамента полиции исполнительной, дело № 228 за 1841 г.

но вся толпа закричала: „ребята, не выдавай“ и, схватясь руками, увлекла их с собой, при чем некоторые углежоги бросали камнями и даже жены возмутившихся вынимали из палисадника бруски с криком „бейте“. Вечером того же числа бунтовавшие согласились итти в Екатеринбург для испрошения штата Ревдинскому заводу, но дойдя до Еланской ул., где большая часть углежогов квартирует, вошли в свои дома, увлекая за собой и остальных, разместились человек по 20 в каждом доме, выставили на ночь значительный караул и, недопустив туда полицейского дозора, угрожали ему побоями, если будет делать покушение пройти к ним. 10 апреля в 6 часов утра толпа бунтовавших вновь вышла на площадь в числе 300 человек, повторяя прежние требования и угрожая советнику Карпову ответственностью за сокрытие штата, а бывшему с ним горному исправнику Борисову говорили: „Мы вас не знаем, что вы за люди и имеете-ли письменные виды, подождите—увидите, что вам будет; теперь не прежнее время, чтоб покорились; мы готовы каждый друг за друга умереть“.

Для прекращения беспорядков в Ревдинский завод были отправлены две роты в составе 170 нижних чинов, с коими 14 апреля прибыл и сам исправляющий должность главного начальника Уральских горных заводов полковник Порозов в сопровождении инженер-майора Клейменова. С получением известия о приближении военной команды, толпа бунтовавших явилась на площадь, вооруженная палками и каменьями, в числе более 500 человек, крича, что солдат забросают шапками и что батальонный командир не смеет против них строиться, а когда явился на площадь главный начальник и инженер-майор и делали им внушения и убеждения, то бунтовавшие повторяли прежние требования и некоторые из них поднимали колья, крича, что до об'явления штата не разойдутся и в работу не пойдут, что умрут все и никого не выдадут, что решились стоять до последней капли крови все за одного, что они все равны и зачинщиков между ними нет и что ныне не так просты, как были 15 лет тому назад, когда при подобном их сборище покорились воинской команде и когда на глазах их брали виновных и наказывали. Увещаний священника бунтовавшие не приняли, они поносили его, называя грабителем, душепродавцем и т. п. Один из бунтовавших на слова майора Клейменова, что при неповиновении будет употреблено оружие, „с дерзостью“ отвечал: „Еще посмотрим, чья возьмет“. Этому крестьянину приказано было выйти и отдаться военной команде, при чем полковник Порозов сам взял его за рукав: но стоявшие рядом крестьяне ухватились за него и вся толпа закричала — „Не дадим его“.

Полк. Порозов, „желая дать бунтовавшим время одуматься“, назначил для того срок до следующего утра. 15 апреля толпа, ночевавшая в сборе на мосту, явилась на площадь в бо̀льшем количестве, при чем уже все бунтовавшие до одного вооружены были кольями: за ними следовали женщины и малолетние, сбирая поленья, колья и камни. Тогда полк. Порозов, пригласив священника, вышел к толпе в сопровождении майора Клейменова, спрашивая собравшихся крестьян, одумались ли они и понимают ли, что противятся царской власти и законам; но крестьяне отвечали, что они требуют прочтения штата. Когда приказано было полицейским служителям отогнать женщин и детей, в толпе раздавались крики:—„Не тронь, они наши жены и с нами умрут“. Полк. Порозов еще „старался остановить буйство, но не видя в том успеха“, дал знак батальонному командиру начать огонь. После первого залпа из нескольких ружей двух взводов, поставленных в некотором расстоянии впереди орудия, бунтовавшие, ударив тревогу, пустили град камней и обломков чугуна и в то же мгновение кинулись на оба взвода. Тогда произведен был выстрел из орудия картечью.

Это хотя и расстроило несколько толпу, но не принудило ее к полному бегству, так что стоявшие против взвода на правом фланге сильно продолжали осыпать его камнями и поленьями, подвигаясь даже несколько вперед, несмотря на живой батальонный огонь. Между тем орудие было заряжено вторично, и крестьяне тогда лишь обратились в бегство, когда увидели, что оно направлено против них; но и тут, сбежав на пригорок и заметив, что стрельба прекратилась, они вновь начали собираться кучами, поднимая колья и бросая каменья, и разбежались только от вторичного выстрела, который с намерением был направлен ниже их, в пригорок. Разбежавшись в разные стороны, бунтовавшие произвели затем целый ряд буйств. Увидев на лестнице господского дома одного из чиновников, сопровождавших Берг-Инспектора, бросали в него палками и камнями, а находившемуся с ним казаку нанесли жестокие побои, отняв у него саблю, некоторые, встретив священника, избили его.

Оказались убитыми 25 мужчин и 8 женщин и ранено обоего пола 114 чел., батальонный командир, два офицера и 17 нижних чинов отделались ушибами от брошенных поленьев и камней, при чем у последних было переломано, изорвано и помято во время схватки значительное количество амуниции. При преследовании воинскою командою взято 6 человек и отставной унтер-офицер Десятов, оговоренный в подстрекательстве к бунту. Затем через нарочных было об'явлено разбежавшимся крестьянам требование о принесении покорности, и большая часть их вскоре явилась к своим работам, остальные же были постепенно пойманы.

Значительность числа принимавших участие в возмущении людей и необыкновенное упорство, проявленное ими, невольно возбуждают мысль о том, что в основе их действий должны были лежать какие-нибудь реальные обстоятельства. Трудно допустить, чтобы толпа около тысячи человек волновалась в течение нескольких недель и проявила готовность идти на смерть, не подчиняясь даже вооруженной силе, из-за одних же самих сочиненных слухов о штате. Действительно, в дальнейшем выяснилось, что донесения исправника о большей легкости уроков Ревдинских крестьян сравнительно с окрестными заводами были ложны, и что имелись некоторые официальные акты, принятые ими за штаты.

По водворении спокойствия для расследования происшествия была учреждена военно-следственная комиссия, которая открыла, что главною причиною означенного возмущения были распространившиеся между поставляющими уголь крестьянами слухи, что для Ревдинского завода есть штат, который скрывается от них местным управлением. Поводом к этому послужил указ Уральского Горного Правления от 3 окт. 1840 г., которым предписывалось, как Ревдинскому исправнику, так и по другим заводам к исполнению, чтобы угольный короб имел определенную законами меру 21400 куб. вершков и чтобы отступление от этого допускалось только при согласии на то самих работников. Между тем на Ревдинском заводе прием угля производился коробом, вмещающим в себе до 27189 вершков, т.-е. на 22% более; контора же медлила ввести его в действие, не желая укоренять крестьян в мысли о существовании какого-то штата. В это время один из писарей местной управы благочиния, списав с указа тайно копию, прочитал ее углепоставщику Дрягину, а тот разгласил его между остальными, назвав указ Горного Правления положением или штатом, утвержденным его величеством. Кроме того крестьянам сделалось известно, что мастеровые соседних Сергинских заводов испросили уже для себя с 1838 г. штатное казенное положение, по которому работы исполняются в меньшем размере, нежели в Ревдинском заводе, и получают провиант без вычета. Мастеровые этих заводов написали им просьбу о введении нового штата

снабдив выписками из положения для Сергинских заводов. К [illegible] штате присоединилось еще общее неудовольствие на отягощение [illegible] и на притеснение и жестокости куренных надзирателей и [illegible] служителей завода. Для поддержания духа непокорности зачинщики [illegible] своих сообщников, что войска стрелять будут только холостыми [illegible] и что к ним присоединятся по условленному набатному [illegible] мастеровые других цехов и рабочие Бисерского завода; сверх того [illegible] подметные письма, в которых призывали стоять твердо и [illegible] штата. Главными зачинщиками высказывалась даже мысль об обезоружении [illegible] команды.

Некоторые из мастеровых горного цеха действительно [illegible] оказать углежогам помощь и приглашали к тому других; [illegible] мастеровые коломенного и доменного цехов во время усмирения [illegible] запрещению, прибегали на площадь и разбежались лишь тогда [illegible] военная команда преследовала бунтовавших.

Независимо от произведенного комиссией следствия, жалоба [illegible] была рассмотрена Уральским Горным правлением, которое пришло к заключению, что работы, налагаемые [illegible] Ревдинском заводе на углежогов [illegible], превышают уроки не только казенных, но и [illegible] частных заводов. Другое важное обременение [illegible] подвергались углежоги на Ревдинском заводе, происходит от того, что рубка леса и выжог угля одним работником производится в двух и [illegible] местах на далеком одно от другого расстоянии и что они привлекаются еще к выполнению других работ сверх окладных—напр., сплаву [illegible] и т. п. Выжог угля из [illegible] леса, требующего против [illegible] более времени, был введен местным заводоуправлением без всякого разрешения, а крестьяне деревни Краснояра были обложены [illegible] из нарубленных дров. Хотя взамен того они освобождались от сплава [illegible] дров, но все же существующие на Ревдинском заводе по [illegible] работы превышают [illegible] в 1825 г., и потому Горное Правление нашло желательным допустить в них [illegible] облегчения.

По рассмотрении дела военный суд нашел, что право [illegible] распоряжения, предоставленное владельцу или его конторе ст. [illegible] Устава Горного, не было [illegible] Ревдинским заводоуправлением при [illegible] ими работ без [illegible] начальства. Находя его виновным [illegible] в обременении [illegible] работами и принимая в соображение, что [illegible] к возмущению их служила не одна тягость работ, но и [illegible] штата, будто бы изданного для Ревдинского завода, суд постановил [illegible] от ответственности [illegible] на него лишь расходы по [illegible] делу. Что касается [illegible] то по отношению к ним был [illegible] принят следующие меры:

1) 4 главных зачинщиков (Др[illegible]ина, Еремина, Бороздина и [illegible]рина) сослать в каторжную работу. 2) 25 крестьян [illegible] в возмущении, отдать в военную службу, а если окажутся неспособными [illegible] обратить в арестантские роты или сослать в Сибирь. 3) Из 270 подсудимых третьего и четвертого разряда десятого по жребию наказать [illegible] — первых по 50, а вторых по 30 ударов, с оставлением [illegible] жительства. 4) Куренного надзирателя Камаганцева, сместив с этого звания, впредь не допускать ни к какой должности, сопряженной с властью над другими. 5) Бывшего управляющего Ревдинским заводом унтер-шихтмейстера Криночкина, как уже прежде сего по подобному возмущению крестьян в 1826 г. удаленного в Богословский завод, перевести на службу в Нерчинский округ. 6) Отставного унтер-офицера Десятова выслать из Ревдинского завода с воспрещением въезда в какой бы то ни было [illegible]

или [illegible] Уральской горной области и отдачей под строгий надзор местной полиции. 7) Остальным около 250 чел. об'явить, что они освобождаются от заслуженного наказания только в силу высочайшего манифеста 16 апреля 1841 г.

Невольно бросается в глаза, что ни суд, ни высшая администрация не сочли нужным подвергнуть взысканию ни исправника за его ложные донесения о положении Ревдинских крестьян, ни исправляющего должность главного начальника горных заводов Порозова за его явную нераспорядительность. Ибо если бы он на месте выяснил историю со слухами о штате, то тогда, вероятно, не было бы и самого возмущения с таким огромным количеством человеческих жертв. Забота об охране прежде всего и во что бы то ни стало престижа власти поглощала все внимание органов государства, и эта характерная черта николаевского режима чрезвычайно ярко отразилась в деле о возмущении крестьян Ревдинского завода.

К. Пажитнов.

Сельская школа после крестьянской реформы.

(Окончание).

III [1]).

С семидесятых годов сельская школа начинает мало-по-малу становиться на твердую почву в отношении материальной стороны своего существования и приемов обучения. Земства от системы „поощрений“ и „наград“ учителям переходят на постоянную приплату содержания к суммам, отпускаемым учителям сельскими обществами. С этого же времени выдвигается губернскими земствами вопрос о выдаче крестьянам ссуд на постройку школ, (в 1873—1874 г.г. Курским, Черниговским, Московским; в 1875 — Псковским и Саратовским; в 1878 — Воронежским, Костромским и С.-Петербургским). Равным образом стали выдаваться безвозвратные пособия на хозяйственные надобности (отопление, освещение и проч.). Вместе с тем некоторые земства, в связи с ограниченностью своего бюджета, старались распространить тип удешевленной школы. И вот, в начале 70-х годов появляются проекты об учреждении „передвижных“ или „амбулаторных“ школ: на лучших учителей возлагается обязанность разъезжать по участкам. Некоторые земства даже учредили по 1—2 „передвижных“ школы на уезд, и находили, что опыт оказался удачным, но дальнейшие попытки в этом направлении были пресечены указом сената (1877 г.), что „по неимению закона, земства не могут учреждать собственною властью подвижных школ“ [2]).

Необходимо принять во внимание, что это происходило в 70-ые годы, отмеченные, с одной стороны, известным нечаевским процессом [3]), а с другой, ознаменовавшиеся распространением революционных идей среди крестьянства путем „хождения в народ“. Правительство, опасаясь „вредного“ влияния на народ со стороны учителей, непосредственно с крестьянами соприкасавшихся, и имея министром народного просвещения графа Д. Толстого, очень чутко и боязливо относилось ко всяким проявлениям общественного движения, выходящим из рамок обычно усвоенных форм общежития. В конце 1873 года был дан на имя Д. А. Толстого рескрипт, коим на дворянство возлагалось наблюдение за начальными народными учили

---

[1]) См. Архив истории труда в России, книга пятая.

[2]) В. Веселовский. История земства, т. I.

[3]) Нечаев с конца 60-х годов состоял вольнослушателем СПБ. университета и преподавателем приходского Сергиевского училища.

ами к ограждению народной школы от тлетворных и пагубных влияний" [1]. В связи с этим стоятся изменения в Положение о начальных народных училищах этого года в том смысле, что попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании возлагается на уездных и губернских предводителей дворянства, под председательством которых находятся уездные и губернские училищные советы. Заведывание учебною частью вверяется директору и инспекторам народных училищ [2], утверждаемым в должности попечителем учебного округа. Председатель училищного совета, равно как и инспектор, могут устранять неблагонадежных преподавателей и временно закрывать училища, причем окончательное упразднение училища и окончательное увольнение учителей зависит от усмотрения училищного совета, в состав коего был введен инспектор. Открытие начальных школ было оставлено за земством, городскими и сельскими обществами и частными лицами, с предварительного разрешения инспектора народных училищ и с согласия председателя уездного совета. При рассмотрении Государственным Советом этого Положения (высочайше утверждено 25 Мая 1874 г.) было сказано, что „министр народного просвещения, носящий и звание обер-прокурора святейшего синода, призванный, именно по должности совместной, на сем поприще действий светских и духовных властей, не преминет без сомнения выразить в предложениях своих, сколь желательно и необходимо для успеха дела, чтобы духовенство с неослабным усердием продолжало нести и углублять труды по исполнению обязанностей учителей и наставников народа, распространяя и утверждая в нем, вместе с грамотностью, ясное разумение божественных истин учения Христова с живым и деятельным чувством нравственного и гражданского долга" [3].

Надзор за сельскими школами, не в смысле улучшения педагогического ведения дела, а ради наблюдения за благонадежностью учителей и благонадежною постановкою школы, был усилен. Школы находились под четверным контролем: дирекции народных училищ, епархиального начальства, училищных советов и местной полиции. Но все эти органы ничего не делали для преуспеяния школы [4]. Однако в 70-ые годы особенно много бывало случаев, когда высшие правительственные органы министерства просвещения, инспектора училищ и полицейские чины, во всех их видах, особенно строго, в силу уже ранее указанных соображений, следили за учителями школ и за проявлениями общественного сочувствия и помощи делу начального образования.

Сельская школа, кроме лиц духовного звания, уже имела ряд учителей гражданского ведомства, достаточно подготовленных и с запросами по педагогической части, и они-то часто брались администрацией под подозрение. Так, начальник нижегородского губернского жандармского управления в 1872 г. доносил 3-му Отделению, что преподавателями в сельских школах состоят преимущественно или священники, или другие лица „духовной касты"; что же касается последних, т.-е., не священников, „то едва ли для должности народных школ они могут быть благонадежными при том современном направлении, которое сформировалось в семинариях и духовных училищах, так как теперь в этой касте существует опасение за усиление пролетариата... Для точного надзора за народными училищами недостаточно тех мер, которые указаны в законе, потому что надзор

1) Архив госуд. совета, департамент госуд. экономии, 1874 г., дело № 35.
2) Институт инспекторов нар. училищ был введен еще в 1869 году.
3) Арх. госуд. совета, указанное дело.
4) С. Рачинский. Заметки о сельских школах, 1883 г.

этот будет всегда слаб. Нечаевское дело выяснило, какую надежду его последователи возлагали в народном образовании на своих агентов"[1].

Частные примеры свидетельствуют, что „вредное направление" учителей понималось разнообразно. Уволили учителя арифметики и геометрии потому, что „вместо преподавания своего предмета внушал ученикам опровержение истин Православной веры"; других — потому, что были признаны неспособными к педагогической деятельности „по своим вредным убеждениям и образу действий"; одного уволили за то, что „во время возвращения крестного хода с Иордани, став на возвышенном месте большой улицы и облокотясь на перила, все время не снимал с головы своей шляпы, рисовался своим неуважением к святыне"[2]; был случай когда учителя не допустили к преподаванию „в силу обнаружившегося" направления к нигилизму, выражающемуся в несочувствии к установленному порядку вообще и вообще в религиозном отношении выказывает себя атеистом". В 1870 году многие учителя по Тверской губернии были арестованы, так как они „распространяли какие-то брошюры". На бумаге по этому делу находится карандашная заметка: „есть особая переписка в деле Нечаева"[3].

Инспектора особенно проявляли себя по части наблюдения за благонадежностью учителей, а не за педагогическою их деятельностью. Так, обревизовав училище в селе Никольском Городище, Тверского уезда, инспектор доносит что один из учителей „очень подозрительный молодой человек, очень развитой, с крайне несимпатичною физиономией"; в училище „не обращается внимания ни на религию, ни на нравственность, а только на развитие, что составляет известный признак нигилистического направления"; и вот, в результате, упомянутый учитель был устранен от должности[4].

По правилам 1875 г., временные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных училищ имели целью ознакомление мало подготовленных учителей и учительниц с лучшими способами обучения, а также обновление и пополнение их сведений в преподаваемых ими предметах, причем земство лишь возбуждало ходатайство об открытии курсов, но никакого участия в ведении дела на курсах не могло принимать. Занятия на курсах должны были быть направлены к тому, чтобы внушить слушателям убеждение в важном значении правильно организованной школы, как учреждения, посредством которого сообщаются детям народа не только первоначальные полезные знания, но и религиозно-нравственное воспитание[5]. Но земство не могло стоять на такой узкой точке зрения, и с 70-х годов начало время от времени приглашать учителей сельских школ и „специалистов" по народному образованию для совместного обсуждения школьных вопросов, а Осташковское, Тверской губернии, учредило при Управе постоянный Попечительный Совет о начальных народных училищах. Однако, эти начинания земства были пресечены правительством. Некоторые земства, как, например, Тверское, Уржумское, Вятской губернии, смотрели на педагогические курсы не как на учебные курсы, а как на публичные собрания учителей и специалистов по народному образованию, могущие ознакомить общество с ходом народного образования. Конечно, далеко не все земства смотрели на учительские собра-

[1] Архив [illegible] № 51.
[2] Дело 3 Отд. № 15, 1872 года.
[3] Дело 3 Отд. № 15, 1870 года.
[4] Дело 3 Отд. № 19, 1871 г.
[5] Дело 3 Отд. № 113, 1870 г. [illegible] сделано [illegible] этого [illegible]

ния, как на обычные с'езды. Некоторые стояли на точке зрения правительственной. Правительство же отвергало подобные с'езды, спасаясь, что они, при низком уровне учителей, могут сопровождаться „вредными последствиями как в педагогическом, так и в политическом отношениях". И другие начинания общественной самодеятельности также не находили поддержки среди представителей власти. Во время педагогических курсов учителей в Херсонской губернии (1875 г.) был выработан проект правил кассы взаимопомощи на случай оставления учительской деятельности, болезни и проч. Несмотря на то, что „содержание устава, как доносил 3 отделению начальник губернского жандармского управления, оказалось чисто экономического характера, причем в число почетных членов этого общества проект предлагал включить попечителя учебного округа, губернатора, директора народных училищ и председателя земской управы, руководитель курсов, преподаватель русской словесности Гарусов, по враждебности к учителям, об'яснил занятия их по выработке устава какой-то тайной политической целью и представил в желаемом виде попечителю округа". В результате устав не был утвержден, а тридцать человек учителей, по доносу Гарусова, были уволены.

IV.

Министерство просвещения под управлением Толстого своим недоверчивым и недружелюбным отношением к обществу тормозило развитие начального народного образования. Стремления земств, взявшихся за устроение сельской школы, охлаждались разными внешними стеснительными условиями. „Через десять лет после основания народной школы, — говорит редакционная комиссия Тульского губернского собрания сессии 1880 г. — она была заподозрена в стремлениях или небывалых, или преувеличенных, и во всяком случае, ложно понятых. С 1874 года началось иное, чем прежде, отношение министра народного просвещения к народной школе. Чем бы ни мотивировалось такое отношение, но несомненно, что оно принесло вред делу. Живая сторона его была убита, в земские школы был внесен формализм; самодеятельность земства была стеснена. Плоды такого отношения сказались скоро. Понятно, что земство не могло отказаться от дела, которое оно излюбило, в будущность которого оно верило. Оно стало на его защиту. Образовалось недружелюбное отношение правительственных и земских органов и, вместо того, чтобы идти рука об руку, эти две силы убивали свою энергию на взаимные пререкания".

Некоторые земства охладели к делу. „В последние годы, — свидетельствует комиссия Черниговского губернского земского собрания сессии 1881 года, — деятельность земства и частных лиц, за весьма немногими исключениями, не только приостановилась, но даже есть примеры сокращения окладов, ассигнуемых земством на народное образование".

Со вступлением Сабурова в министерство просвещения дело обещало измениться к лучшему; новый министр заявил, что дело народного образования он считает „по преимуществу земским", что „отныне всякие недоразумения между лицами, заведующими администрацией школы, и обществом не будут более существовать", что „только в единении земства и правительства заключается надежный залог преуспеяния народного образования". Заменивший его полгода спустя барон Николаи охотно пошел навстречу земских пожеланий об изменении порядка надзора и заведывания сельскими школами в смысле предоставления больших прав общественным ор-

ганам [13]). Но через год его заменил Делянов, не говоривший хороших слов и предоставивший дело народного образования обычному течению.

80-ые годы, вообще, не были годами, благоприятными для проявления общественной самодеятельности, и земская сельская школа поневоле очень мало забот видела в то время со стороны земства, а между тем она встретила сильно поддерживаемого правительством конкурента в лице церковно-приходских школ и школ грамотности.

Некоторые земства продолжали давать приплаты к жалованью учителям, а „стоило нескольким земствам повысить оклад жалованья, как туда начинали уходить учителя с более высоким цензом, и, таким образом, отсталые соседние уезды должны были повышать оклады жалованья" [14]). Земства принимали участие и в вознаграждении законоучителей. Сталкиваясь с фактом небрежного отношения последних к своим обязанностям, они ходатайствовали, чтобы преподавать Закон Божий было разрешено не только священникам и особым законоучителям, но и учителям сельских школ вообще. Но такие ходатайства отклонялись. Причины понятны. Еще с апреля 1881 года в правительственных сферах возбужден был вопрос об усилении влияния духовенства на народное образование, и в первой половине 80-х годов появились церковно-приходские школы, а затем с 1891 года и школы грамоты—их филиальные отделения. „Начиная с 1882 года правительство усиленно покровительствует этим школам; им ассигнуется все большая и большая сумма из казны; правительство стремилось сделать церковные школы орудием своей реакционной политики предоставлением, как сказано в отчете обер-прокурора св. синода за 1886 год, православному духовенству руководящего влияния" [15]).

Школы грамоты, рассеянные по небольшим деревням, с небольшим количеством учеников, от 10 до 15, находились под руководством и наблюдением священников. Учителями в них были или лучшие ученики земских школ, или все тот же дореформенный состав—„безграмотные начетчики и отставные солдаты".

Имеется, однако, пример, когда школы грамотности получили более правильную организацию, вызвали поддержку со стороны земства и постепенно обратились в хорошо устроенные земские школы. А. Штевен, пользовавшаяся первоначально ограниченными средствами, своим уменьем и добрым влиянием на крестьян, достигла того, что в течение 1890—1893 г.г. открыла 31 школу в Арзамасском уезде, Нижегородской губернии. Руковод мальчиками-учителями, своими бывшими учениками, она вызвала сочувствие общественных кругов, и из школы грамотности примитивного типа школы старого времени, сделала хорошую школу настоящей грамотности. На основании своего опыта Штевен печатно высказалась за необходимость, чтобы школы грамотности находились в тесной связи с нормальными земскими школами, состоя под надзором земских учителей; чтобы учителями школ грамоты были ученики нормальных земских школ, получившие особую подготовку, чтобы школы грамотности находились в заведывании земств. Последнее пожелание повлекло за собою определение Нижегородского епархиального училищного совета (1895 г.), которым Штевен был пред'явлен ряд обвинений: самостоятельное, без ведома священников, открытие школ, назначение учителей без соображения об их религиозно-нравственном направлении и политической благонадежности, предпочтение для внеклассного чтения книг Льва Толстого и Баранова и, главное

13) Скалон. По земским вопросам. В переходное время 1880 1882 (1905).
14) Б. Веселовский. История земства, т. I.
15) Там же.

что она являлась „не поборницей церковной школы, а агитатором против нее". Поэтому было решено воспретить Штевен всякую деятельность по открытию и организации школ грамоты [16]).

В 1884 году были введены в действие правила для церковно-приходских школ, а в 1891 году открыты школы грамоты. Но уже с 1887 года стала назревать мысль о подчинении всех сельских школ — и земских, и церковно-приходских, и школ грамоты — одному ведомству и, повидимому, духовному ведомству. Однако, с одной стороны, разноречия по этому вопросу между обер-прокурором синода и министром просвещения, а с другой, под'ем общественного настроения с начала 90-х годов и, в особенности, к половине их не дали осуществиться мысли о единстве ведомственного управления: в 1897 г. государственный совет признал, что дело начального народного образования представляет такие обширные и важные задачи, достижение которых не может быть посильно для одного какого-либо сословия, учреждения и ведомства [17]).

V.

С 90-х годов, и особенно к концу их, сельская школа была двух типов: церковно-приходская, поддерживаемая правительством, выдававшим ей ассигновки из государственного казначейства, и земско-общественная, получившая развитие с этого времени, не взирая на фиксацию земского обложения (12 июня 1900 г.).

Губернские управы большинства губерний считали одной из главных и ближайшей своей целью содействовать установлению более тесного взаимоотношения всех уездных земств губернии и обеспечить необходимую планомерность. Одною из главных задач было развитие и правильная организация начального народного образования. Земства уже не ограничиваются прежними наградами и приплатами к учительскому содержанию, а содержание учителей берут на себя, сначала с приплатами от сельских обществ, а затем всецело, чем ставят в более правильные отношения учителя к сельскому обществу, уже не смотревшему на него, как на наемника своего, как бы от него зависимого. Ремонты школ и постройки новых делаются на средства земств, причем губернские земства охотно помогают уездным, более малоимущим и не располагающим средствами. Далее, сельская школа не могла уже довольствоваться мало подготовленными учителями и с этой целью принимаются заботы о подборе образованных учителей и учительниц, об их подготовке, пополнении их педагогическими сведениями и введением их в круг земского общества, в виде „третьего элемента". Школа снабжается книгами, пособиями и общество озабочено принятием мер к обеспечению ее педагогическими средствами. Конечно, идя в указанном направлении, земские и общественные деятели лишь постепенно улучшали дело народного образования по неимению материальных средств и по разным причинам, коренившимся вне сферы их деятельности.

Не открывая сами учительских семинарий, земства стали оказывать пособия правительственным семинариям и частным школам, содержали стипендиатов в казенных семинариях, оказывали пособие на содержание педагогических классов женских гимназий. Выдвинутые еще в 70-х годах

---

16) Штевен. Из записок сельской учительницы (1895).

17) Назарьевский. Историч. очерк законодат. по начальн. образов. в России (Ж. М. Нар. Просв., март 1905 г.).

курсы педагогического характера и с'езды для учителей начинают снова входить в силу с 1897 года. Число их постоянно увеличивалось до 1902 г., а с этого времени начало уменьшаться, что об'ясняется политикою м-ра внутренних дел Сипягина, направленной к умалению прав и компетенции земских учреждений, и враждебно относившегося к земствам Плеве, видевшего в „третьем элементе"—школьных учителях и других—разрушение существующего строя [18]). Начиная с конца 90-х годов земства стремятся придать этим курсам не узко-педагогический характер, делают попытки ввести на них преподавание психологии, мироведения, гигиены и т. д. [19]). Некоторые земства, чтобы работа земских служащих, людей специальных знаний, была плодотворнее, организовали училищные советы при управах, в которые для совещания приглашались и народные учителя [20]).

Министерство внутренних дел, дав некоторую льготу по устройству курсов в самом начале восьмидесятых годов, начиная с 1884 года, стало подозрительно смотреть на всякие единения учителей: „не сомневаясь в полезности с'ездов и курсов", оно признавало их „неудобными в отношении политическом", а потому установился порядок разрешения с'ездов и курсов по предварительном сношении министра народного просвещения с департаментом полиции, причем министерство народного просвещения должно было доставлять в департамент полиции именной список учителей, участников курсов. По списку этому департамент наводил справки о политической благонадежности каждого из учителей и затем посылал ответ в министерство просвещения, делая иногда добавления такого характера: „не встречая препятствий к открытию курсов, долгом считаю присовокупить, что во главе Петровского земства, Саратовской губернии, стоят местные землевладельцы братья Ермолаевы—лица неблагонадежные в политическом отношении" [21]).

В дальнейшем правительство старалось ограничить программу курсов пределами специально педагогических знаний, „ибо всякие умствования по психологическим и педагогическим вопросам только приучают участников курсов к незрелому и неосновательному суждению и внушают им сомнение, не совместное с скромным положением учителя начальной школы". С'езды учителей происходят непублично и исключительно по вопросам, „не выходящим из круга ведения учителей, как преподавателей, воспитателей и распорядителей": вопросы программы подвергаются обсуждению, но „голосования мнениям не бывает и никаких постановлений с'езд не делает". [22]). Тем не менее, благодаря деятельности земств, с девяностых годов постепенно стал вырабатываться настоящий школьный народный учитель, положивший начало для преуспеяния сельской школы.

Обратив внимание на вознаграждение учителя, земства перешли к выдаче постоянного им содержания. Мало того, случалось, что губернское земство устанавливало нормальный учительский оклад по всей губернии, предупреждая этим переход учителей из одного уезда в другой в целях получения повышенного вознаграждения.

По Тверской губернии за 1903-1904 учебный год основные оклады учительского жалованья были установлены в 240 рублей, в трех уездах от 210 до 222 рублей и в трех —250, 260 и 280 рублей. При этом делались прибавки через разные промежутки времени в размере от 20 до

18) Шипов. Воспоминания и думы о пережитом, стр. 13[illegible].

19) Веселовский. История земства.

20) Шипов. Думы и воспоминания.

21) Архив департамента полиции, 3 дел., № 531 1884.

22) А. С. Пругавин. Законы и справочные сведения по народному образованию (1904), стр. 578, [illegible]

35 рублей. Высшие оклады от 400 до 420 рублей. Благодаря этому разнообразию, об'ясняемому усмотрением местных земских деятелей, учащие в естественной погоне за лучшими условиями службы часто бросали места и переходили на другие даже в учебное время. В большинстве случаев учащие в школах Тверской губернии пользовались квартирами при школах, при отсутствии же квартир получали квартирные деньги от 24 до 40 руб. в год. Во всех начальных училищах Тверской губернии, не считая школ грамоты, было в указанный период учащих, кроме законоучителей, 2.[illegible]1. По образованию они распределялись так: окончившие курс в учительских институтах и семинариях—62%; окончившие в духовных семинариях—28%; со свидетельствами на учительское звание—10%. Учительницы: получившие специальное образование—31%; из гимназий и институтов—25%; из епархиальных училищ—25%; со свидетельствами на учительское звание—19%. Следовательно, 90% учителей и 81% учительниц имели достаточный образовательный ценз. Но Тверская губерния не имела кадра учителей, сжившегося с населением и тесно с ним связанного, что отражалось на успехах школьного дела даже и при высоком образовательном цензе учителей [23]).

К 1902 г. в земских училищах Московской губ. было 326 учителей и 781 учительница; из них крестьянского сословия: 104 мужчин, 65 женщин; духовного звания 97 мужчин и 335 женщин; на остальные сословия падает по 10, 15, 25 человек. Среди них было: неокончивших полного университетского курса 2, с средним образованием—мужчин 12% и женщин 51%. Отметим, что практика московского земства доказала бо́льшую пригодность учительниц в низших школах сравнительно с учителями [24]).

Вятское земство, являвшееся по своему составу преимущественно „крестьянским", располагало большею свободою в выборе учителей, так как инспектор народных училищ содержался там на средства земства и таким образом был зависим и от него. Бывали случаи, что земская управа (Уржумский уезд) назначала народных учителей без всякого участия инспекции и это не вызывало на практике сколько-нибудь крупных пререканий [25]).

Было бы излишне останавливаться на обзоре деятельности других земств, так как и из приведенных сведений можно заключить, что школа к указанному периоду уже не знала в числе учителей отставных солдат, волостных писарей и всякого случайного элемента, что уже выработался взгляд на школьного учителя как на специально подготовленного работника на почве просвещения и воспитания народа, что в общем сельская школа была взята под покровительство общественных деятелей, что она уже не случайно поддерживалась земством, а составляла одну из существенных сторон общественно-земской деятельности.

На примере одного земства мы скажем об общем состоянии школьного дела в земских губерниях. Остановимся на Вятской.

Вятская губерния занимала первое место в ряду земских губерний, как по сумме расходов земства на народное образование, так и по процентному отношению к общему бюджету, и уступала только одной Московской губернии по цифре расхода на этот предмет. В первое же пятилетие после введения земских учреждений, школьное дело в Вятской губернии стало быстро рости: в 1868 г. было 284 школы, 8.648 учащихся с расхо-

[23]) Обзор начального образования по Тверской губ., составленный Д. Исаковым.

[24]) Акимов. Земская деятельность по народ. образованию в Москов. губ. (Журнал Мин. Нар. Просвещения, 1907 г., май).

[25]) Акимов. Деятельность Вятского земства по народ. образов. (Журнал Мин. Нар. Просв., 1907 г., декабрь).

дом в 108 тыс. рублей; в 1872 году 390 школ, 18.367 учащихся при расходе в 198 тыс. рублей. После 1874 года рост школ замедлился, что зависело и от внешних причин, о которых выше было сказано, и от недостатка средств у земства, развивавшего параллельно и другие отрасли своей деятельности (в 1895 году было 492 школы с 43.195 учащимися при расходе в 577 тыс. рублей). Это обстоятельство в связи с быстрым ростом числа учащихся обратило на себя внимание губернского земства, и в ближайшие годы открывались новые школы: в 1903 году было 1093 школы с 85.357 учащимися. Отметим, что в 1903 году на содержание начальных народных училищ губернии, подведомственных министру народного просвещения, израсходовано было: из сумм государственного казначейства 92 тысячи рублей, от земств 954 тысячи рублей, от городских обществ 18 тыс. рублей, сельских — 10 тыс. руб. Эти цифры подтверждают, что сельская школа уже стала общественно-земскою и что сельские общества участвовали в содержании ее постольку, поскольку они пополняли земский бюджет, как плательщики налога: непосредственные же приплаты от них выражались в небольшой сумме.

В общем к 1901 году всеми губернскими земствами было назначено на народное образование 3.096 т. р., а уездными 13.828 т. р. А школ было в 1877 г.—около 10 тысяч (по некоторым губерниям статистических сведений не было): в 1894 г. — 13.146; в 1898 г. — 16.411; в 1903 году — около 18.700.

Относительно обеспечения населения земскими школами в 1898 году имеются такие сведения. Менее всего населения—до 2 тыс. душ на одну школу—приходилось в уездах губерний: Московской, Тверской, Олонецкой, Владимирской и С.-Петербургской (в Олонецкой такое соотношение объясняется не большим количеством школ, а чрезвычайною редкостью населения); 2—3 тыс. жителей на школу (их 88) во многих уездах губерний Пермской, Вятской, Смоленской, Черниговской, Таврической и Полтавской, а также в смежных уездах губерний Самарской и Симбирской, Курской, Воронежской и Харьковской, Ярославской и Тверской и т. д. Самым плохим обеспечением школами 3 и более тыс. жителей отличались уезды по окраинам на востоке и западе.

Мы видим, таким образом, что с начала освобождения крестьян до 1905 года сельская школа далеко не представляла единообразного учреждения.

Школа подвергалась развитию, изменению, упадку и усовершенствованию под влиянием различных факторов: экономического, политического и бытового.

Непосредственно за освобождением крестьян сельская школа ничем не отличалась от школы дореформенной. Приблизительно с 66—67 годов в жизни ее начинается новая эпоха. Общественная сила—в лице земства—принимает участие в ее судьбе. Правда, сначала участие общественных учреждений получает слабое выражение, в зависимости от экономической стороны жизни их—малых и ограниченных средств, а также общественно-бытовых—недостаточно усвоенные точки зрения на свое призвание и назначение в деле народного образования. Но постепенно общество становится настолько большою силою, что берет на себя почти все заботы о сельских школах.

В семидесятых годах, под влиянием политических соображений,

правительство стало подозрительно относиться к деятельности земств в деле образования и препятствовало планомерной подготовке учителей, их корпоративному единению и проч. В начале 80-х годов была пора, сравнительно благоприятная для школы, но с 1885 года, благодаря общей реакционной правительственной политике, школа переживала период увядания. С начала 90-х годов общественное движение, оживившееся под влиянием голода, холерного бунта, проявилось между прочим в заботах об образовании народа. В этот период, а особенно со второй половины 90-х годов сельская школа стала на путь правильного и постепенного развития, при дружной работе земства и поддержке со стороны общества и прежде всего самих крестьян, которые уже стали доверять школе.

В. Колпенский

К стачечному движению на юге России в 1903 году [1]).

II. КИЕВ.

В Киеве рабочие железнодорожных мастерских, придя 21 июля в обычное время на работу, не приступили к ней. Собравшись во дворе мастерских, они пред'явили начальнику юго-западных жел. дорог Немешаеву между прочим следующие требования, формулированные в распространявшейся среди них прокламации местного комитета Росс. Соц. - Демокр. Рабочей Партии [2]):

Восьмичасовой рабочий день; увеличение расценки на 40—50% (вывесить расценку на видном месте); полная поденная плата за табельные дни; выдача полной поденной платы во время болезни; прибавка жалованья четыре раза в год всем рабочим; увеличение жалованья молотобойцам до 1 рубля; наименьший оклад жалованья взрослому рабочему после сдачи пробы 1 руб. 20 к.; вежливое обращение; удаление помощника заведующего вагонным цехом и трех мастеров; устройство вентиляции и др.

Немешаев заявил, что не признает требований прокламации, но выслушал разнообразные словесные просьбы рабочих и обещал, обсудив их, о своем решении оповестить рабочих в тот же день путем письменного об'явления. В последнем, действительно вывешенном в тот же день, было сообщено следующее: решено подробно пересмотреть расценки сдельных работ по всем цехам и сделать в них необходимые изменения; повышать поденную плату наиболее заслуживающим, пересматривая списки рабочих не два, а четыре раза в год; во все табельные дни назначать на работы в мастерских наравне с буднями днями только желающих работать; прекращать работы в четверг, пятницу и субботу страстной недели, первые три дня Пасхи, в сочельник и первые три дня Рождества; назначать вечерние работы в мастерских целыми цехами лишь с разрешения начальника дорог; вывешивать во всех цехах тарифы цен сдельных работ для сведения рабочих; издать особый приказ о вежливом обращении с рабочими; тщательно обсуждать вопросы о прибавке платы, взысканиях и увольнении от службы; по жалобам мастеровых на некоторых служащих предложено начальнику службы назначить тщательное расследование и результаты такового доложить начальнику дорог; требования уменьшения продолжительности рабочего дня, повышения вознаграждения рабочих за

---

1) Ср. „Архив истории труда в России", кн. 5, ч. II, стр. 23—27.

2) Архив б. департамента полиции, Особый Отдел, № 4, часть 14. лит. Д.—1898 г.: „О волнениях и стачках среди рабочих по Киевской губернии. Беспорядки рабочих в г. Киеве". 5 ч. 13 л. Д., том 2—1898 г.: „Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний по Киевской губ.". „Искра", 1903 г. № 47. „Революционная Россия", 1903 г., №№ 29, 30, 31.

время болезни и выдачи проездных билетов по чужим дорогам, будут представлены на усмотрение высшего начальства.

В заключение предлагалось рабочим: приступить к работам, „так как те из них, кои не приступят к работам с 23 июля, будут считаться не желающими подчиниться моему решению“; впредь „не прибегать к убыточным для себя и для казны прекращениям работ, а передавать свои заявления письменно или устно начальнику мастерских через своих уполномоченных“.

Но рабочие не удовлетворились обещанными им уступками, к которым относились с явным недоверием, а продолжали настаивать на прежних требованиях. По распоряжению губернатора, мастерские были окружены войсками, в целях недопущения посторонних лиц.

В тот же день забастовали рабочие Южно-Русского машиностроительного завода. Они пред'явили администрации требования, однородные с требованиями ж.-д. рабочих.

На следующий день, 22-го июля, к забастовке присоединились рабочие большинства заводов, фабрик и типографий. Число бастующих достигло 4.000. По официальным данным, „забастовавшие рабочие ходили группами и в отдельности по другим промышленным и фабричным заведениям, всюду подстрекая к прекращению работ, путем угроз, убеждений и даже насильственных действий“. Требования рабочих механических заводов сводились к 8-часовому рабочему дню, увеличению заработной платы на 50 проц. и установлению определенных расценок на сдельные работы.

Вечером полицией была застигнута на берегу Днепра рабочая сходка, в числе около 700 чел. Было задержано до 70 человек.

День 23-го июля ознаменовался кровавым столкновением рабочих с войсками. Несмотря на угрозу ж.-д. начальства закрыть мастерские и уволить рабочих, если они не станут на работу до 12 часов, рабочие продолжали бастовать. После обеда рабочие в количестве 1.000—1.500 чел. расположились на путях с целью прекратить движение поездов [4]). К ним присоединились рабочие соседних заводов. Прибывший вице-губернатор, после безуспешных увещеваний, приказал вызванным войскам действовать оружием. Раздались два залпа. В результате, по официальным данным, оказалось 3 убитых и 27 раненых.

Между тем забастовка все ширилась. В следующие дни забастовали трамвай, хлебопекарни, мастерские пароходных обществ, почти все крупные и мелкие фабрики, телеграф юго-западных железных дорог.

Некоторые газеты выходили в половинном размере. Водопровод и электрическая станция охранялись войсками. Местами стачка носила неорганизованный и стихийный характер. По словам „Революционной России“ „многие служащие на трамваях совсем не знали о том, когда забастовка началась; по этой же причине не все бросили работу одновременно... Когда кондуктора и примкнули к стачке, то все-таки не знали, чего они собственно требуют“. Кроме того, по словам той же газеты, „всюду чувствуется у толпы отсутствие инициативы и недостаток в вожаках, которые бы направили поднявшийся народ по нужному пути“.

Все время происходили столкновения бастовавших рабочих с полицией и войсками. Собравшихся на улицах рабочих разгоняли, многих обыскивали и арестовывали. 25-го произошла вновь стрельба в толпу ра-

[4]) По сообщению „Рев. России“, в ночь с 21-го на 22-е были арестованы представители рабочих, вступившие в переговоры с Немешаевым; это и повело к подобному протесту рабочих.

бочих, собравшуюся на пристани, причем было несколько убитых и раненых.

Стремясь использовать накопившееся у рабочих недовольство, местные революционные организации решили устроить 27-го июля мирную демонстрацию протеста против насилий и расстрелов. Но таковая не удалась, в виду принятых мер своевременно осведомленной полицией. Произошли новые аресты.

Между тем забастовка пошла на убыль. Того же 27-го июля возобновилось трамвайное движение. По словам „Революционной России" требования кондукторов сводились к следующему: кондуктора делились на три разряда: 1-го разряда получали 1 р. 50 к., 2-го разряда—1 р. 20 к., 3-го разряда—80 к. Администрация не исполняла правил, по которым каждый кондуктор, прослуживший два года, переводился в высший разряд. Кондуктора и требовали исполнения этих правил и повышения платы на 30 коп. Последнего требовали также кондуктора 1-го разряда и вагоновожатые. Когда администрация обещала исполнять правила о переводе в высший разряд и повышение заработной платы на 10 коп., трамвайные служащие стали на работу.

Мало-по-малу возобновились работы на фабриках и заводах. Дольше всех держались рабочие железно-дорожных мастерских. Но 1-го августа и они стали на работу, не добившись никаких уступок.

Конкретные результаты стачки, согласно прокламации социал-демократического комитета от 5-го августа, выразились в следующем: типографщики добились 8-час. рабочего дня, увеличения заработной платы и половинного жалованья за первый месяц болезни. Рабочим арсенала обещан 8-час. рабочий день и увеличение платы. На дрожжевом заводе Чоколова введен 8-час. раб. день. Булочники добились исполнения всех их требований [4]. Телеграфистам прибавили по 5 руб. в месяц.

По постановлению киевского генерал - губернатора от 13 августа, 188 участников беспорядков были подвергнуты, „независимо той ответственности, которой они могут подлежать в общем порядке", аресту от трех недель до трех месяцев.

III. ЕКАТЕРИНОСЛАВ [5].

Слухи о южных забастовках стали волновать рабочее население Екатеринослава, начиная с двадцатых чисел июля. Революционные организации, учтя настроение рабочих, начали агитацию за устройство всеобщей забастовки, путем устройства ряда сходок и издания прокламаций.

В прокламации Екатеринославского комитета партии социалистов-революционеров от 1-го августа „Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава" были выставлены следующие требования: восьмичасовой рабочий день; увеличение заработной платы; отмена штрафов; страхование

---

[4]) Они изложены в прокламации того же комитета от 25-го июля: улучшение условий трудной (?) жизни и помещений для мастерских, лучшая пища и устройство везде вентиляции; введение трех смен, работающих по 8 час. в сутки; увеличение заработной платы на 50 проц.; вежливое обращение; уплата 2 раза в месяц.

[5]) Архив б. департамента полиции. Особый Отдел, № 4, часть 18, лит. Д.—1898 г.: „О волнениях и стачках среди рабочих. По Екатеринославской губ. Беспорядки в городе Екатеринославе". —„Искра" №№ 47. 48. —„Революционная Россия". №№ 31. 33.

рабочих на случай старости, смерти, неспособности к труду; полная рабочая плата за время болезни; улучшение гигиенических условий работы; отмена обысков при выходе с работ; увольнение некоторых мастеров и управляющих. Кроме того были выставлены *политические* требования.

В прокламации комитета социал-демократической партии „К Екатеринославским ремесленникам" высказывались следующие требования: восьмичасовой рабочий день, а для подростков моложе 15 лет— шести часовой; повышение заработной платы; прекращение работы накануне праздников в 2 часа дня; сокращение срока выучки учеников; улучшение гигиенических условий труда; выдача денег в определенный срок не менее двух раз в месяц; замена хозяйской квартиры и пищи соответствующим повышением заработной платы.

Было решено начать забастовку 4-го августа, но накануне она была отложена до 7-го. Тем не менее, 5-го августа забастовали булочники, но не встретив поддержки, на следующий день стали на работу. Несколько десятков человек из них было арестовано.

7-го августа стачка возобновилась. В 8 час. утра рабочие железнодорожных мастерских, после условного сигнала, бросили работу и высыпали на двор, уже окруженный войсками. Явившимся начальнику мастерских и губернатору рабочие пред'явили требования, изложенные в прокламациях. Начальство стало безуспешно убеждать рабочих приступить к работе. Выбравшись на улицу (куда войска их долго не выпускали), толпа рабочих направилась к соседним заводам: Брянскому, трубопрокатному и гвоздильным. Рабочие всюду присоединились, и число бастующих достигло, по официальным данным, 9,000 чел. Часть из них собралась на Брянской площади. Стоявшие здесь войска начали разгонять толпу, которая защищалась камнями. Кончилось тем, что в толпу было дано два залпа: на месте осталось, по официальным данным, 8 убитых и 15 раненых, из которых 2 вскоре умерли. После стрельбы толпа рассеялась.

В тот же день забастовали типографские рабочие, столяры, кузнецы; обессиленные булочники не могли вторично забастовать.

Утром 8-го августа, рабочие стали стекаться на Чечелевскую площадь,—место, назначенное накануне для собрания. Несмотря на присутствие войска и увещевания полицеймейстера, собрание состоялось при довольно многочисленной толпе. Выступавшие ораторы обрисовывали тяжелое положение рабочих, говорили о стачке, как форме экономической и политической борьбы. Собрание кончилось призывом итти в город и остановить работы на всех фабриках и заводах. Толпа направилась в город. По дороге она сильно возросла. Достигнув трамвайного депо, рабочие остановили машину, прекратив, таким образом, трамвайное движение по всему городу. Но вскоре они оказались окруженными со всех сторон полицией и войсками. После столкновения толпа рассеялась. Трамвайное движение возобновилось в тот же день.

9-го августа к забастовке присоединились, под давлением бастовавших раньше, рабочие вагоностроительных мастерских в Амур-Нижне-Днепровске (поселок, на противоположном берегу Днепра). В этот день число бастующих, по официальным данным, достигло 15,000 чел.; в разных местах города происходили рабочие собрания, на которых снова выступали руководившие движением ораторы. Этот день был апогеем стачки.

10-го августа было вывешено об'явление губернатора, предлагающее на завтра возобновить работу. Но рабочие собрания продолжались, хотя, по словам „Искры", „был заметен перелом в настроении рабочих. Чувствовалось угнетенное состояние духа". Согласно донесению Екатеринославского губернатора, в предместье Чечелевке полицией и казаками была настигнута толпа около 500 чел. Было задержано 52 человека. В тот же

день, по сообщению „Искры“, состоялось собрание на Амуре, куда собралось до 5,000 чел. Вызванному исправнику были пред'явлены формулированные оратором требования, из которых главные; восьми-часовой рабочий день; увеличение заработной платы; уничтожение ночных работ; уничтожение сверхурочных работ; запрещение принимать на работу детей до 16-ти летнего возраста; выборная рабочими фабричная инспекция; разрешение кассы взаимопомощи рабочих без малейшего вмешательства в дела ее хозяев и правительства; свобода собраний рабочих для обсуждения своих нужд; организация больницы, бесплатного лечения на дому, библиотеки, училища, бани, улучшение мастерских в санитарном отношении; пожизненная пенсия старикам; выдача заработной платы во время болезни и пр. Затем требовали освобождения товарищей, арестованных за стачку, и приема на казенные и частные заводы рабочих без различия национальностей. Исправник записал все требования, обещал представить их на рассмотрение заводского начальства и губернатора, и предложил рабочим завтра выйти на работу. Но рабочие ответили, что выйдут на работу, когда требования будут подписаны и вывешены в мастерской.

Однако, 11-го августа почти все заводы, за исключением Амур-Нижнеднепровска, стали на работу, не пред'явив никаких требований. „В виду того, доносит губернатор, что не оставалось ни малейшего сомнения в том, что все происшедшие на заводах забастовки и беспорядки не имели для себя никаких серьезных оснований и что вся эта вспыхнувшая с поразительной быстротой демонстрация была оборудована преступными агитаторами, учинявшими беспорядки исключительно для их политических целей,—а также в виду вполне подтвердившихся заявлений рабочих о насильственном воздействии на них злонамеренных людей, - мною, для полного обеспечения свободного прохода рабочих на заводы, было сделано распоряжение о том, чтобы с 11 на 12-е число, с вечера, все заводы и все районы, заселенные рабочими, были заняты войсками“.

Того же числа было вывешено об'явление губернатора, назначавшее 13 августа последним сроком явки на работу и угрожавшее, что „все рабочие, которые не явятся к этому сроку на работу, получат расчет и будут высланы из города“.

Угроза подействовала: к назначенному сроку везде возобновились работы при полном количестве рабочих.

В связи с забастовкой было арестовано 363 человека.

И. Бендер.

■ ■ ■ ■

■

Статистика забастовок за январь 1917 г.

Без общего, хотя бы приблизительно верного, статистического итога забастовочного движения за месяцы, предшествовавшие февральской революции 1917 г., приступить к оценке и об'яснению развернувшихся тогда событий невозможно. Быстрый и широкий размах революции, те формы, какие она приняла — все это в значительной степени обуславливается постепенным нарастанием забастовочной волны в предреволюционные месяцы.

Ниже приводится сводка, составленная в департаменте полиции накануне его упразднения. Сводка в подлиннике озаглавлена: „Сведения о забастовочном движении на фабрично-заводских предприятиях империи, обслуживающих нужды обороны, за январь 1917 г.“. Она никем не подписана — соответственные чиновники, вероятно, не успели это сделать в виду грянувшей революции.

В департамент полиции стекались все сведения о забастовочном движении, почему его сводки заслуживают внимания, даже при неполноте сведений. Так, не отмечены несколько губерний, в которых, быть может, имели место фабрично-заводские забастовки; не отмечены, как видно из заголовка сводки, те предприятия, которые непосредственно не работали на оборону и т. п. Во всяком случае приводимые здесь цифры — минимальные.

Название губерний и областей.	Число предприятий.	Число бастовавших рабочих.	Число пропущенных рабочих дней.
Бакинское Градоначальство	87	22290	79702
Владимирская губерния	35	47657	456240
Донская область	7	4336	13877
Иркутская губерния	9	1684	4367
Калужская „	1	850	1700
Казанская „	1	295	147
Киевская „	1	470	3290
Москва	62	45257	55143

Название губерний и областей.	Число предприятий.	Число бастовавших рабочих.	Число пропущенных рабочих дней.
Московская губерния	3	6136	53653
Орловская „	2	93	93
Петроград	44	85990	88682
Полтавская губерния	2	335	3715
Тверская „	1	4	10
Харьковская „	2	10289	9442
Херсонская „	1	137	271
Черниговская „	1	130	130
Эстляндская „	5	5575	24532
Ярославская „	2	378	1134
Финляндия	1	116	232
Итого	267	232025	776366

В примечании к цифровым итогам настоящей сводки указываются соответственные цифры за декабрь месяц 1916 г.: количество бастовавших предприятий—46, число рабочих—44761 и число непроработанных дней—229122. Следовательно, в январе 1917 г. число бастовавших предприятий и рабочих увеличилось в пять слишним раз.

Сообщ. Р. М. Кантор.

К истории крестьянских беспорядков 1905 г.

8 января 1906 г. министр внутренних дел П. Н. Дурново обратился к губернаторам тех губерний, где в 1905 году происходили беспорядки, сопровождавшиеся разгромом и грабежом крестьянами владельческих усадеб, торгово-промышленных заведений и движимого имущества [1]), с запросом о причинах, вызвавших крестьянские беспорядки.

Полученные ответы 18 губернаторов были сведены в особой записке, которую министр внутренних дел препроводил как справку к председателю совета министров гр. С. Ю. Витте [2]). Приводим текст этой справки:

1) *Все губернаторы придают первенствующее значение революционной агитации, как ближайшей причине беспорядков.*

Противоправительственная агитация, как удостоверяют 9 губернаторов (Саратовский, Симбирский, Воронежский, Тульский, Казанский, Орловский, Тамбовский, Полтавский и Курский) велась в сельских местностях уже давно, при этом большинство губернаторов приписывают в этом деле особое значение земским служащим, как-то: учителям, врачам, фельдшерам, а также земским управам, почти всегда покровительствовавшим мало благонадежному третьему элементу земства. В последнее время революционную пропаганду вели, по удостоверению Симбирского губернатора, даже податные инспектора, а по сведениям Воронежского и Пензенского губернаторов — некоторые местные священники. Не малое значение в распространении недовольства правительством имели либеральные органы печати. Благоприятную почву для агитации в конце 1904 и в 1905 году представила неопределенная колеблющаяся политика министерства внутренних дел и амнистия лиц, политически неблагонадежных. Засим, особенно благоприятные условия для революционной пропаганды создал манифест 17 октября, который, возвестив разные свободы, не урегулировал их законом. На местах революционеры с успехом толковали манифест 17 октября в том смысле, что старые законы отменены и всем предоставлена полная свобода действий до грабежа включительно. На ряду с этим, большинство губернаторов указывают и на слабую деятельность судебных властей, граничащую в некоторых случаях с полной бездеятельностью. Чрезмерный формализм при следственном производстве имеет развращающее влияние на население, вселяя в него убеждение в ненаказуемости

---

1) См. именной выс. указ 10 апреля 1905 г. об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках (П. С. З. № 26085).

2) Дело канцелярии комитета министров 1905 г. (без номера). Впоследствии 26 апреля 1906 г. последовал указ об имущественной ответственности участников в погромах и грабежах в сельских местностях (П. С. З. № 27816).

аграрных беспорядков. В частности, Орловский губернатор отмечает, что разбирательства судебных дел по аграрным беспорядкам в Севском и Дмитровском уездах, закончившиеся ничтожным наказанием, но сопровождавшиеся речами, подрывающими в населении уважение к правам собственников, имели более вредное значение, чем все прокламации и агитаторы.

Наконец, большинство губернаторов указывают на громадное влияние крестьянского союза, революционные постановления с'езда коего в Москве были напечатаны во многих органах печати. Большинство крестьян и по настоящее время верит, что все отпечатанное дозволено и законно [1]).

2) Все губернаторы признают, что местные административные власти не проявили при возникновении беспорядков достаточной энергии и смелости. Причины этому заключались частью в крайней недостаточности как низших полицейских органов, так и военных сил на местах, частью же в неподготовленности уездной администрации к борьбе с совершенно необычною необузданностью толпы. Как на причину нерешительности распоряжений местной администрации некоторые губернаторы указывают на неопределенность политики центрального правительства. Начиная с конца 1904 года и в особенности после того как арестованные и высланные за политическую пропаганду лица были возвращены на места, административная власть не решалась прибегать к каким-либо решительным действиям. После же издания манифеста 17 октября, когда в Петербурге безвозбранно собирались повсюду, так называемые, митинги, на которых произносились речи и призывы самого возмутительного характера, местные власти положительно были сбиты с толку и многие из них серьезно думали, что революционная пропаганда дозволена.

3) 8 губернаторов (Пермский, Тамбовский, Казанский, Воронежский, Бессарабский, Полтавский, Симбирский и Курский) полагают, что малоземелье крестьян послужило поводом для развития беспорядков, облегчив доступ в народную среду революционных социалистических учений. При этом Полтавский губернатор об'ясняет, что в управляемой им губернии всей земли, включая сюда и частно-владельческие, приходится менее 1 десят. на душу, а Казанский губернатор указывает, что беспорядки имели место в селениях, получивших дарственный надел. Симбирский губернатор, указывая на малоземелье крестьян и наличность очень крупных землевладельцев, признает, что крестьяне вообще имеют ныне земли менее, чем сколько нужно ее для того, чтобы занять все рабочее время семьи, арендные же цены на землю значительно вздуты. Губернатор отмечает, однако, состоятельность местных крестьян и наличность во многих местах на гумнах скирд хлеба урожая прежних лет. Пермский губернатор обращает внимание на под'ем цен на луга и леса при недостаточности этих угодий

---

[1]) Всероссийский с'езд крестьянского союза состоялся 31 июля 1905 года в 6 час.
вечера в помещении Никольской земской больницы близ ст. Химки, Николаевской ж. д.
и 1 августа 1905 г. в помещении Бутырского хутора, Московского общества сельского
хозяйства за Бутырской заставой. На с'езд прибыли крестьяне от 28 губерний: Влади-
мирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской,
Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской,
Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Яро-
славской, Донской области (и других шести не поименованных), в количестве свыше
100 человек. Кроме того присутствовало до 25 интеллигентов (архив д-та полиции.
4 делопроизводства 1905 г., дело № 999, ч. 45).

у крестьян, каковое обстоятельство нередко вызывало и ранее серьезные недоразумения. Воронежский губернатор указывает на неправильность политики крестьянского банка, способствующего переходу земли в руки зажиточных, а не наиболее нуждающихся в земле лиц. По мнению Бессарабского губернатора, большое значение в развитии беспорядков имела аренда земли евреями, которые передавали земли крестьян по чрезвычайно повышенным ценам, что вызывало беспорядки даже без революционной пропаганды. Наконец, Нижегородский губернатор полагает, что хотя малоземелье имеет значение в развитии беспорядков, но оно не может сб'яснить интенсивность их.

4) 10 губернаторов вовсе не видят в малоземелье причины беспорядков. Саратовский губернатор полагает, что в данном случае имела значение вообще народная бедность, а не малоземелье, почему в Саратовской губернии в урожайные годы беспорядки утихают, а в голодные возобновляются с новою силою. Екатеринославский губернатор говорит, что не малоземелье побуждает крестьян к беспорядкам, а существующее у них желание владеть большим количеством земли. Пензенский и Смоленский губернаторы указывают, что беспорядки имели место и в тех селениях, где крестьяне вовсе не нуждаются в земле и имеют сверх надела купленную землю. Орловский губернатор категорически утверждает, что малоземелье не может почитаться причиною беспорядков, а вопрос о малоземелье служит лишь средством пропаганды. Тоже полагает и Черниговский губернатор, который добавляет, что в беспорядках участвовали крестьяне, имеющие до 100 десятин земли, а если крестьяне нуждаются ныне в лесе, то лишь потому, что вырубили все бывшие у них леса.

5) Некоторые губернаторы остановились на тех мероприятиях, кои надлежало бы принять в целях предотвращения крестьянских беспорядков на будущее время, при этом, кроме увеличения в губернии военной силы и увеличения числа низших органов полиции (Симбирский, Екатеринославский и Тульский), некоторые из них (Курский, Орловский, Черниговский и Таврический) считают необходимым, чтобы за грабежами следовала скорейшая репрессия для всей массы крестьян, которые участвовали в беспорядках и ныне остаются безнаказанными. С этою целью Таврический губернатор ходатайствовал об учреждении в губернии комиссий на основании Указа 10 апреля 1905 года и засим просил прокурора Палаты об увеличении числа судебных следователей, производящих следствие по делам об аграрных беспорядках. Ускорение судебного процесса считает необходимым и Симбирский губернатор. Орловский губернатор полагает необходимым обратить все внимание на агитаторов и пропагандистов революции и усилить меры против них. Симбирский губернатор считает необходимым увеличение крестьянского землевладения, усматривая, однако, затруднение в осуществлении этой меры в том, что многие имения куплены посторонними крестьянами, а во многих местностях крестьянам не у кого купить земли.

Наконец, Саратовский губернатор видит возможность успокоения сельского населения: во-1-х, в укреплении власти путем твердой и неуклонной политики Правительства и, во 2-х, в коренной реформе земельного устройства крестьян. Расширение крестьянского землевладения путем покупки земли он считает паллиативною мерою, причем замечает, что громилами нередко являются крестьяне, наделенные полным наделом, а соседние малоземельные не нарушают порядка. Губернатор утверждает, что община теперь развращена и терроризирована испорченной молодежью и не может разбогатеть от дешевого приобретения лишней земли. Поэтому,

по его мнению, коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, являющихся по природе своей противниками всяких разрушительных теорий. Для этого следует, не уничтожая насильственно общины, с которою сжился народ, всячески способствовать единичным сделкам с помощью крестьянского банка, разрешая, в этих видах, продажу и залог надельной земли и помогать таким мелким владельцам кредитом. Орловский губернатор высказывается более решительно против наделения крестьян землею, опасаясь, что неосторожное наделение может еще более подорвать в крестьянах уважение к собственности.

Такого же мнения держится и Курский губернатор, который добавляет, что необходимо скорейшее подчинение гражданского оборота в крестьянской среде твердым определенным законам и скорейшая отмена произвола земельной общины, служащей коренным препятствием к развитию у крестьян уважения права частной собственности.

Сообщил А. Шебалов

О судьбе некоторых архивных материалов по истории крепостного хозяйства с конца XVIII века.

До последнего времени крайне недостаточно изучается экономическая история России (до освобождения крестьян), в частности — организация и разложение крепостного, помещичьего и крестьянского хозяйства. Широкое и углубленное изучение этой проблемы возможно при условии разработки наиболее важных материалов, сюда относящихся, — а именно: 1) приходо-расходных книг помещиков по своим имениям, рабочих журналов, хозяйственных отчетов управляющих имениями, соответствующей переписки и пр. и 2) архивов тех учреждений, куда помещики, начиная с конца 18-го века, закладывали свои населенные крепостными людьми именья, представляя при совершении операции заклада подробнейшую опись всех хозяйственных статей закладываемого объекта [1].

Материалы первой рубрики в большей своей массе, надо полагать, погибли, т. к. подобным документам обычно не придавали исторического значения. То же, что уцелело — разбросано по отдельным именьям и, может быть, потерпело урон в период нынешней революции. Лишь незначительная часть таковых материалов хранится в правительственных архивах [2].

Следовательно, особое значение приобретают архивы учреждений, входящих во вторую рубрику. Вспомним, хотя бы только по имени, те учреждения, в которых дворянство закладывало свои „крепостные души" и именья.

Еще при имп. Елизавете, в 1754 году, в Москве и Петрограде были учреждены Дворянские Заемные банки, которые выдавали ссуды под залог „недвижимых имений, сел и деревень с людьми и крестьянами и со всеми угодьями". Основной капитал этих банков в царствование Екатерины II был доведен до 6 мил. руб. Оба они были в 1786 г. закрыты и все их делопроизводство передано в Государств. Заемный банк, возникший в том же году. Главной целью Госуд. Заем. банка было оказывать содействие дворянскому землевладению „дабы всякий хозяин был в состоянии удержать свои земли, улучшить их и основать навсегда непременный доход своему дому" и поэтому самыми важными операциями банка были выдачи

[1] Накануне освобождения крестьян (в 1861 г.) [illegible] дворянства, как известно, скопились до 100 мил. [illegible] 11 мил. крепостных муж. пола [illegible] 70% этих крепостных были уже заложены (П. Г. Архангельский, Очерки по истории земельного строя России. 1921 г., стр. 64). Приведенные цифры указывают на важность изучения архивов [illegible] вопросов, связанных с крепостным хозяйством.

[2] Напр. [illegible] находятся в [illegible] архиве.

ссуд под залог помещичьих населенных имений. Накануне ликвидации банка в 1859 году, ссуды его простирались до 383 мил. руб. [1]. Делопроизводство и архив банка (а также, повидимому, и упраздненных раньше Дворянск. Заемн. банков) перешли в Петроград. Сохранную казну [illegible].

Знаменитый деятель Екатерининской эпохи Бецкий основал в 17[illegible] г. Воспитательные Дома. Средств на их содержание было недостаточно, и Бецкий решил обратиться к некоторым банковым операциям, доходы от которых должны были лечь в основу бюджета Воспит. Домов, а также и иных благотворительных учреждений, имеющих быть основанными.

Мысль Бецкого в отношении банковых операций вылилась в проект организации Сохранной Казны — Петроградской и Московской, главные операции которых заключались в выдаче ссуд под залог недвижимых имений. Эти Сохранные Казны действия свои открыли в 1775 году, но фактически Московский Воспитат. Дом стал выдавать ссуды с 1763 г. [2].

В 1803 году сумма займов из Сохр. Казны достигала уже [illegible] тыс. руб. серебром, причем число заложенных душ муж. пола было 244.27[illegible], а через 40 лет, в 18[illegible] году, сумма займов из Сох. Казны увеличилась почти в 50 раз, число же заложенных душ простиралось до [illegible]. В 18[illegible] г. сумма займов вырастает до 317.6[illegible] тыс. руб. серебром.

В 1861 году на Петроградскую Сохранную Казну (при издании Положения 19 февраля) возлагается заведывание, на первое время, выкупною операцией. По распоряжению [illegible] января 18[illegible] г. обеим отделениям Сохр. Казны предоставляется право перевода займов, учиненных в Приказах Общественного Призрения под залог. населенных имений.

Бегло намеченный круг деятельности Московской и Петроградской Сохр. Кассы и краткие цифровые данные по их оборотам указывают, как велики по об'ему и насколько интересны архивы Сохранных Казен, вместившие в себя архивы Петрогр. и Моск. Дворян. Заем. банков и Госуд. Заемн. банка.

Деятельность Сохр. Казен начинает падать с начала 60-х годов. С 1862 г. Московской и Петроград. Сохр. Казнам предоставлена была исключительно ликвидация долгов по выданным ими ссудам (а для Петрогр. Казны и по займам б. Заемного банка). Благодаря новым правилам и изданию Положения 28 декабря 1881 г. об обязательном выкупе крестьянами своих наделов в помещичьих имениях, произошло особенно сильное сокращений деятельности Сохранных Казен, так что к 18[illegible] году по обеим Казнам числилось всего 1.[illegible] займов на сумму [illegible] тыс. руб. [3]. Вследствие этого, в 18[illegible] году Московская Сохр. Казна была упразднена, а все ее делопроизводство (текущее) передано в ведение Петрогр. Сохран. Казны (помещавшейся по Забалканскому пр., № 1[illegible]). По имеющимся у меня документам архив Москов. Сохр. Казны был в декабре 18[illegible] года и марте 1891 г. полностью доставлен в Петроград, в распоряжение Петрогр. Сохр.

---

1) [illegible] у Н. Н. Кауфмана. [illegible] „[illegible] Врем. Рос. Имп.", серия II, вып. [illegible] (за [illegible] 1862—1873 г.г.).

2) В собрании узакон. и распоряж. правительства от [illegible] января 18[illegible] г. [illegible] высочайше утвержденного мнения Госуд. Совета [illegible] Петрогр. и Московской Сохранных Казен [illegible] С.-Петербургская Сохр. Казна [illegible] быв. Заемного банка [illegible] Петр. Сох. Казны [illegible].

3) Д. Ф [illegible] Архив, 1876 г., кн. [illegible] архив", 1876 г., кн. III.

4) [illegible] 13 декабря 18[illegible] г. [illegible].

Казны. Документы архива Москов. Казны датируются погодно с 1763 по 1887 год, т.-е. за 124 года. Общий вес всего отправленного в декабре 1890 г. был 1.855 пудов. Что было отправлено из Москвы в Петроград в марте 1891 года, — получить полных сведений по этому вопросу невозможно. Во всяком случае, по отрывочным данным известно, что было отправлено из Москвы 963 дела.

Петроград. Сохранная Казна лишь несколькими годами пережила Московскую. В 1895 году Петроградская Сохран. Казна была упразднена. Все ее делопроизводство и архив поступили в распоряжение Особенной канцелярии по кредитной части при министерстве финансов (Дворцовая площадь, № 8). Сама кредит. канцелярия была в 1918 г. эвакуирована в Москву, где ныне и существует под именем Отдела Международных Расчетов.

Куда же девался архив Петрогр. Сохранной Казны, а, следовательно, и вошедшие в состав этого архива архивы Моск. Сохр. Казны, бывш. Госуд. Заемн. банка и бывших Петрогр. и Москов. Дворянск. Заемн. банков?...

24 октября 1917 года архивариус Кредитной Канцелярии Иванов представил директору канцелярии докладную записку по выполнению данного ему, повидимому, уже давно поручения: осмотреть вместе с бухгалтером и делопроизводителем весь архив Петрогр. Сохр. Казны и изложить свое мнение о целесообразности сохранения материалов архива. В своей записке архивариус и его товарищи заявляют, что, в подавляющей массе, весь архив Сохр. Казны это т о л ь к о п р о с т а я п е р е п и с к а о выдаче заемщикам этого учреждения ссуд под залог их недвижимых имений и потому документы эти представляют важность только для самих заемщиков, а так как почти никого из последних уже в живых нет, то комиссия, ссылаясь на ст. 1[illegible] правил о порядке хранения и уничтожения решенных дел по министерству финансов (правила утверждены 9 июня 1869 г.), предлагает архив Сохр. Казны уничтожить.

Октябрьский переворот помешал тогда уничтожению архива, но не спас его. Помещение Петрогр. Сохр. Казны на Забалканском проспекте было чрезвычайно скромным по своим размерам. Архив самой Петрогр. Сохранн. Казны и московские архивные дела складывались в пакгаузы бывш. Петроградск. Сухопутной Таможни, которая требовала от Кредитной Канцелярии освобождения помещений. Так как почва для уничтожения архива Сохр. Казны была уже подготовлена, то комиссар Кредит. Канцелярии, для которого материалы Сохр. Казны были тоже только п р о с т о й перепиской, порешил судьбу драгоценных для исторической науки документов: в апреле 1918 года все было вывезено из пакгаузов на бумажную фабрику Печаткина, где и переработано на бумагу.

А. Большаков.

Содержание кн. 6—7.

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая.

Книга вторая.

17. Факты и цифры. Заметки архивистов. Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке. К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы. К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.). Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

18. Сообщения Ученой комиссии.

Книга третья.

1. Первая годовщина.
2. Заработная плата в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
3. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. С. Платонова.
4. Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от крел. зависимости). Л. Айзенберга.
5. К истории стачек среди фабричных рабочих. Ю. Гессена.
6. Заметки по истории труда на Руси 16—17 века I. Транспортные рабочие-водники.—II. Строгановские иконники. А. Введенского.
7. Жандармерия и первые рабочие стачки. Р. Кантора.
8. Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). В. Невского.
9. Женский труд в почтово-телеграфном деле. А. Путилова.
10. К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. К. Пажитнова.
11. Крестьяне Демидовского лицея. Т. Шатиловой.
12. Холерный бунт 1892 г. В. Колпенского.
13. Картины из крепостного быта. П. Аргунова.
14. Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
15. „Разных художеств мастеровые люди“. П. Садикова.
16. Запасные хлебные магазины. Н. Мурзанова.
17. Некоторые данные о фабриках в 1767 году. М. Цвибака.
18. Материалы для статистики: Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии.—Стоимость наемного труда на полевых работах в 1871 г. Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях (1861 г.).
19. Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях.—Об усилении мер наказания по преступлениям крепостных против помещиков.—Цехи в Москве по данным 1856 г.—Запрещение праздновать первое мая.
20. Итог годовой работы по составлению архивного каталога.

Книга четвертая.

1. Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности И. Кулишера.
2. Закрепощение в императорской России. А. Преснякова.
3. Положение рабочих в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
4. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. В. Святловского.
5. К истории ремесленного труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
6. Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). Л. Айзенберга.

Книга пятая.